

**ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ СВЯЗИ
СТЕПНЫХ (СКОВОДЧЕСКИХ) КУЛЬТУР
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ЭНЕОЛИТЕ И БРОНЗОВОМ ВЕКЕ
(V–II тыс. до н. э.)**

Санкт-Петербург
2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ СВЯЗИ
СТЕПНЫХ (СКОВОДОЧЕСКИХ) КУЛЬТУР
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ЭНЕОЛИТЕ И БРОНЗОВОМ ВЕКЕ
(V–II тыс. до н. э.)**

**Круглый стол,
посвященный 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко
(Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.)
Материалы**

Санкт-Петербург
2016

Организационный и научный комитет Круглого стола

1. В. С. Бочкарёв, старший научный сотрудник ИИМК РАН (председатель);
2. В. А. Алёшкин, к. и. н., зав. отделом Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН;
3. В. Я. Стёганцева, младший научный сотрудник ИИМК РАН;
4. П. А. Бардакова, соискатель ИИМК РАН;
5. Ю. Ю. Пиотровский, Государственный Эрмитаж;
6. Е. А. Черлёнок, Санкт-Петербургский государственный университет;
7. А. В. Кияшко, д. и. н., зав. кафедрой археологии и истории Древнего мира, Южный федеральный университет;

**Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур
Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.).**

Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко
(Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.): Материалы. – СПб., 2016. – 149 с.

Редакционная коллегия:

В. А. Алёшкин (отв. ред.), В. С. Бочкарёв, В. Я. Стёганцева

Подготовка к изданию: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева

© Институт истории материальной культуры РАН, 2016

© Государственный Эрмитаж, 2016

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

© Южный федеральный университет, 2016

© Авторы, 2016

Станислав Никифорович Братченко (03.09.1936–21.02.2011)
(фотография из архива О. Р. Дубовской)

От редакции

В брошюре, которую читатель держит в руках, изданы материалы Круглого стола «Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.)» (14–15 ноября 2016 г., Санкт-Петербург), посвященного 80-летию со дня рождения Станислава Никифоровича Братченко (03.09.1936–21.02.2011), – выдающегося исследователя бронзового века Восточной Европы.

Станислав Никифорович относился к тому поколению этнических украинцев, в судьбе которых одинаково важную роль играли традиции как украинской, так и русской культуры. Он родился на востоке Украины, в маленьком шахтерском городке Красный Луч тогдашней Ворошиловоградской (впоследствии Луганской) обл. УССР. С раннего детства русский и украинский язык были его родными языками. И на том, и на другом он прекрасно говорил и писал. Из четырех его книг две написаны на русском и две — на украинском языках.

После окончания средней школы Станислав Никифорович поступил на исторический факультет Ростовского пединститута. Вскоре этот факультет

был переведен в Ростовский университет. Здесь он страстно увлекся археологией, интерес к которой у него проявился еще в детстве. Судьбоносную роль в его профессиональной карьере сыграла Кобяковская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР. Будучи еще студентом, он начал в ней работать с первого дня ее создания. Вскоре на него обратили внимания как на великолепного раскопщика и разведчика археологических памятников.

По ходатайству начальника Кобяковской экспедиции Станислав Никифорович был переведен на кафедру археологии ЛГУ. Здесь его учителями стали М. И. Артамонов, П. И. Борисковский, Б. Б. Пиотровский, М. П. Грязнов, В. Ф. Гайдукевич и другие. Студент получил прекрасное археологическое образования и успешно окончил университет.

Вернувшись на Нижний Дон, он начал работать в Музее истории Донского казачества, а затем перешел в штат Ростовского областного музея краеведения. Четыре года (1960–1964), проведенные на Дону, оказались одними из самых плодотворных в научной жизни Станислава Никифоровича. В это время он окончательно сформировался как крупный исследователь степных культур эпохи бронзы. На скудные музейные средства он сумел провести значительные полевые работы.

В районе Левенцовки ему удалось открыть первое на Нижнем Дону многослойное поселение эпохи энеолита и бронзы и замечательную каменную крепость конца эпохи средней бронзы. Изучив полученные материалы, Станислав Никифорович заключил, что Левенцовская крепость и еще ряд крымских поселений принадлежат особой культурной группе, которая фактически является новой культурой эпохи средней бронзы. Впоследствии он неоднократно возвращался к этой теме, дополняя и уточняя свои первоначальные выводы. В 2006 г. вышла в свет его монография, посвященная Левенцовской крепости. Эту блестящую работу можно поставить в один ряд с лучшими археологическими сочинениями, опубликованными в начале нынешнего века.

В те же годы Станислав Никифорович стал одним из основателей и первым директором археологического музея-заповедника «Танаис». Под его руководством создана первая экспозиция этого музея, организованы экскурсионные маршруты и т. д. Сейчас «Танаис» является одним из самых популярных музеев-заповедников на юге России.

В 1964 г. Станислав Никифорович был приглашен в аспирантуру ИА АН УССР. После ее окончания он был оставлен в штате Института, где проработал до выхода на пенсию. В 1976 г. он опубликовал свою первую книгу «Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы». Уже в 1980-х гг. она приобрела статус классического произведения, причем это произошло стихийно, без всякого внешнего давления. Ее выбрало само научное сообщество. И в наши дни этот труд остается востребованным. За прошедшие десятилетия никто лучше Станислава Никифоровича так и не написал о катакомбных памятниках эпохи бронзы Нижнего Подонья.

Исследователь никогда не порывал своих контактов ни с Ростовом-на-Дону, ни с Ленинградом/Санкт-Петербургом. Соединяя в своем творчестве

лучшие традиции трех археологических школ (ростовской, ленинградской/санкт-петербургской и киевской), он сделал поистине фундаментальный вклад в изучение древностей бронзового века Восточной Европы. Личные качества Станислава Никифоровича привлекали к нему студентов. Его ученики впоследствии составили костяк донецкого и луганского археологических центров.

Самым притягательным в археологии степей в 1950-х–1970-х гг. являлся круг вопросов, связанных с изучением катакомбной культуры среднего бронзового века, которая была открыта В. А. Городцовым еще в дореволюционное время. Этому научному направлению были посвящены многочисленные публикации, как маститых исследователей, так и начинающих археологов.

Станислав Никифорович обогатил данный вектор изысканий множеством новых, полученных им в поле данных, которые, вкупе с уже известными материалами, позволили ему решить проблему происхождения катакомбной культуры. Следует подчеркнуть, что исследователь был блестящим аналитиком археологического материала, его эрудиция простиралась на все сферы изучения катакомбных древностей.

В результате своих многолетних полевых и кабинетных изысканий Станислав Никифорович доказал, что катакомбная культура возникла на основе ямного субстрата в ареале, протянувшемся вдоль побережья Азовского моря. Творцы этой общности находились под сильным культурным воздействием древнего населения Кавказа, в ряде случаев ученый даже не исключал инфильтрацию обитателей упомянутого региона на Нижний Дон и Северский Донец. Конечным итогом взаимодействия прежних (ямных) традиций и культурных инноваций явилась новая (катакомбная) культура, со временем широко распространившаяся в степях Восточной Европы. Концепция происхождения катакомбной культуры, предложенная Станиславом Никифоровичем, имеет огромное значение для решения проблем культурогенеза бронзового века южной части Восточной Европы.

Отдавая должное светлой памяти выдающегося исследователя, археологи Санкт-Петербурга, города, где происходило формирование Станислава Никифоровича Братченко как ученого, а также коллеги из других городов России и Украины решили обсудить, с учетом новых полевых открытий, те проблемы археологии, которыми он всегда живо интересовался.

Краткое содержание докладов, представленных вниманию участников Круглого стола, выносятся на суд специалистов.

В. С. Бочкарёв, В. А. Алёшкин

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Л. С. Клейн

Ямная, буджакская и ДНК

В 1970 г. мне довелось выдвинуть одну идею, которая стала общепринятой: я предложил считать катакомбную культуру не культурой, а группой культур (теперь привилось слово «общность»), а ее варианты – самостоятельными культурами. Одним из первых эту новацию в 1974 г. принял С. Н. Братченко, за ним все остальные. А через пять лет, в 1975 г., я применил ту же идею к ямной культуре. В рецензии на книгу И. Т. Чернякова я заметил, что западный вариант ямной культуры имеет совершенно иную керамику и сходен с классической ямной культурой только по погребальному обряду. Я написал, что это явно особая культура и назвал ее по типичному памятнику *нерушайской*. Черняков через несколько лет откликнулся (1979), принял мою трактовку, но переименовал культуру в *буджакскую* – по степям, в которых эти памятники были расположены. Ну, он раскопщик, его право давать имя, хотя наименования по местности мне представляются неудобными.

А вот общего признания на сей раз пришлось ждать долго. У Н. Я. Мерперта было представление, что ямная культура занимает слишком большую территорию, и он предложил именовать ее «ямной культурно-исторической областью» (Мерперт 1968; 1974), но девять выделенных им локальных вариантов до уровня культур не поднимал. С середины 1980-х гг. Алексеева (1985; 1992) и Дергачёв (1986) заговорили о культурном обособлении западной территории – днестро-дунайской или днестровской и буджакской. В 2000-е гг. ведущий специалист по ямной культуре С. В. Иванова по-новому стала трактовать понятие «ямной культурно-исторической области» (Иванова 2004а; 2004б) и посвятила статью «балкано-карпатскому варианту» этой области (Иванова 2014), но докторскую диссертацию – буджакской культуре, а в своей англоязычной статье (Ivanova 2013) практически свела этот вариант к ответвлению все той же буджакской культуры.

Правда, она видит свое отличие от моих взглядов в том, что включает эти культуры в ямную «культурно-историческую общность», а я вывожу «за пределы ямной культуры» (Иванова 2012: 39), но тут подмена понятий: я вывожу за пределы культуры, но некую общность обряда и я признаю. Однако за общностью обряда стоят совсем другие реалии, чем за общностью культуры, и в работах Ивановой это хорошо показано. Мне представляется, что работы Ивановой можно считать знаком общего признания этой отделенности. На

месте ямной культуры появилось, по крайней мере, две культуры, с которыми археологи и должны иметь дело.

Эта ситуация чрезвычайно важна потому, что с ямной культурой одна старая гипотеза связывала происхождение всех индоевропейцев. Согласно ей, на праиндоевропейском языке говорили именно степняки бронзового века – носители ямной культуры. Это гипотеза лингвистов А. Шлейхера, О. Шрадера, Т. Бенфея и археологов Э. Вале, Г. Чайлда, Т. Сулимирского, М. Гимбутас, Дж. Мэллори, Д. Энтони. Ей противостояли несколько других гипотез – малоазиатская, центральноевропейская и другие. Споры шли с переменным успехом. Но в самое последнее время в дискуссии вмешались генетики. В двух сенсационных статьях в престижном журнале «Nature» две команды генетиков, в которые были включены и археологи, добыли материалы о безусловном сходстве геномов носителей ямной культуры и культур шнуровой керамики. Более того, этот общий для обеих культур компонент затем укоренился в генофонде последующего населения Европы. Эти выводы генетиков с помощью связанных с ними археологов, старых апологетов степной гипотезы, истолковывают как безусловное свидетельство достоверности массовой ямной миграции на запад (рис. 1) и степной гипотезы происхождения индоевропейцев, по крайней мере их части, связанной с культурами шнуровой керамики (Haak et al. 2015; Allentoft et al. 2015).

Соответственно археологи, сторонники степной гипотезы, получив такую мощную поддержку, с энтузиазмом выясняют, как массы ямного населения, рванувшись на запад, насаждают там курганный способ погребения с одиночными могилами вместо прежних коллективных, как ямная посуда передает европейской керамике шнуровой орнамент, как ямные артефакты становятся прототипами центральноевропейских. Это, как мы знаем, чрезвычайно трудно, но раз другого выхода нет...

Между тем, вся генетическая серия образцов, сопоставляемая с центрально-европейскими, взята из ямных курганов Поволжья (под Уфой), тогда как все рассуждения о миграции ямников на запад и об их связях с культурами шнуровой керамики имеют в виду соседний с европейскими памятниками ареал курганов карпато-дунайского бассейна, т. е. буджакскую культуру – с другой керамикой, имеющей балкано-дунайские корни. Иванова тщательно исследовала эту культуру (в основном на материалах Побужья и Поднестровья) и показала, что там есть немало шнуровых кубков и амфор, но это никакие не прототипы шнуровой керамики, а просто импорты из этих культур. То есть они сосуществовали.

Тут самое время отметить, что по принятой датировке ямная культура вообще не предшествует культурам шнуровой керамики, а является их современницей или чуть старше их. Начало культур шнуровой керамики по самым современным подсчетам датируется примерно 2900 года до н. э. (Furholt 2003), а ямная культура начинается около рубежа III тыс. до н. э., и лишь некоторые радиоуглеродные даты заходят в последние века IV тыс. до н. э. (Николова 2001; Черных, Орловская 2004; Иванова 2006). Пока судить трудно, является ли это обычным разбросом или системой. Более уверенно говорят о конце IV тыс. до н. э. именно поволжские археологи, но от Поволжья до Европы далеко.

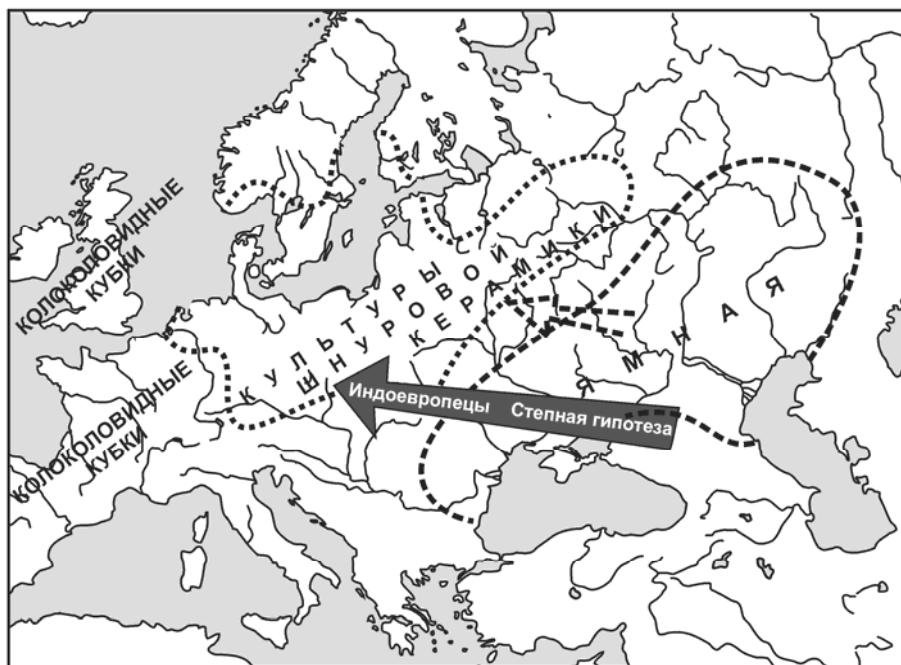

Рис. 1. «Степная гипотеза» – направление предполагаемой миграции ямной культуры в область культур шнуровой керамики (по Haak et al 2015)

Европейскими (дунайскими) памятниками ямной культуры много и тщательно занимался один из ведущих сторонников степной гипотезы немецкий археолог Ф. Хейд. Он со своим соавтором Р. Харрисоном построил подробную концепцию, как осуществлялась ямная миграция, как проходила перестройка европейских культур под ямным воздействием, с картами, сравнительными таблицами и схемами (Harrisson, Heyd 2007). Но уже в 2011 г. он пришел к твердому заключению, что погребения, которые он называет ямными, не появляются нигде, кроме степных ландшафтов (Heyd 2011). В степных участках Европы – южнее Карпат – они есть, а за пределами их отсутствуют. Туда они не шли. Это уже вносило ноту недоверия к его концепции.

В последнее время Хейд с румынскими коллегами занялся проверкой типологии и хронологии и опубликовал результаты, никак не согласуемые с его концепцией. Оказалось (Grinculeasa et al. 2015), что курганные погребения в ямах Подунавья (Венгрии, Болгарии, Румынии и Сербии) четко делятся на две группы – раннюю и позднюю (рис. 2). Разделяющая грань между ними – 3050/3000 гг. до н. э. В ранней группе все погребения только основные в курганах, ямы овальные, скелеты скорченные на боку или вытянутые на спине, охры мало, а сосуды имеют местные балканские формы. Эти погребения никак не относятся к ямной культуре, они энеолитические – как наши квинтянская и

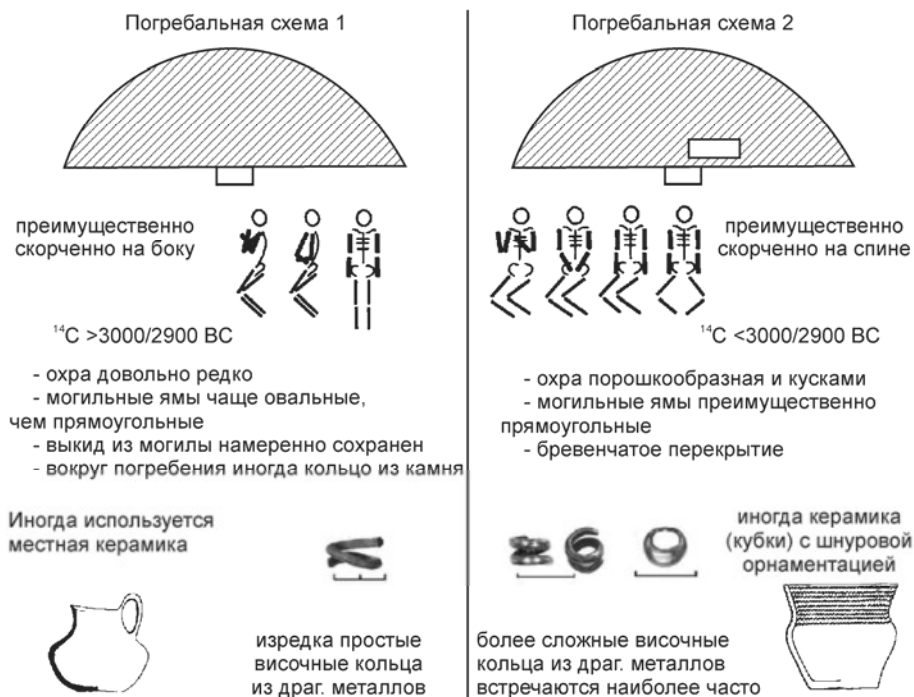

Рис. 2. Разделение ямных погребений Подунавья на две группы (по Frînculeasa et al. 2015)

нижнемихайловская культуры. В поздней же группе есть основные погребения, есть впускные, ямы – прямоугольные, покойники лежат на спине, а ноги подняты в коленях, много охры. Хейд и его соавторы полагают, что это ямная культура, но керамика и тут местная, балкано-дунайская, а не ямная. Мы понимаем, что это буджакская культура или родственная ей (ее карпато-дунайский вариант).

Таким образом, степное население видимо проникало еще в энеолите в степи Подунавья, но не шло дальше их. В IV тыс. до н. э. это были энеолитические культуры степей, а в III – буджакская культура, сформированная с неким участием ямной. В этом регионе они смешивались с местным населением, передавали ему некоторые черты своего погребального обряда, перенимая его керамику. Эта особенность говорит о том, что скорее всего пришлыми были мужчины, а контактировали с ними прежде всего местные женщины. Но никакого формирования культур шнуровой керамики тут не происходило.

Этот вывод позволяет поставить вопрос о том, верно ли толкуют свои материалы, несомненно очень важные и достоверные, наши коллеги генетики. В этом позволительно усомниться. Основания для сомнений есть и чисто биологические. Самое главное из них заключается в парадоксальном распространении ямного (в представлении генетиков) компонента по территории Европы.

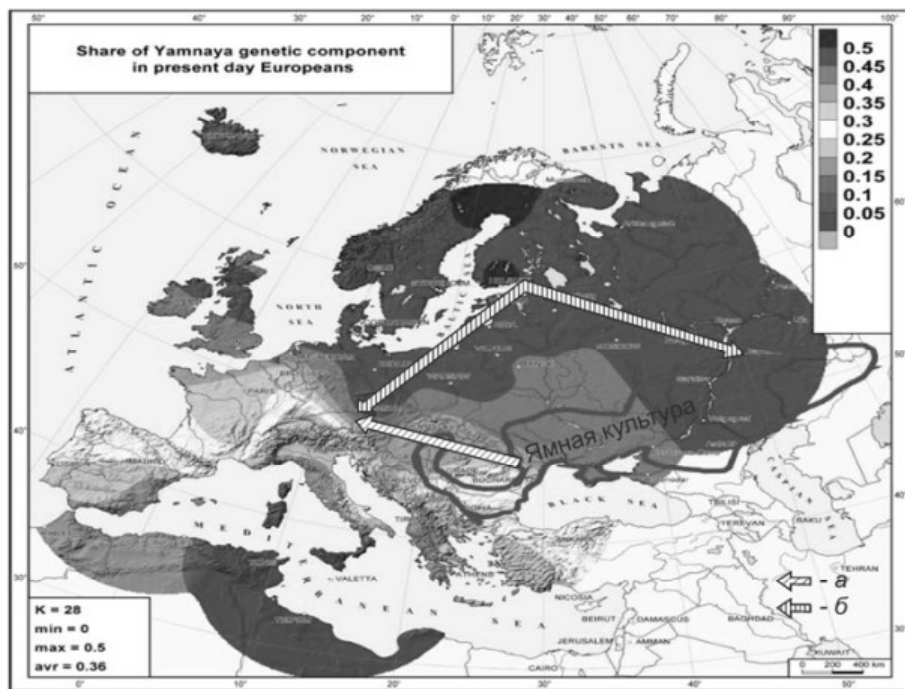

Рис. 3. Распределение «ямного» генетического компонента в населении Европы (Л. С. Клейн по Haak et al. 2015). Интенсивность цвета соответствует вкладу этого компонента в разные современные популяции, шкала интервалов дана справа. Условные обозначения: *a* – направление миграции, постулированное сторонниками ямного происхождения индоевропейцев Европы; *b* – направление движения «ямного» компонента в соответствии с градиентом представленного распределения. Карта показывает, что «ямный» генетический компонент – вряд ли ямный по происхождению; скорее он являлся более древним компонентом, возникшим у населения Северной Европы, откуда он распространился как в степи, так и в Центральную Европу и в другие места. Карту выполнил О. П. Балановский

Он густо представлен в Северной Европе (Норвегия, Швеция), меньше – в Центральной Европе и совсем слабо – на Дунае, в Венгрии, т. е. рядом с районом степных курганов (рис. 3). Если верно, что степная культура была источником этого компонента для остальных, то нужно было бы предполагать противоположную направленность градиента убывания – с юга на север.

Наличная направленность градиента говорит о том, что источник этого генетического компонента нужно искать на севере Европы. Это согласуется с разработками Л. Л. Зализняка (Зализняк 1991; Zaliznyak 2005), давно проследившего движение северных, балтийских культур с мезолита на юго-восток до Днепра и Дона, принесшее туда кроманьонидное население, характерное для ямной культуры (рис. 4).

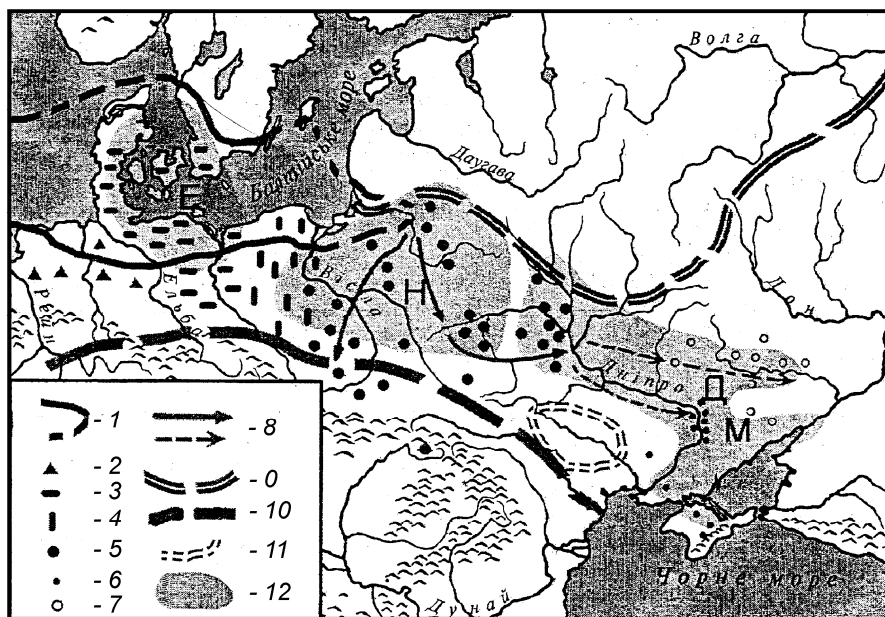

Рис. 4. Этнокультурная ситуация в Центральной и Восточной Европе в позднем мезолите – раннем неолите (VI–V тыс. до н. э.) (по Конча 2004 и по идеям Л. Л. Зализняка). Условные обозначения: 1 – область культур круга маглемозе в VII тыс. до н. э. (по Г. Кларку); 2–7 – мезолитические культуры VI тыс. до н. э. культурной традиции постаглемозе (по С. Козловскому, Л. Л. Зализняку: 2 – де Лейен-Вартена, 3 – Ольдеслое-Гудено, 4 – Хойнице-Пеньки, 5 – Яниславице, 6 – находки яниславицких орудий за пределами основного ареала, 7 – донецкая культура); 8 – направления расселения носителей яниславицкой культуры (по С. Козловскому и Л. Л. Зализняку); 9 – южная граница мезолитических и ранненеолитических культур поствидерской и постаренсбургской традиций; 10 – северная граница расселения балкано-дунайских земледельцев; 11 – буго-днестровская культура; 12 – неолитические культуры, сформировавшиеся на постаглемозеской этнокультурной подоснове (Е – эртебеллербек, Н – неманская, Д – днепро-донецкая, М – мариупольская [западные варианты])

Есть и другие чисто биологические аргументы, которые приходится выдвинуть против нынешнего толкования замечательных открытий генетиков. Я излагаю эти доводы в других своих работах (Клейн 2015; 2016; 2017; Klejn 2016; 2017a; 2017b и др.). Из этих аргументов здесь стоит привести два, оба связаны с данными самих генетиков.

Во-первых, еще одна команда генетиков (Poznik, Xue 2016) разработала методику привязки миграций к определенным гаплогруппам и фиксации этих событий во времени. Им удалось в частности зафиксировать в начале бронзового века миграцию, привязанную к гаплогруппе R1b, которая, как известно,

характерна для ямной культуры. Но вот незадача: это как раз та кладка (L11), которая отсутствует в ямной культуре, а та (Z2103), что налицо в ямной, никаких миграционных всплесков не показывает.

Во-вторых, команда Д. Райха, инициатора работ по выявлению ямной миграции на запад, провела обширное обследование генетических связей культур Европы (Lazaridis et al. 2016). Известно, что генетики надеялись обнаружить в популяциях Кавказа корни того генетического компонента, который затем проявился в культурах шнуровой керамики и далее по всей Европе. Намеки на это были в армянских популяциях. Но армянские популяции оказались совершенно в стороне от тех европейских связей, которые были выявлены. В степных популяциях раннего и среднего бронзового века обнаружен мощный (57 %) вклад восточных охотников-собирателей, от которого почти столь же мощный (43 %) вклад оказался в скандинавских популяциях. То есть степняки бронзового века оказались в сильном родстве с северянами, что и подсказывало парадоксальное распространение «ямного» компонента в генофонде Европы.

Алексеева 1985 – *Алексеева И. Л.* Племена энеолита – ранней бронзы междуречья Днепра и Дуная: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.

Алексеева 1992 – *Алексеева И. Л.* Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1992.

Дергачёв 1986 – *Дергачёв В. А.* Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (анализ и характеристика культурных групп). Кишинев, 1986.

Зализняк 1991 – *Зализняк Л. Л.* Население Полесья в мезолите. Киев, 1991.

Иванова 2004а – *Иванова С. В.* Исторические реконструкции и археологические реалии (ямная культурно-историческая область) // Наукові праці історичного факультету ЗДУ. Запоріжжя, 2004. Вип. XVII. С. 330–359.

Иванова 2004б – *Иванова С. В.* О формировании ямной культурно-исторической области // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2004. Вип. 3. С. 75–99.

Иванова 2006 – *Иванова С. В.* Ямная культурно-историческая общность: радиоуглеродное датирование и проблемы формирования // РА. 2006. № 2. С. 113–120.

Иванова 2012 – *Иванова С. В.* Об истоках формирования буджакской культуры // ССПК. 2012. Т. XVI. С. 48–62.

Иванова 2014 – *Иванова С. В.* Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области // РА. 2014. № 2. С. 5–20.

Клейн 2015 – *Клейн Л. С.* Геномы и археологические культуры в новой статье команды Д. Райха // Генофонд РФ. ноябрь 2015.

Клейн 2016 – *Клейн Л. С.* Новые аргументы для сомнений в массовой ямной миграции на северо-запад // Генофонд РФ. июль 2016 (обсуждение статьи Н. Маркиной «Генетика первых земледельцев...» – пересказа работы Lazaridis et al. 2016).

Клейн 2017 – *Клейн Л. С.* Ямная, не ямная (обзор современных работ по степным курганам Подунавья) // *Stratum plus*. 2017. № 2 (в печати).

Конча 2004 – *Конча С. В.* Перспективи етногенетичних реконструкцій за кам'яної доби (матеріали індоєвропейстики) // Кам'яна доба України. Київ, 2004. Вип. 5. С. 191–293.

Мерперт 1968 – *Мерперт Н. Я.* Древнейшее население степной полосы Восточной Европы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968.

Мерперт 1974 – *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

Николова 2001 – *Николова А. В.* Хронология ямной и катакомбной культуры степной Украины: некоторые вопросы датировки методом ^{14}C // *Бронзовый век Европы: характеристика культур, хронология и периодизация.* Самара, 2001.

Черных, Орловская 2004 – *Черных Е. Н., И Орловская Л. В.* Радиоуглеродная хронология древнейшей общности и истоки курганных культур // *РА.* 2004. № 1. С. 84–99.

Черняков 1979 – *Черняков И. Е.* Культурно-хронологическое своеобразие памятников эпохи бронзы Северо-Западного Причерноморья // *Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы: ТД конф. Донецк, 1979.* С. 8–10.

Allentoft et al. 2015 – *Allentoft M. E. et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature.* 2015. 522. P. 167–172.

Frñculeasa et al. 2015 – *Frñculeasa A., Preda B., Heyd V.* Pit-graves, Yamnaya and kurgans along the Lower Danube: Disentangling IVth and III^d Millenium BC burial customs, equipment and chronology // *PZ.* 2015. 90 (1–2). P. 45–113.

Furholt 2003 – *Furholt M.* Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südsandinavien. Bonn, 2003.

Haak et al. 2015 – *Haak W. et al.* Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // *Nature.* 2015. 522. P. 207–211.

Harrisson, Heyd 2007 – *Harrisson R., Heyd V.* The transformation of Europe in the Third Millenium BC: the example of ‘LePetit-Chasseur I + III’ (Sion, Valias, Switzerland) // *PZ.* 2007. 82. P. 129–214.

Heyd 2011 – *Heyd V.* Yamnaya groups and tumuli west of the Black Sea // *Ancestral landscapes. Burial Mounds in the Copper and Brozne Ages. Central and Eastern Europe – Balkans – Adriatic – Aegean, 4th–2nd Millennium BC.* Lyon, 2011. P. 536–555.

Ivanova 2013 – *Ivanova Sv. V.* Connections between the Budzhak Culture and Central European groups of the Corded Ware Culture // *The Ingul-Donets Early Bronze civilization as springboard of transmission of Pontic cultural patterns to the Baltic drainage basin 3200–1750 BC.* Poznań, 2013. P. 86–20 (*Baltic-Pontic Studies. Vol. 18*).

Klejn 2016 – *Klejn L. S.* Indo-Europeans origins and archaeology // *Archéologie européenne: Identités et Migrations. Hommages à Jean-Paul Demoule.* Paris, 2016.

Klejn 2017a – *Klejn L. S.* Do the Indo-European languages of Europe stem from the steppe people of the Yamnaya culture? // *European Journal of Archaeology.* 2017. Vol. 19.

Klejn 2017b – *Klejn L. S.* Is Yamnaya migration to Central and Northern Europe genetically confirmed and does this explain the origins of Indo-European languages? // *Ibid.*

Lazaridis et al. 2016 – *Lazaridis L., Nadel D., Rollefson G.* The genetic structure of the world’s first farmers. [biorxiv.org/content/early/2016/06/16/059311](https://www.biorxiv.org/content/early/2016/06/16/059311).

Poznik, Xue 2016 – *Poznik G. D., Xue R.* Punctuated bursts in human male demography inferred from 1,244 worldwide Y-chromosome sequences // *Nature Genetics.* 2016. 48. P. 593–599.

Zaliznyak 2005 – *Zaliznyak L. L.* Ukraine and the problem of the Proto-Indo-European original homeland // *Archaeology at Kyiv-Mohyla Academy.* Kyiv, 2005. P. 12–37.

А. Е. Кислый

Об одной из причин внешних и внутренних миграций древних скотоводческих культур: методология истории, протокочевники мира

Не только в истории и археологии Древнего мира, но и в исторической социологии, методологии истории и др. существует проблема изучения жизнедеятельности своеобразных изгоев истории – подвижных скотоводческих племен пустынных, полупустынных и степных зон. Ставя перед собою цель «содействовать углублению нашего сознания современности», Карл Ясперс писал: «...история возникает лишь там, где есть осознание истории, традиции, документация, осмысление своих корней и происходящих событий... Результатом доисторического становления является то, что наследуется биологически». Историки разных школ могут по разному возражать философу Ясперсу, однако остается фактом: в исторической социологии фактически нет места «доистории». Причина тому не источниковедческая, а традиции методологии истории. Игнорирование фактов, добытых в последние десятилетия археологией, стало причиной того, что общая теория социологии, которая должна начинаться с исторической социологии (а методологически социология не может не быть исторической), остается на уровне XIX века (Кислый 2014: 217–236; 2016: 357). Отсюда, чаще всего при анализе событий «археологической» истории, прибегают либо к прогрессистским представлениям о новых «открытиях», либо к поиску климатических факторов. Затем «социологи» и палеоклиматологи лишь умножают ошибки своими доводами-сентенциями.

Источников по теме протокочевнических культур действительно мало. Во-первых, это связано с тем, что материальная культура протокочевников (примем это условное название) достаточно бедна, даже если речь идет о богатейших районах Ближнего Востока (Вулли 1986: 78–79), во-вторых, практически большая часть письменных источников повествует о ведущих державах и передовых центрах цивилизации. Подвижные племена проходят мимо этой истории, попадают в анналы древнейших летописцев только в том случае, если их уровень развития позволяет им консолидироваться, организовать военные отряды и тревожить богатые страны, а также как-то проявлять себя в противостоянии экспансии врагов. Именно так, мы узнаем об амореях в Нижней Месопотамии и гиксосах в Египте, о киммерийцах и скифах во время их походов в Переднюю Азию, о скифах и сарматах в период распространения в Северном Причерноморье античной цивилизации и т. д.

Широко представленная точка зрения о возникновении кочевничества только на рубеже II и I тыс. до н. э. связана с недостатком информации. Подчеркивается, что кочевники первой половины II тыс. до н. э. были не подлинными кочевниками, так как у них постоянно происходило оседание на землю и возвраты к кочеванию (История Древнего Востока 1988: 225, 270–275). Однако,

в принципе, для любой кочевнической культуры готовность к оседлой жизни являлась нормой (Марков 1976: 281, 314). Учтем также мнение археологов, что уже в III тыс. до н. э. в эпоху ямной культуры от Поволжья до Северного Причерноморья формировался хозяйственно-культурный тип с элементами кочевнического уклада, близкими к традиционному хозяйствованию, к примеру, калмыков и т. п. (Шилов 1970: 25 сл.).

Если отойти от принятых моделей и сравнить условия жизнедеятельности протокочевников Северного Причерноморья и, скажем, библейских ибри, то получим модели трансформаций экономически достоверные в большей мере.

Историки сравнивают Ветхий Завет с другими источниками по истории Древнего мира. Библия – иной источник. Ее основу составляют предания разного времени, отражающие древнейшие еще досемитские сказания, кочевнические общесемитские, а также сказания периода Иудейского государства. Пятикнижие Моисея свидетельствует о процессе формирования норм обычного права в момент сложения протокочевнического полугосударства. Сравним: никому не придет в голову требовать от Ригведы или Махабхараты летописной достоверности, тем не менее, эти эпосы достаточно широко используются в археологических, демографических, исторических реконструкциях.

Библия как бы «изнутри» рисует картины жизнедеятельности конкретного племени (поэтому почти напрасно искать подтверждение столь непримечательным в истории Древнего Востока событиям в традиционных египетских или вавилонских источниках), связанные с перекочевками и попытками оседания на землю аморейско-сутийских скотоводческих сообществ. Вероятно в начале XVI–XIV в. до н. э. какая-то группа полуоседлых племен из Верхней Месопотамии под давлением касситов и хурритов вынуждена была перейти Евфрат («ибри») и начать кочевания (возвратиться к кочевнической жизни?) в Сирийской степи. Возможно, эти события соотносятся с историей переселения Авраама с сыном и племянником в Палестину из Харана, хотя существуют более ранние датировки деятельности Авраама, XIX–XVII вв. до н. э. (Тураев 1936: 161). В этом есть смысл, так как походы ибри в Верхнюю Месопотамию осуществлялись неоднократно, что свидетельствует о глубокой их древности. Оттуда взяли себе жен Исаак, Иаков? Иаков как бы повторяет предыдущие перекочевки, путешествует со своими сыновьями снова в Палестину из Заречья. Далее ибри совершают перекочевки от Палестины до границ Египта, и, наконец, Иаков с сыновьями приходят в долину Нила и поселяется там подобно гиксосским вождям. Следующий этап – удивительно разросшееся потомство двенадцати сыновей Иакова вероятно в XIII в. до н. э. вынуждено было оставить Египет и долгие сорок лет искать себе пристанище завоеваниями, образовав собственные военные отряды, найдя духовных, этнических и военных предводителей. Со страниц Библии можно узнать об обычаях кочевой и полуоседлой жизни, грабежах и обманах, порядках в лагере (Числ. 12: 14–15; 19: 14), плавках меди в походных условиях (Левит. 19: 4; Числ. 21: 9)¹ и др.

---

¹ Ссылки на тексты Библии даются по не синодальному, не адаптированному научному переводу (Библия... 988–1988).

Важный момент жизнедеятельности – потребность в большом потомстве. Она настолько важна, что Яхве вместо обещания вечного блаженства, постоянно обещает верным ему размножение в потомках подобно «звездам на небесах» (Быт. 26: 4) и др. Археологическая культура ибри на фоне богатых культур Востока практически неуловима, но многие детали быта протокочевников, отраженные в Библии, точнее прочитываются благодаря археологическим находкам в степях Северного Причерноморья II тыс. до н. э. Общими чертами культур двух регионов являются: экономическая потребность в преобладании мужчин в населении, периодические передвижения и оседания на землю, скотоводческая направленность хозяйства (возможность ведения комплексного хозяйства), плавка меди в полустационарных условиях (погребения литейщиков в катакомбной культуре, в том числе и в Крыму, в районе пересечения древнейших дорог на выходе из Керченского п-ва (с. Красновка, Приазовье), запреты на реалистические изображения (Кислый 1995; 2011: 196–206), постепенное образование военизированных отрядов (Отрощенко 1998) в Северном Причерноморье, вероятно, с XX в. до н. э. со вспышкой процесса в XVII–XV вв. до н. э. Отличительные черты – племена Северного Причерноморья в большей мере преодолевали кризисы недостаточности кочевнического уклада за счет внутренних резервов. Протокочевники Ближнего Востока вынуждены были прибегать к экзогенным ресурсам, созданию хозяйственных симбиозов с развитыми державами.

Племена степной зоны энеолита – эпохи бронзы (ямная, катакомбная, срубная культуры) фактически все время балансировали на уровне большего или меньшего соотношения в хозяйстве скотоводства и земледелия, подвижного образа жизни и оседлого. С чем это было связано? С потребностями двух планов или уровней. На микроуровне – с ростом численности стад, оскудением пашен, необходимостью освоения открытых степных пространств (Отрощенко, Болтрик 1982: 38–46), в результате чего степь из разъединяющего фактора все больше превращается в фактор связывающий (Мерперт 1974: 11–12). Так постепенно подготавливались навыки для дальних походов, выделяется социальная прослойка специально подготовленных воинов.

Второй уровень находит отражение в макромиграциях, повторявшихся с известной периодичностью, в смене археологических культур эпохи бронзы в Северном Причерноморье. Здесь решающую роль играло накопление деструкций в составе населения, особенно в половозрастном его составе, а также в целом противоречий во всей системе воспроизводства жизни в социуме (Кислый 1990: 119–131; 2013: 75–152, 279). Такие противоречия снимались при смешивании населения с разным хозяйственным укладом, что заканчивалось, как правило, появлением новых скотоводческо-земледельческих поселков, новых археологических культур. Историко-этнографических примеров тому достаточно – от библейских времен до средневековья, когда демоэкономические условия развития вынуждали искать добычу и женщин среди других народностей.

В степях Северного Причерноморья в течение первых веков II тыс. до н. э. были накоплены в достаточной мере как противоречия демоэкономические,

так и развиты навыки для дальних походов, что завершилось появлением легких конных упряжек с унифицированной уздой. Такие упряжки легко трансформировались в боевые.

Потребности освоения новых пространств, уход за скотом, перекочевки, обустройства на новом месте, военные действия требовали все большего количества мужских рук. При этом одна женщина могла родить нескольких мужчин, но не всегда самым бедным из мужского потомства доставались женщины. Мужчины без брачных пар умножали своим трудом богатства семьи–рода–племени, но сами ими пользовались не в полной мере. Поэтому можно заключить, что вовсе не излишки произведенного при достижениях производящего хозяйства способствовали возникновению имущественного неравенства, рабства (прогрессистская схема классического марксизма), а преодолеваемые кризисы и демоэкономические потребности. Через определенное время (для Северного Причерноморья примерно 250–400 л.) противоречия накапливались до критической черты (Кислый 2013). Снять их можно было, захватив плодородные земли и занявшись земледелием, или перейти к грабегам, организовав дальние походы, ассимилировав иные племена. Именно такие демоэкономические закономерности развития лежали в основе сходства древнейших скотоводческих культур в степях как Восточного Средиземноморья, так и Северного Причерноморья и Крыма в III–II тыс. до н. э.

Біблія... 988–1988 – Біблія або книги Святого Письма Старого і Нового Заповіту із мови давньоєврейської й грецької на українську дослівно наново перекладена. Ювілейне видання з нагоди тисячоліття християнства в Україні / Перекл. І. Огієнка. М., 1988.

Вуллі 1986 – *Вуллі Л.* Забытое царство. М., 1986.

История Древнего Востока 1988 – История Древнего Востока. Ч. 2. Передняя Азия. Египет. М., 1988.

Кислый 1990 – *Кислый А. Е.* Соотношение численности полов: экономические потребности и традиции // Демографические исследования. Киев, 1990. № 14.

Кислый – *Кислый А. Е.* Искусство племен эпохи бронзы евразийских степей в контексте социодемографического анализа // Проблемы археологии древней и средневековой истории Украины. Харьков, 1995.

Кислый 2011 – *Кислый А. Е.* Условность и реализм искусства Каменской культуры Восточного Крыма // Древности Боспора. М., 2011. Вып. 15.

Кислый 2013 – *Кислый А. Е.* Система начал, трансформаций и завершения истории (Аннигиляция человека, истории, культуры). Киев, 2013.

Кислий 2014 – *Кислий О. Є.* Періодизація історії як сучасна соціологічна проблема: марксистська періодизація // Міжнародний науковий форум: Соціологія, психологія, педагогіка, менеджмент. Київ, 2014. Вип. 16.

Кислий 2016 – *Кислий О. Є.* Проблема розвитку теорії історичної соціології та Україна: запрошення до модерну, виклик і відповідь // Історична соціологія цивілізацій: модерн поміж демократією та нерівністю: Матеріали VI міжнар. наук. конф. Київ 2016.

Марков 1976 – *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976.

Мерперт 1974 – *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

Отрощенко 1998 – *Отрощенко В. В.* Феномен кістяних пряжок // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. Запорожье, 1998.

Отрощенко, Болтрик 1982 – *Отрощенко В. В., Болтрик Ю. В.* Культурно-хронологическое и территориальное распределение могильников Днепро-Молочанской степной области // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.

Тураев 1936 – *Тураев Б. А.* История древнего Востока. Л., 1936. Т. I.

Шилов 1970 – *Шилов В. П.* Походження кочового скотарства у Східній Європі // Український історичний журнал. 1970. № 7.

В. С. Бочкарёв

Гипотезы Л. С. Клейна и С. Н. Братченко о происхождении донецкой катакомбной культуры: pro et contra

Из всей свиты степных культур эпохи бронзы Восточной Европы наибольший интерес исследователей на протяжении последних 100 лет вызвала донецкая катакомбная культура (далее – ДКК). Она привлекала внимание своей выразительной керамикой, неординарным погребальным обрядом, сравнительно большим и разнообразным металлическим инвентарем и т. д. Многими археологами она воспринималась как некое чужеродное явление, не имеющее местных корней. Уже В. А. Городцов, который открыл ДКК в начале прошлого века, высказался в пользу ее иноземного происхождения. Ее истоки он искал в Восточном Средиземноморье. Миграционная гипотеза В. А. Городцова была в духе теоретических представлений тогдашней европейской археологии и поэтому приобрела много сторонников. Правда, они разошлись в локализации прародины ДКК. Одни помещали ее на севере Европы, другие – в центре или на юге этого континента, а третьи – на Кавказе (А. Европеус, А. Тальгрэн, Л. С. Клейн, М. А. Артамонов, В. А. Фисенко и др.).

Но вскоре была сформулирована и альтернативная точка зрения. Согласно ей ДКК имела местное происхождение и возникла на ямной основе. В пользу этой гипотезы высказались М. И. Ростовцев, Г. Чайлд и некоторые другие авторитетные ученые. Но наибольший отклик она нашла в советской археологии (А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий, О. А. Кривцова-Гракова, Т. Б. Попова и другие). Ее популярность в нашей науке 1930–50-х гг. была обусловлена тем, что эта гипотеза очень хорошо вписывалась в теорию стадильности.

Между тем постепенно выяснилось, что катакомбные памятники есть не только на Северском Донце и на Нижнем Дону. Они были открыты в предкавказских степях, на Среднем Дону, в Приазовье, Поднепровье и в Северном Причерноморье. По ряду признаков и, прежде всего, по керамике их удалось разделить на несколько территориальных групп (Б. А. Латынин, Г. В. Подгаецкий, Т. Б. Попова, А. А. Иеруалимская). Они рассматривались как локальные

варианты катакомбной культуры. Однако Л. С. Клейну удалось доказать, что они являются самостоятельными, хотя и родственными культурами (Клейн 1962: 26–38). Впоследствии их объединили в катакомбную культурно-историческую общность.

Эти выводы существенно изменили прежнее представление о катакомбных древностях и открыли новые перспективы их исследования. Вместе с тем они осложнили решение проблемы генезиса ДКК. Теперь нужно было искать происхождение не одной, а нескольких культур и всей их общности. За решение всех этих трудных вопросов взялся Л. С. Клейн в своей кандидатской диссертации (Клейн 1968). Основная цель работы была четко сформулирована в ее названии: «Происхождение донецкой катакомбной культуры». Но в действительности в ней подводился итог полувековому периоду изучения всех восточноевропейских катакомбных древностей эпохи бронзы.

В историографической части работы Л. С. Клейн подробно рассмотрел все основные точки зрения происхождения ДКК и все их признал неудовлетворительными. Особенно критически он отозвался об автохтонной гипотезе. На его взгляд она была обоснована хуже всех. Основной аргумент ее сторонников о существовании неких промежуточных, переходных памятников, связывающих катакомбную и ямную культуру, он решительно отверг. Напомним, что к числу таких памятников относили так называемые ямные погребения катакомбного типа и материалы со смешанными ямно-катакомбными чертами. Как показал Л. С. Клейн, в первом случае это были обычные катакомбные могилы с не прослеженными катакомбными конструкциями, а во втором – поздние ямные материалы с других территорий, синхронные ДКК. Он также проанализировал антропологические данные указанных культур и заключил, что между ними отсутствует генетическая связь.

В итоге Л. С. Клейн отверг версию автохтонного происхождения ДКК и принял альтернативную гипотезу. Правда, его не удовлетворил ни один из ее вариантов. По его мнению, все они имели слабые места. Их общим недостатком было то, что предполагаемые исходные очаги для основных элементов ДКК оказывались странным образом разбросанными по территории Европы от Балтики до Средиземного моря. Их никак не удавалось собрать в одном регионе, из которого и можно было вывести ДКК. Поэтому, заключил Л. С. Клейн, что все попытки найти прародину ДКК оказались тщетными. Очевидно, ее и не было, так как формирование ДКК согласно Л. С. Клейну шло по ходу миграции ее населения на юго-восток – из Дании и Северной Германии на территорию Польши и далее в балкано-дунайские земли и понто-каспийские степи (Клейн 1968: 13–17). На Севере носители ДКК взяли с собой «шнуровые кубки», боевые топоры и горшки с S-видным профилем. Это был их начальный «капитал», унаследованный от датской культуры одиночных погребений. В балкано-дунайском регионе, на периферии Эгейского мира, они восприняли целый ряд новых элементов, включая катакомбный погребальный обряд. Окончательное оформление ДКК произошло уже на Северском Донце. Здесь она усвоила некоторые местные (ямные) традиции и подверглась значительному

кавказскому влиянию. Кроме того в ней возник ряд ее собственных инноваций, которые ярче всего проявились в орнаментации керамики («рамочный стиль») и в социально-экономической сфере.

Такова в кратком изложении гипотеза Л. С. Клейна. Сейчас, по прошествии многих лет хорошо видны ее достоинства и недостатки. Без всякого преувеличения можно утверждать, что сам факт ее создания и обнародования тогда был заметным событием в отечественной археологии. В работе Л. С. Клейна была предпринята попытка вырваться из узких рамок официозной доктрины. Стадиализму и автохтонизму был противопоставлен миграционизм, причем в его крайней форме.

Но, конечно, работа Л. С. Клейна при всех ее достоинствах была продуктом своего времени. Тогда многое было еще не исследовано и многое оставалось неизвестным. Так, из всех разновидностей культуругенеза, были рассмотрены только две его формы. В частности, такая его важная разновидность как трансформизм (Бочкарёв 1995) даже не упоминался. Далее следует отметить, что для успешного изучения процесса культуругенеза первостепенное значение имеет хронология и особенно хронология относительная. Л. С. Клейн ее не имел. Он вынужден был сравнивать всю ДКК со всей ямной культурой. Между тем вполне очевидно, что, прежде всего, должны сравниваться самые ранние материалы ДКК с самыми поздними ямными. Только таким образом можно установить, была или нет типологическая связь ДКК и ямной культуры. К сказанному следует добавить, что Л. С. Клейн использовал короткую хронологию культур шнуровой керамики, которая сейчас признана устаревшей. Однако, при всем этом следует признать, что работа Л. С. Клейна сыграла в свое время очень значительную роль. Она стала прологом к новому этапу изучения культуругенеза.

Следующий крупный шаг вперед суждено было сделать С. Н. Братченко (Братченко 2001). В отличие от Л. С. Клейна он не был кабинетным ученым. На протяжении многих лет С. Н. Братченко проводил крупномасштабные раскопки курганов на Нижнем Дону и на Северском Донце. В результате удалось открыть сотни новых памятников ДКК. Они были хорошо документированы и досконально изучены С. Н. Братченко. Эти знания ему оченьгодились при типологической классификации материалов ДКК. Изучив сопряженность выделенных типов в замкнутых комплексах и сопоставив полученные результаты со стратиграфическими данными, ему удалось идентифицировать самые ранние памятники ДКК. Они имеют ряд отчетливых признаков (преобладание катакомб Т-видной формы, слабоскорченное положение костяков, керамика специфических раннекатакомбных типов и т. д.). По аналогии с ними были выделены ранние катакомбные группы в других регионах. Всего таких групп оказалось пять: северо-донецкая, нижнедонская, североприазовская, кубано-азовская и манычская. Картографирование этих памятников показало, что они занимают весьма определенный ареал. Он протянулся сравнительно узкой полосой вдоль побережья Азовского моря от низовьев Кубани до Нижнего Поднепровья. С. Н. Братченко справедливо заключил, что именно здесь находился

первичный очаг катакомбного культуuroгенеза. Он занимал лишь незначительную часть территории, на которую в последствие распространилась катакомбная общность. За его пределами в то время продолжали существовать различные варианты поздней культуры. Они лишь спустя некоторое время трансформировались в катакомбные культуры.

Раннекатакомбные группы имеют целый ряд локальных отличий, которые особенно хорошо проявляются в элементах погребального обряда и в керамике. Эти особенности восходят к предшествующей культуре. Вместе с тем эти группы объединяет и целый ряд общих признаков. Одни из них свидетельствуют об их синхронности, а другие – об общности происхождения. Как выяснил С. Н. Братченко, все они кроме, возможно, кубано-азовской группы, имеют ямный субстрат. Причем, каждая из них возникла на базе того или иного локального варианта поздней культуры. В дальнейшем это во многом предопределило отличие культур катакомбной общности. В этом смысле эта последняя может считаться прямой наследницей ямной общности.

Ямное наследие в этих группах проявилось практически во всех сферах культуры. Но, пожалуй, лучше всего оно заметно в керамике. Значительная часть сосудов из раннекатакомбных памятников является типично ямной. Если бы не «катакомбный» контекст, то их можно было бы смело относить к поздней культуре. Это утверждение справедливо и в отношении некоторых типов металлических и каменных изделий. Вместе с тем встречаются такие материалы (например, молоточковидные буавки), которые хотя и отличны от ямных, но имеют отчетливые ямные прототипы.

В целом, С. Н. Братченко имел все основания говорить о генетической связи ДКК и других катакомбных культур с несколькими вариантами ямной культуры. Однако, само по себе это не означает, что переход от одной культуры к другой проходил эволюционным путем. Дело в том, что есть целый ряд важных раннекатакомбных элементов, которые невозможно вывести из ямного субстрата. Это прежде всего касается катакомб. Трудно представить, каким образом простая яма может превратиться в подземный склеп. Яма и катакомба как погребальные сооружения являются принципиально разными конструкциями. Этот последний довод был главным аргументом всех миграционистов. Все они, начиная с В. А. Городцова, истоки ДКК искали прежде всего там, где широкое распространение получил катакомбный погребальный обряд. В этой связи чаще всего называлось Восточное Средиземноморье. Там этот обряд стал известен еще с эпох энеолита – ранней бронзы. Наибольшую популярность он приобрел в III тыс. до н. э., т. е. тогда же, что и на Юге Восточной Европы. Но С. Н. Братченко подчеркивал, что приблизительно в это же время катакомбы появились во многих других регионах Евразии (Польша, Дагестан, Узбекистан, Туркмения и т. д.). На Северном Кавказе они стали известны еще во второй половине IV тыс. до н. э.

Все эти данные опровергают широко распространенное мнение о моноцентрическом происхождении катакомб. Они говорят об обратном – в пользу их конвергентного развития. Очевидно, что эта форма погребального сооружения

появилась спонтанно в разных местах и в разное время. Поэтому более вероятным кажется предположение С. Н. Братченко, что катакомбы ДКК возникли самостоятельно. Это хорошо подтверждается тем фактом, что катакомбы Т-видной формы, характерные для раннекатакомбного этапа, не имеют аналогии в других регионах. Там известны иные разновидности катакомб, которые на Юге Восточной Европы получили распространение на среднем и позднем этапах развития катакомбных культур.

Прототипы катакомб ДКК С. Н. Братченко вслед за рядом других ученых (Г. Чайлд, М. И. Артамонов, В. Я. Кияшко и другие) видел в дольменах Северо-Западного Кавказа. Он отметил их структурное обрядовое сходство. Недавно эта точка зрения подробно и убедительно была обоснована В. Я. Стеганцевой (Стеганцева 2010).

Замена ямных погребений на катакомбные стала следствием изменения концепции погребального обряда. Очевидно, переходу в иной мир и пребыванию в нем стали уделять гораздо большее внимание, чем прежде. В соответствии с этим погребальная камера превратилась в подземный склеп. Постепенно увеличилось количество и качество инвентаря, возросло его разнообразие (появились жаровни, курильницы и т. д.), изменилась поза погребенных и т. д. Следует подчеркнуть, что на рубеже IV–III тыс. до н. э. подобные изменения в погребальном обряде происходили и в ряде других регионов Кавказа. Помимо нового погребального обряда, в ДКК появился и целый ряд других новшеств. По мнению С. Н. Братченко большинство из них, как и катакомба, возникли на месте. Но их формирование было стимулировано внешними влияниями. В качестве донора выступали как синхронные культуры Северной Евразии так и особенно Кавказа.

С культурологической точки зрения особенно интересны инновации в керамическом производстве. Керамику раннего этапа ДКК С. Н. Братченко разделил на три группы. В первую из них вошли ямные сосуды, которые являются важнейшим компонентом ямного субстрата. Они олицетворяли древние традиции и преемственность культур. Вторую группу в основном составляют банки, украшенные своеобразным орнаментом (косо-ромбические и вертикальные композиции), выполненные зубчатым штампом, наколами, «шагающей гребенкой». По данным С. Н. Братченко и А. В. Кияшко этот орнамент и техника его нанесения, отсутствующие в ямной культуре, имеют ближайшие аналогии в синхронных культурах Волго-Уралья, Западной и Южной Сибири. Поэтому очень вероятно, что вторая керамическая группа ДКК возникла в результате северо-восточного влияния. Оно было скоротечным, т. к. указанная керамическая группа в среднем катакомбном периоде полностью исчезает.

Ярко выраженный инновационный характер имеет керамика третьей группы ДКК. На раннем этапе этой культуры она известна в небольшом количестве. Ее широкое распространение пришлось на последующее время. В основном она представлена банками и так называемыми донецкими кубками, украшенных выразительным орнаментом. Этот орнамент исполнен как в старой ямной технике, так и в новой «тесемчатой». Отпечатками веревки и тесьмы

наносили на поверхность сосуда округлые и спирально-концентрические узоры. Это был новый, ранее неизвестный изобразительный стиль, который получил название «катакомбного барокко». Его формирование в основном следует связывать с ДКК. Как предполагал С. Н. Братченко, он возник в результате переработки и нового использования спиральных и криволинейных мотивов, распространенных на северо-кавказских металлических изделиях. В основном это были украшения.

Таким образом, можно констатировать, что согласно С. Н. Братченко, в ранней ДКК хорошо представлены как традиции предшествующей культуры, так и серия инноваций. Второй из этих компонентов в процессе культурогенеза играл решающую роль. Именно он придал культуре новый облик. Такого рода баланс традиций и инноваций ведет к сравнительно быстрому преобразованию (трансформации) старой культуры в новую.

Трансформация позднеямных групп в раннекатакомбные произошла как под воздействием внутренних, так и внешних факторов. О первых из них почти ничего не известно. Можно лишь утверждать, что общая тенденция к изменениям особенно в идеологической сфере (погребальный обряд) была характерна для всей ямной общности на позднем этапе ее развития. Ярче всего она проявилась в первичном очаге катакомбного культурогенеза. Территориально он был ближе всего к Северо-Западному Кавказу. Надо полагать, что именно отсюда последовал самый мощный внешний импульс. Показательно, что в таких отдаленных от Кавказа регионах, как Среднее Подонье или Северо-Западное Причерноморье, раннекатакомбная культура практически отсутствует. Что касается Нижнего и Среднего Поволжья, то широкому проникновению сюда кавказского влияния воспрепятствовали урало-сибирские влияния.

Гипотеза происхождения ДКК предложенная С. Н. Братченко, нельзя целиком отнести к разряду автохтонных. Конечно, автор настаивал на местном генезисе ДКК. Но при этом он не отрицал роль пришлого населения и большое значение внешних влияний. Процесс формирования ДКК он представлял как трансформацию одной культуры в другую. В этом процессе органически сочетаются местные и пришлые элементы. Первые обычно выполняли роль традиций, а вторые – инноваций. С течением времени они могли поменяться местами. Но в конечном итоге баланс этих двух компонентов определял ход культурогенеза.

В нашей литературе работы Л. С. Клейна и С. Н. Братченко являются основными трудами, посвященные катакомбному культурогенезу. Хотя у них одна и та же тематика и общая цель, сравнивать их очень непросто. Они были написаны в разное время и людьми, принадлежащими к разным поколениям. В распоряжении С. Н. Братченко было гораздо больше материалов, чем у Л. С. Клейна и он руководствовался иными теоретическими и методическими установками. Вместе с тем эти работы имеют некую глубинную связь. Очевидно, она была обусловлена тем, что обе они представляют одну и ту же петербургскую (ленинградскую) школу археологии.

Бочкарёв 1995 – *Бочкарёв В. С.* Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995. С. 114–123.

Братченко 2001 – *Братченко С. Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Ч. 1–2. Луганськ, 2001.

Клейн 1962 – *Клейн Л. С.* Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур // СА. №2. 1962. С. 26–38.

Клейн 1968 – *Клейн Л. С.* Происхождение донецкой катакомбной культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1968.

Стеганцева 2010 – *Стеганцева В. Я.* Еще раз о сходстве погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье и на Западном Кавказе // Записки ИИМК РАН. 2010. № 5. С. 125–138.

М. Т. Кашуба, Э. Кайзер

Проблемы изучения стеклянных изделий бронзового века в Северном Причерноморье

Процесс внедрения разного рода новшеств в материальную культуру древних обществ зачастую скрыт от глаз исследователей. Новинки часто появлялись внезапно, в «готовом виде» и, казалось бы, не имели местных корней в предшествующем технико-технологическом развитии того или иного сообщества. Очень часто оригинальные вещи посредством сухопутных и морских путей попадали за тысячи километров от мест своего изобретения и производства. С момента своего технологического открытия после керамики и бронзы (Henderson 2012: 12; Rehren, Pusch 2012: 215) искусственный материал «стекло» в силу своих отличительных характеристик использовался для изготовления предметов непромышленной сферы (Щапова 1983: 43 сл., 85 сл., 192 сл.; Галибин 2001: 8 сл.). Стеклянные украшения эффектно воздействовали и меняли восприятие окружающих.

К регионам, в которых выявлены ранние находки изделий из стекла и стекловидных материалов, принадлежат и Северное Причерноморье. Украшения из стекла или стекловидных материалов документируются здесь, начиная с позднего Триполья. В последующие столетия они штучно известны в разных культурах, показывая сравнительно большое количество фаянсовых изделий в круге посткатакомбных культур на переходе ко II тыс. до н. э. На исходе бронзового века (конец II тыс. до н. э.) – в период расцвета белозерской культуры – количество стеклянных бус в регионе достигает максимума.

Фактически каждая находка ранних изделий из стекла нашла отражение в публикациях, что породило немалую историографию. Сравнительно большое число подобных артефактов было подвергнуто количественному спектральному анализу. Благодаря этому к началу XXI в. усилиями отечественных исследователей было проведено комплексное изучение и накоплен внушительный банк данных по ранним изделиям из стекла в Северном Причерноморье.

Сравнительный анализ химических составов и сделанные заключения породили идеи об импорте ранних стеклянных украшений из Средиземноморья и Ближнего Востока (Южного Кавказа?). Была сформулирована гипотеза о наличии на исходе бронзового века у населения белозерской культуры локальной/местной школы стеклоделия первоначально названной «киммерийское» стекло, затем переименованной в «белозерское стекло», однако в силу разных причин этот вопрос остался открытым в специальной литературе (Щапова 1989; 2000; Галибин 1981–1985; 2001: 9 сл., 105 сл. Прил. I; Островерхов 1981: 214 сл.; 1993; 2001: 3 сл.; 2003: 386 сл., 406 сл.).

Можно ли уловить некие ритмы или закономерности появления изделий из стекла в бронзовом веке Северного Причерноморья у носителей разных культур? Если да, то чем они могут быть обусловлены?

Основываясь на работах коллег, мы составили карту находок изделий из стекла эпохи бронзы в Северном Причерноморье (без учета Предкавказья и более восточных территорий) — это несколько тысяч изделий, найденных на 30 памятниках разных культур (Kaiser, Kašuba 2016: Abb. 1).

Согласно археологическим данным, в Северного Причерноморье первые стеклянные изделия известны в позднем Триполье, этап СII (Островерхов 2003: 388 сл.). В свое время А. С. Островерхов предложил несколько вариантов их появления, когда «творцами первых стекол в широком понимании этого слова были и металлурги, и керамисты, и мастера ‘фаянсового’ производства» (Там же: 400). Новые даты позднего Триполья, несмотря на имеющиеся разногласия среди исследователей, отодвигают появление здесь стеклянных бус далеко вглубь IV тыс. до н. э. Такое сравнительно раннее появление стекловидных бус может объясняться за счет импорта из Ближнего Востока, как наиболее древнего региона их производства (Henderson 2013: 494). Этот примечательный факт показывает, что, едва появившись в зоне высоких цивилизаций древнего мира, украшения из стекла сравнительно быстро достигли Северного Причерноморья.

Далее в течение нескольких веков наблюдается перерыв: стеклянных бус нет в памятниках ранней и развитой ямной культуры Северного Причерноморья (за исключением нескольких комплексов — см. Островерхов 2005: 175, рис. 3). У носителей ямной культурно-исторической общности на всей территории ее распространения, включая ее агломерат в Карпатской котловине и на Восточных Балканах, были распространены мелкие украшения из металла, реже, естественных материалов (Шапошникова и др. 1986: 47, рис. 20, 3, 7; 50, 3; 55, 4).

Бусы из фаянса в большом количестве известны в катакомбной культуре Восточной Европы, на что один из первых указал С. Н. Братченко (1976: 147–148). Их находки в катакомбах Маньча и Бахмута позволили ему установить связи с северокавказскими культурами. При публикации пастовых бус из катакомбного погребения (могильник Компанийцы на Днепре) в совместной работе с Е. В. Махно было высказано предположение о местном производстве этих украшений (Махно, Братченко 1977: 57 сл.). Особенно распространены

фаянсовые бусы в посткатакомбных культурах (Бабино, Лола, Кривая Лука и др.). Р. А. Мимоход (2013) выделил основные типы данных бус, поместив их в XXIV–XVIII вв. до н. э. по калиброванным датам. Важно отметить, что в указанный период в восточно-европейских степях можно оконтурить некий центр распространения бус из стекловидного материала. Решение вопроса о возможности местного производства некоторых из них (пропеллеровидные в культуре Лола – Там же: ил. 70), является делом будущих исследований.

К финалу эпохи бронзы в Северном Причерноморье количество стеклянных бус резко увеличилось. Находки стеклянных украшений на нескольких памятниках сабастиновской культуры можно рассматривать, скорее, как исключение. Другое дело белозерская культура, где документированы сотни находок на 14 памятниках. Здесь стеклянные бусы выступают неизменным атрибутом целого ряда погребений.

Первые результаты анализов стеклянных бус белозерской культуры появились еще в 1980-е гг. В. А. Галибин и А. С. Островерхов, которые выполнили первые анализы (всего 73 экз.), не нашли тогда аналогии химическому составу стекла в других регионах древнего мира.

Речь шла о местной школе стеклоделия, на что указывал ряд факторов: 1) особый химический состав (двойная шихта; использование золы местных степных [злаковые] и водных [камыш/тростник/водоросли] растений, что давало преобладание оксидов калия или равное соотношение оксидов калия и оксидов натрия; применение в качестве красителей металлургически чистой меди и оловянной бронзы); 2) ограниченное распространение в пределах степной зоны Северного Причерноморья; 3) короткий период бытования в XI–X вв. до н. э. (Галибин 2001: 418 сл.; Островерхов 1986: 48 сл.; 1987: 26–27; 2001: 3 сл.; 2003: 406 сл.).

Примечательно, что увеличение объема производства стеклянных украшений засвидетельствовано здесь на пике развития металлопроизводства. В последнем широко распространились оловянные бронзы, каменные литейные формы и литье изделий со слепой втулкой (Бочкарёв 2013: 47 сл.). Эти данные показывают высокий уровень местного ремесленного производства, что, в свою очередь, могло привести к развитию здесь стеклоделия, как и полагал А. С. Островерхов.

Большой интерес представляет химический состав белозерского стекла. Оказалось, что он аналогичен смешанно-щелочным стеклам (*mixed-alkali glass*), изделия из которого открыты на ряде памятников бронзового века Средней Европы, а в Северной Италии (Фраттезина) была исследована мастерская по производству стекол подобного химического состава (Angelini et al. 2004; Bellintani 2011; 2015: 17 ff.). Эти данные представляют чрезвычайный интерес и должны быть тщательно проанализированы, так как на основе нового изучения простейших смычковых фибул одна из авторов настоящей работы выдвинула предположение, что состоялся трансферт идеи (и импорт костюма) из Северной Италии в Северное Причерноморье по дальнему Трансдунайскому (торговому?) пути, проходившему от северо-востока Италии по р. Сава до

впадения ее в Дунай, затем вдоль Дуная на восток (Kašuba 2008: 211, 214 ff.). Речь шла о смычковых треугольных фибулах с гладкой спинкой белозерской культуры из Лукьяновки, Казаклии и Струмка, которые обнаруживают полную идентичность со смычковыми двуспиральными треугольными фибулами из Северо-Досточной Италии (нижнее течение р. По — местонахождения возле Фратта Полезине, в том числе Фраттезина). Если принять во внимание производство стеклянных бус, то можно думать, что новшества в костюме (фибульная одежда в сочетании с ожерельем из стеклянных бус) появились где-то в конце XII–XI в. до н. э. вследствие дальних контактов носителей белозерской культуры. Эти новшества-атрибуты особой группы населения, прижизненный высокий социальный статус которой был отражен в похоронном ритуале, как это видно по фибулам и стеклянным бусам (Ibid.: Abb. 2, 1, 7; 5, 2, 5, 9, 13; 6, 2, 4, 9, 10; 7, 2, 3, 10; 11).

Любопытно, что с исчезновением белозерской культуры производство стеклянных украшений и бронзовых/железных фибул в регионе было утрачено — лишь с приходом греков-колонистов здесь вновь было налажено местное производство изделий из стекла (Островерхов 1981: 214 сл.; 1993), а фибулы начали широко производиться только в позднеантичное время (Kašuba 2008: 216 f.).

Находки стеклянных изделий в белозерской культуре поднимают вопрос о сути инноваций. Должно ли это понятие быть единым, когда мы изучаем, к примеру, древние эпохи, и современный мир? Что должно включать в себя это понятие применительно к древним эпохам? Если осуществился только трансферт знаний, который стимулировал местное локальное производство, имеющее в своем развитии мало общего с начальными формами — можно ли считать это инновацией в «чистом виде»?

Краткий обзор находок изделий из стекла бронзового века в Северном Причерноморье показывает, что они неравномерно встречаются в культурах бронзового века. Появившись сравнительно рано, в начале бронзового века, затем несколько столетий стеклянные поделки не использовались. Можно говорить о двух пиках их распространения в эпоху бронзы: первый — фаянсы у носителей катакомбной культуры в Предкавказье и прилегающих территориях; второй — бусы у носителей степной белозерской культуры периода ее расцвета (VII период металлопроизводства по В. С. Бочкарёву). Отмеченную неравномерность формировали разные причины: традиции в костюме, а также характер и направление взаимосвязей тех или иных сообществ со своими ближними и дальними соседями. Отметим также, что в регионе носители разных культур эпохи бронзы специально депонировали стеклянные украшения. Как правило, это были захоронения. Большой частью в погребениях со стеклянными бусами хоронили членов социума, имевших при жизни особый социальный статус (например, в белозерской культуре). Судя по всему, раннее стекло Северного Причерноморья вписывается в общую канву развития стеклоделия в древнем мире вне зависимости от того, идет ли речь об импортах изделий (как в раннем бронзовом веке) или об импорте идей и стимулированной

инновации — в случае с массовыми находками на исходе бронзового века. Изучение изделий из стекла в культурах бронзового века Северного Причерноморья открывает многие важные, порой неожиданные проблемы, связанные с древним стеклоделием.

Бочкарёв 2013 — *Бочкарёв В. С.* Бронзовый век Восточной Европы // Бронзовый век. Европа без границ. IV–I тысячелетие до н. э.: Каталог выставки. СПб., 2013. С. 47–64.

Братченко 1976 — *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Галибин 1981–1985 — *Галибин В. А.* Состав древнего стекла из памятников СССР. 1981–1985 // НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 2, д. 1319, 1320.

Галибин 2001 — *Галибин В. А.* Состав стекла как археологический источник. СПб., 2001 (Труды ИИМК РАН. Т. IV; *Archaeologica Petropolitana*. XI).

Махно, Братченко 1977 — *Махно С. В., Братченко С. Н.* Пастове намисто з каткомбного поховання на Компанійцівському могильнику // Археологія. 1977. Вип. 24. С. 53–60.

Мимоход 2013 — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М., 2013.

Островецких 1981 — *Островецких А. С.* Древнейшее в Северном Причерноморье античное производство стеклянных бус // СА. 1981. № 1. С. 214–229.

Островецких 1986 — *Островецких А. С.* Стекло легендарных киммерийцев // Химия и жизнь. 1986. № 4. С. 48–51.

Островецких 1987 — *Островецких А. С.* Киммерийское стекло // Стекло и керамика. 1987. № 1. С. 26–27.

Островецких 1993 — *Островецких А. С.* Технология античного стеклоделия. Архаика (по археологическим материалам Северного Причерноморья). Киев, 1993.

Островецких 2001 — *Островецких О. С.* Склярство білозерського часу // Археологія. 2001. Вип. 2. С. 3–21.

Островецких 2003 — *Островецких А. С.* Древнейшее археологическое стекло Восточной Европы (конец IV тыс. до н. э. — первая половина VII в. н. э.) // *Stratum plus*. 2003. № 2. С. 386–430.

Островецких 2005 — *Островецких А. С.* Древние «фаянсы» в памятниках эпохи бронзы — начала железа в Восточной Европе (III — первая половина I тыс. до Р. Х.) (парадигмы артефактов) // *Stratum plus*. 2005. № 2. С. 171–203.

Шапошникова и др. 1986 — *Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д.* Ямная культурно-историческая общность (Южнобугский вариант). Киев, 1986 (Свод археологических источников. Вып. В1-03).

Щапова 1983 — *Щапова Ю. Л.* Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М., 1983.

Щапова 1989 — *Щапова Ю. Л.* Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав: Учебное пособие. М., 1989.

Щапова 2000 — *Щапова Ю. Л.* Введение в вещеведение. Естественнонаучный подход к изучению древних вещей: Учебное пособие. М., 2000.

Angelini et al. 2004 — *Angelini I, Artioli G., Bellintani P., Diella V., Gemmi M., Polla A., Rossa A.* Chemical analyses of Bronze Age glasses from Frattesina di Rovigo, Northern Italy // *Journal of Archaeological Science*. 2004. 31. P. 1175–1184.

Bellintani 2011 — *Bellintani P.* Progetto «Materiali vetrosi della protostoria italiana». Aggiornamenti e stato della ricerca // *Rivista di Scienze Preistoriche*. 2011. LXI. P. 257–282.

Bellintani 2015 – *Bellintani P.* Bronze Age Vitreous Materials in Italy // Lazar I. (ed.). Annales du 19e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Piran 2012). Koper, 2015. P. 15–21.

Henderson 2012 – *Henderson J.* Ancient Glass. An Interdisciplinary Exploration. Cambridge Books Online. Book DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139021883>.

Henderson 2013 – *Henderson J.* Glass and Faience // The Oxford handbook of the European Bronze Age. Oxford, 2013. P. 492–500.

Kaiser, Kašuba 2016 – *Kaiser E., Kašuba M.* Die vorgeschichtlichen Glasobjekte der Bronzezeit im nördlichen Schwarzmeergebiet. Ein forschungsgeschichtlicher Überblick // Mensch, Kultur und Gesellschaft von der Kupferzeit bis zur frühen Eisenzeit im Nördlichen Eurasien (Beiträge zu Ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava). Chişinău; Berlin, 2016. S. 145–161 (Tyragetia International. 1).

Kašuba 2008 – *Kašuba M.* Die ältesten Fibeln im Nordpontos. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittel-, Süd- und Südosteuropa // Eurasia Antiqua. 2008. 14. S. 193–231.

Rehren, Pusch 2012 – *Rehren Th., Pusch E.* Glas für den Pharao – Glasherstellung in der Spätbronzezeit des Nahen Ostens // Einführung in die Archäometrie. Berlin u.a., 2007. S. 215–235.

А. А. Ковалёв

«Гладкие» каменные топоры с поперечным орнаментальным пояском: истоки и распространение традиции

Классифицируя каменные топоры так называемого «кабардино-пятигорского типа», В. И. Марковин выбрал в качестве основного признака наличие или отсутствие у изделия огранки, причем исследователь отметил наличие продольного «ребра» у граненых топоров и «выступа или орнаментального пояска» на большинстве гладких экземпляров (Марковин 1960: 101). В. А. Сафронов акцентировал внимание на другом качественном признаке: расположение сверлины в лезвийной части у «граненых» топоров и, напротив, на переходе от лезвийной к обушной части у «гладких» экземпляров (Сафронов 1968: 100). К сожалению, формальное построение типологического ряда развития «гладких» топоров только лишь на основе графика изменения их пропорций без учета иных признаков привело исследователя к неверным выводам. Топоры «изящных» очертаний, подобные найденным позднее в комплексах начала III тыс. до н. э. (см. ниже), оказались, в соответствии с его схемой, в одном хронологическом горизонте с топорами Бородинского клада (Там же: рис. 1). К настоящему времени на территории Украины в комплексах катакомбных культур обнаружены десятки топоров, добавление которых в сводку В. А. Сафронова могло бы еще более запутать итоговую картину (см. напр. Пустовалов 2005: рис. 3, 1–3; 4). На мой взгляд, культурное значение для типологии каменных топоров Предкавказья может иметь лишь комплекс необходимых признаков,

включающий для «гладких» топоров: отсутствие огранки; наличие сверлины на переходе от лезвийной к обушковой части и вертикального орнаментального пояска, огибающего сверлину при отсутствии огранки и иных орнаментальных поясков. Для «граненых» топоров, соответственно, комплекс необходимых признаков должен включать наличие сверлины в лезвийной части и одну продольную нервюру, направленную от лезвия к сверлине, причем для отнесения к этому типу топор должен иметь как минимум верхнюю плоскую грань лезвийной части, не обязательно дополнительную огранку по краям.

При таком подходе далеко не все каменные топоры, входящие в инвентарь погребений среднебронзового века Центрального и Восточного Предкавказья, могут быть отнесены к одному из двух типов. Однако изделия, полностью отвечающие тому или иному комплексу необходимых критериев, по контексту закрытых комплексов строго распределяются по хронологическим горизонтам. Если находки топоров с продольной нервюрой относятся, как правило, к начальному этапу периода средней бронзы (Ковалёв 2015: 140–141), то «гладкие» топоры с поперечным орнаментальным пояском найдены в комплексах с бронзовыми изделиями, маркирующими так называемый среднекатакомбный период (Братченко 2001: 44–45, рис. 103, 104), а также с коррелирующими этим бронзам типами керамики. К таким комплексам можно отнести: курган «Машук», погр. 5 (Корневский 1990: рис. 11); Камлюкский курган, погр. 3 (Ионе, 1964); Дигора, погребение (Tallgren 1931: Taf. 48,49); Константиновка, курган 1, погр. 2 (Ibid.: 130); Ногир, курган 1, погр. 8 (Николаева 1981: 89, рис. 91); Лечинкай, курган 1, погр. 1 (Батчаев 1984:113); Великентский мог. I, катакомба 3 (?) (Магомедов 2000: рис. 15, 11).

Датировка «среднекатакомбного периода» по сравнению с предлагавшейся С. Н. Братченко (2500–2300 гг. до н. э.) (Братченко 2001: 47) должна быть удревлена примерно на два столетия, учитывая нынешние радиоуглеродные и типохронологические данные по среднекатакомбным и посткатакомбным культурным образованиям. Так, бытование бабинской и лолинской культур относится к XXII–XVIII вв. до н. э., в то время как совокупность радиоуглеродных дат по предшествующим им восточноманычской и ингульской катакомбным культурам дает основания поместить начало так называемого «позднекатакомбного периода» как минимум в XXV в. до н. э. (Мимоход 2013: 280–285). Радиоуглеродные даты, опубликованные самим С. Н. Братченко по материалам из погребений «среднекатакомбного периода» могильника Сватово, укладываются в интервал 2800–2400 гг. до н. э., в то время как совокупность дат из комплексов среднедонской культуры из того же могильника относит эти комплексы примерно к XXV–XXIII вв. до н. э. (Bratchenko 2003: tabl. 3). Дата, полученная по углю из захоронения 168 Большого Ипатовского кургана, с вероятностью 68 % находится в интервале от 2615 г. до н. э. до 2485 г. до н. э. (Корневский и др. 2007: стр. 93–94). В этом погребении обнаружен набор бронзовых украшений, характерный для «среднекатакомбного периода»: дуговидная булава, наборный браслет, включающий ложечковидные подвески с зернью и миниатюрные медальоны, трубочка и бусины с рельефным «витым» орнаментом (Корневский и др. 2007: рис. 189–190).

Вне предгорной зоны Северного Кавказа каменные «гладкие» топоры с характерным комплексом качественных признаков зафиксированы лишь в двух регионах. Четыре подобных топора входили в состав троянского клада L, относящегося к середине–концу периода Троя II: кроме валиков, их проух огибают вертикальные ряды шишечек, а также нарезной «елочки» (Сокровища Трои... 1996: 148–152). Топоры из Трои пока уникальны для Малой Азии: рисунки аналогичных «топоров из Дорака», как выяснилось, являются мистификацией. Детальный анализ полученных ранее по троянским образцам 76 радиоуглеродных дат с учетом распределения типов керамики и последних данных о стратиграфии памятника позволил с большой точностью (как утверждают авторы – до ± 30 лет) датировать период Троя II 2500–2350 гг. до н. э. (Weninger, Easton 2014: 188–189). Таким образом, троянские топоры относятся ко времени бытования классических кабардино-пятигорских «гладких» изделий, но северокавказские «гладкие» топоры, скорее всего, появились ранее начала периода Троя II. В то же время пропорции троянских топоров сильно отличаются от северокавказских, сближая их с разнообразными степными экzemплярами.

Вторым регионом за пределами Предкавказья, в котором зафиксированы находки «гладких» топоров с комплексом необходимых признаков, является Восточное и Северо-Восточное Приазовье. Все находки таких изделий на этой территории сделаны в комплексах, относимых исследователями к новотиторовской культуре, либо обобщенно – к позднеямному времени (Гей 2000: 154–157; Файферт 2014: 497; Яценко 2015: 107–111). К кубанским новотиторовским комплексам с такими находками относятся Первомайский, курган 2, погр. 2 (см. Рысин 2007: рис. 3), Батурицкий I, курган 2, погр. 9 (Гей 2000: рис. 47, 6). Известны также четыре комплекса из Нижнего Подонья: Крепинский II, курган 5, погр. 8 (Братченко 2001: рис. 118; Файферт 2014: 305), Александровка, курган 1, погр. 8 (Файферт 2014: 96–97), Мокрый Волчик I, курган 3, погр. 3 (Там же: 202–203), Отрадный XIII, курган 5, погр. 3 (Там же: 329–331; Яценко 2015: рис. 80). Указанные памятники занимают более раннюю хронологическую позицию, чем предкавказские погребения с «гладкими» топорами. От периода Троя II их отделяет несколько столетий. Тем не менее дополнительный признак – сходство пропорций новотиторовских и троянских топоров – заставляет предположить непосредственное проникновение носителей восточно-приазовских традиций их изготовления в Малую Азию не позднее середины III тыс. до н. э. Учитывая, что в Предкавказье «гладким» орудиям предшествовали так называемые «граненые» топоры с продольной nervюрой, а пропорции предкавказских «гладких» топоров аналогичны своим «граненым» предшественникам, можно предположить, что изменение дизайна топоров «кабардино-пятигорского типа» было следствием влияния населения Восточного Приазовья на предкавказский континуум при сохранении непрерывности местной производственной традиции.

Батчаев 1984 – *Батчаев В. М.* Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 1. Памятники эпохи бронзы (III–II тыс. до н. э.). Нальчик, 1984. С. 112–163.

Братченко 2001 – *Братченко С. Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001.

Гей 2000 – *Гей А. Н.* Новотиторовская культура. М., 2000.

Ионе 1964 – *Ионе Г. Н.* Отчет о полевых археологических работах в Кабардино-Балкарской АССР в 1963 году. Нальчик. 1964 // Архив ИА РАН, ф. Р-1, д. 3395.

Ковалёв 2015 – *Ковалёв А. А.* Относительная хронология погребальных комплексов раннего периода среднего бронзового века Центрального Предкавказья в контексте окружающих территорий // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию А. А. Миллера): Материалы Междунар. науч. конф. и Гумбольдт-лектория. СПб., 2015. С. 137–144.

Корневский 1990 – *Корневский С. Н.* Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990.

Корневский и др. 2007 – *Корневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А.* Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М., 2007

Крупнов 1951 – *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М., 1951. С. 17–74 (МИА. № 23).

Магомедов 2000 – *Магомедов Р. Г.* Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала. 2000.

Марковин 1960 – *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). М., 1960 (МИА. № 93).

Мимоход 2013 – *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М., 2013 (Материалы охранных археологических исследований. Т. 16).

Николаева 1981 – *Николаева Н. А.* Периодизация кубано-терской культуры. Исторические судьбы кубанотерской культуры в катакомбную эпоху // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С. 77–100.

Пустовалов 2005 – *Пустовалов С. Ж.* Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. Київ, 2005.

Рысин 2007 – *Рысин М. Б.* Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // АВ. № 14. 2007. С. 184–220.

Сафронов 1968 – *Сафронов В. А.* Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Л., 1968. Вып. 1. С. 75–128.

Сокровища Трои... 1996 – Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана: Каталог выставки. М., 1996.

Файферт 2014 – *Файферт А. В.* Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья. Свод археологических источников. Ростов н/Д, 2014.

Яценко 2015 – *Яценко В. С.* Памятники энеолита и раннего бронзового века между речья Дона, Маныча и Еи. Ростов н/Д, 2015.

Bratchenko 2003 – *Bratchenko S. N.* Radiocarbon chronology of the Early Bronze Age of the Middle Don, Svatove, Luhansk region // The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC. Poznan, 2003. P. 185–208 (Baltic-Pontic Studies. Vol. 12).

Tallgren 1931 – *Tallgren A. M.* Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1931. VI. S. 126–144.

Weninger, Easton 2014 – *Weninger B., Easton D. The Early Bronze Age Chronology of Troy (Periods I–III): Pottery Seriation, Radiocarbon Dating and the Gap // Western Anatolia before Troy. Proto-Urbanisation in the 4th Millennium BC?* Vienna, 2014.

В. И. Кузин-Лосев

Волго-Уральский очаг культурогенеза как культурологический фантом

*Вы никогда не сумеете решить возникшую
проблему, если сохраните то же мышление
и тот же подход, который привел вас к
этой проблеме
А. Эйнштейн*

В своей работе хотелось бы заострить внимание на проблеме познания сути исторических процессов, происходивших в степной Евразии в эпоху поздней бронзы. В настоящее время утвердилось археологическое видение истории этого периода. Отдельные археологи предпринимают попытки осмысления протекавших исторических процессов в Северной Евразии за рамками археологии – с выходом на культурологические и общеисторические реконструкции. Но в целом доминирует «археологический взгляд» на историю эпохи бронзы.

Из-за ограниченности объема публикации, в тезисной форме попытаемся очертить основные моменты проблематики культурного генезиса позднего бронзового века.

1. Искажение исторической перспективы. В рамках эпохи раннего металла Северной Евразии фактами прошлого в пределах «археологического взгляда» являются не исторические события, а определенные культурные состояния, выдаваемые за историю. Но если речь идет о культурологических дефинициях, тогда неизбежно возникает вопрос методологического характера: по каким правилам организуются культурные тексты в ту или иную эпоху, в нашем случае, в эпоху бронзы? В зависимости от ответа на этот вопрос будут получать трактовку факты культуры, добытые во время археологических изысканий. Вполне очевидно, что генезис культурных явлений перекрывает собой только археологию.

2. В самом начале появления гипотезы В. С. Бочкарева о Волго-Уральском очаге культурогенеза было высказано замечание, что яркий всплеск синташтинской культуры был не чем иным, как всплеском «знаковых систем» в ограниченное время и на ограниченной территории. Данное замечание не заметили потому, что подобными категориями (семиотика) археология эпохи бронзы в тот период не мыслила. Если в скифологии Д. С. Раевскому и Е. Е. Кузьминой удалось ввести в научный оборот представления о знаковых системах как рабочем инструменте при изучении культур скифо-сибирского мира, то в археологии эпохи бронзы данные представления, несмотря на отдельные попытки, не получили развитие.

3. Оценка двух больших периодов в истории Северной Евразии (средний и поздний бронзовый век) через общую культурологию, систему знаковых систем и семиозис, применение к ним понятий «высоких стилей» сразу переключает внимание исследователей на содержательное наполнение каждой исторической эпохи. Действительно, катакомбный и срубно-андроновский мир отличается между собой даже на уровне простейшего анализа археологических форм. Вскрытие содержательной культурной парадигмы двух миров еще сильнее их разводит между собой. Суть любой эпохи всегда составляют смыслы. Они являются проявлением различных видов мировоззрения и передаются теми или иными знаками. Соответственно, только через анализ культурных текстов и знаковых систем удастся войти в понимание содержания той или иной исторической эпохи.

4. Культурно-генетические процессы, развернувшиеся в степной Евразии в самом конце III тыс. до н. э. – первой трети II тыс. до н. э., задавались векторами, исходящими из катакомбного культурного мира. Появление бабинской культуры, генетически выросшей из катакомбной, знаменует собой начало слома культурной модели катакомбного мира. Вслед за этим шло формирование совершенно новой культурной парадигмы. В этом плане бабинская культура открывает собой новую историческую эпоху, неслучайно с нее начинают отсчет эпохи поздней бронзы. Вслед за появлением бабинской культуры началась общая деформация культурного пространства степной Евразии, отличительной чертой которого явилась мозаичность культурных типов памятников в переходной период.

5. В пределах бабинской культуры формируются следующие основополагающие значимые особенности новой эпохальной культурной модели: простота погребального обряда; отсутствие яркого сопроводительного инвентаря, вплоть до тенденции господства в погребальной обрядности безинвентарных захоронений; погребения совершались в ямах, умерших клали на спину или на бок в согнутом положении; появляются длинные курганы; в декоре посуды господствовал угловой тип орнамента, утверждается орнаментация валиком, сосуды обладали выраженным ребром; параллельно с исчезновением шнурового орнамента и оттисками тесьмы приходят новые приемы в виде орнаментации валиков, оттисков штампов, прочерченных линий; «чистота» погребального обряда переключается с увеличением количества неорнаментированных и слабо орнаментированных сосудов – это своеобразное повторение определенного, так сказать, стиля в совершенно разных знаковых системах культуры.

Принципиальным является тот факт, что завершение периода культурных трансформаций в Поволжье и на Южном Урале ознаменовалось формированием культур срубно-андроновского облика, для которых характерна простота погребального обряда, культурных форм, валиковая орнаментация посуды – те же самые признаки, что ранее себя проявили в бабинской культуре.

6. Неравномерность процесса трансформаций в переходной период имела своим следствием разную интенсивность протекания процесса культурогенеза в пределах обширного региона от Донца до Урала: в областях, восточнее

бабинской культуры, происходит видимое запаздывание смены ориентированности с «дискретной» системы на «недискретную». Подобное явление связано во многом с тем, что до какого-то момента население более восточных регионов оставалось приверженным культурным ориентирам традиционной модели, которая господствовала в катакомбном культурном мире. В частности, для синташтинской культуры наблюдается выраженный знаковый характер сопроводительного инвентаря в погребальной практике. Парадность и пышность декора керамических сосудов синташтинской культуры словно повторяет эстетику декоративности представителей катакомбной культуры. Знаковость приобретает такую важность, что она проникает даже в строительную практику – появляются невиданные ранее поселения с ярко выраженной структурностью. Даже если обратиться к столь популярному археологическому сюжету, как помещение в синташтинские погребения двухколесных повозок, то первый случай нахождения двухколесной повозки в погребении хорошо известен в хрестоматийном катакомбном погребении с Поднепровья – Марьевка, 11/27.

Деструктивный период перехода от одной эпохи к другой характеризуется постепенностью смены культурных парадигм на степном–лесостепном пространстве Восточной Европы и Урала.

7. Именно в пределах бабинской культуры сложилась та смысловая культурная парадигма, которая в последующем стала содержательным наполнением эпохи поздней бронзы. Таким образом, катакомбный культурный мир является генератором генетических импульсов культуригенеза, определивших исторический облик последующей эпохи поздней бронзы. Трансформации в пределах катакомбного мира привели к появлению бабинской культуры, в пределах которой произошло оформление культурной модели эпохи поздней бронзы. Следовательно, если и говорить о культуригенезисе эпохи, то его истоки следует искать в ареале возникновения бабинской культуры и в таком случае Волго-Уральский регион не является центром культуригенезиса эпохи поздней бронзы.

Эти выводы совершенно не согласуются с господствующей точкой зрения, сложившейся в археологии степной Евразии. Но в данном случае проблема заключается в том – под каким углом зрения оценивать факты культуры. Перевод предмета исследований в область культурных знаков и текстов культуры влечет за собой и новый взгляд на прошлое. Наука не стоит на месте, после структурализма 1960-х – 1970-х гг., от которого отталкивалась советская школа семиотики и который нашел себе место в скифологии, были еще постструктурализм и известный постмодернизм. Гуманитарное пространство обогащалось все новыми методиками и концептуальными моделями. Археология эпохи раннего металла степной Евразии с трудом, но наполняется гуманитарным содержанием, и этот процесс неизбежен, как неизбежен пересмотр казалось бы общепринятых представлений.

П. Ф. Кузнецов
Древнейшие колесницы
погребальных комплексов Евразии²

Самые ранние свидетельства использования колесниц в погребальном обряде имеются в синташтинской культуре (начало II тыс. до н. э.). В родственных синхронных комплексах (потаповские и раннепокровские) обнаружены детали конской узды (псалии), но остатки собственно колесниц неизвестны. До настоящего времени изучены 16 погребений синташтинской культуры с колесницами. Наиболее четкий признак их наличия – отпечатки колес, вкопанных вертикально в пол могильной камеры. Прочие детали иногда прослежены лишь по следам органического тлена. Столь малоинформативный материал позволяет различным авторам создавать реконструкции древнейших колесниц, кардинально отличных друг от друга. Представлены реконструкции колесниц, полностью изготовленных из досок (Генинг и др. 1992), либо с плетеным кузовом (Anthony, Vinogradov 1995), либо с кузовом, окруженным перилами (Чечушков 2011).

Более информативны сведения о колесах. Их отпечатки свидетельствуют о том, что они имели от 9 до 12 прямоугольных спиц. Диаметр колес равен 80–100 см. Расстояния между колесами сравнительно небольшие. Девять синташтинских колесниц имели ширину колеи от 120 см до 130 см, одна – 115 см и еще две – до 140 см, т. е. существенно меньше ширины колеи колесниц древних цивилизаций. Так, колесницы Аньяна имели ширину колеи от 200 до 210 см, колесница из гробницы Тутанхамона – 165 см, древнегреческие и древнеримские колесницы – от 150 до 160 см, колесницы, обнаруженные на Кипре – 170 см.

Малая ширина колеи синташтинских повозок стала главным аргументом в пользу их интерпретации как ритуальных «протоколесниц», которые невозможно использовать в качестве боевых (Littauer, Crouwel 1996). При этом из поля зрения исследователей ускользнул факт сходства синташтинских и кельтских боевых колесниц. Последние имели аналогичную ширину колеи от 125 до 135 см (Piggott 1952; Нефедкин 2001: 61). Таким образом, ширина колеи боевых колесниц северной половины Евразии была существенно меньше ширины колеи колесниц юга Евразийского континента. Установлено, что главные параметры колесницы обусловлены размерами и массивностью запрягаемых в нее лошадей. Эта взаимосвязь обеспечивает оптимальное соотношение устойчивости и маневренности колесниц. Кельтские лошади были сравнительно невысокими. Римские лошади в холке существенно превосходили высоту в 150 см (Cluny 2004). Кельтские лошади, не превышавшие параметра выше среднего, достигали высоты 136 см, походя на диких лошадей (тарпаны). П. А. Косинцев

---

² Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 15-11-63008.

пришел к выводу, о том, что 81 % синташтинских лошадей имели высоту среднюю и ниже средней, т. е. от 128 до 144 см (Косинцев 2010: табл. 16). Данная высота существенно отличает их от лошадей поселения Ботай, которые отнесены П. А. Косинцевым к дикой разновидности степного тарпана. У ботайских лошадей 90 % особей имеет высоту среднюю и выше средней – от 136 до 152 см (Косинцев 2002: 50).

Известно, что ранее существовали две формы дикой лошади (тарпана) – степная и лесная. Лесной тарпан отличалась от степного более мелкими размерами. В этой связи очевидно, что параметры синташтинских лошадей гораздо ближе к лесной форме тарпана, чем к степной. Исследование ботайской серии П. А. Косинцевым подтверждает данное положение. Иппологи отмечают различия в поведении лесной и степной форм тарпанов. Сохранились исторические свидетельства неоднократных попыток приручения степного тарпана (Анучин 1896). Однако ни одна из них не может быть признана достоверной и удачной. Нет также исторических свидетельств о скрещивании степного тарпана в неволе. Жители степных районов Российской Империи воспринимали тарпана как враждебное и дикое животное, на которое устраивали охоты и облавы. Имеются сведения о попытках приручения только жеребят тарпана, но ни один из них не был полностью одомашнен и не дал потомства. В итоге, степной тарпан был полностью уничтожен к началу XX в.

Напротив, последние лесные тарпаны Центральной Европы вплоть до XIX в. легко скрещивались с домашними лошадьми и полностью растворились среди них (Кёппен 1896). В результате такого скрещивания около середине XIX в. появилась даже особая порода лошади – польский коник (Грищенко 2004). Таким образом, логично предположение о том, что именно лесная форма тарпана была впервые одомашнена и использована для запряжки в колесницу. Косвенным свидетельством того, что это именно лесной подвид, является сам факт запряжки двух животных в колесницу. Необходимость эффекта увеличения тягловой силы обусловлена меньшей массивностью лесного тарпана, который по современной европейской классификации пород лошадей соответствует классу пони.

Ширина крупа тарпана имела размер до 50 см. Соответственно, расстояние между колесами колесницы, запряженной первыми одомашненными лошадьми, не могло намного превышать метр, что и соответствует параметру внутренней ширины колеи синташтинских колесниц. Столь небольшие размеры породили предположение о том, что первые колесницы были предназначены для одного человека. Вместе с тем, известно, что экипаж кельтской колесницы состоял из двух человек – возницы и воина. Они сидели друг за другом. Гай Юлий Цезарь («Записки о Галльской войне») указывает, что воин-колесничий легко спешивался, или пробегал по дышлу и вставал на ярмо (Кн. IV, XXXIII). Таким образом, в зависимости от длины синташтинской колесницы мы можем предположить и численность ее экипажа. Одни исследователи длину колесницы определяют от 80 до 100 см (Епимахов, Чечушков 2006; Чечушков 2011), другие – от 120 до 130 см (Генинг и др. 1992). При этом, аргументация в

пользу последнего параметра кажется более убедительной, так как она основана на том, что колесница из погребения 30 (Синташтинский могильник) была помещена между двух столбов, удаленных друг от друга на расстояние 120 см (Генинг и др. 1992: рис. 111). Весьма важно, что исследователи реконструируют впереди колесницы округлый выступ для размещения возницы (Anthony, Vinogradov 1995; Чечушков 2011). Собственно, даже метровая длина колесницы вполне достаточна, чтобы в ней поместились два человека, стоящие друг за другом. Об этом свидетельствует и местоположение оси, размещенной близко к центру. Аналогичное расположение оси показано на микенских изображениях колесниц (стелы). Такая позиция оси более удобна для размещения в колеснице двух человек, т. к. создает дополнительную амортизацию при движении самых ранних повозок, не имевших рессор. Напротив, египетские колесницы, предназначенные для одного человека, имеют ось, смещенную к заднему краю кузова. Ровно такое же местоположение оси мы наблюдаем у повозки из погребения 32 (Большой Ипатьевский курган) (Кореневский и др. 2007: 41). Ее кузов, судя по размерам, предназначен для одного человека, так же как и кузов двухосной конструкции из погребения 168 этого же кургана (Там же: 58, 59). Это явно ритуальные повозки, имеющие сплошные колеса.

Таким образом, мы предполагаем, что первые лошади, которых запрягли в колесницы, происходили от лесной формы тарпана. Об этом свидетельствуют пропорции их тел, парность запряжки и исторические свидетельства о приручении. На это же указывает и область распространения первых колесничих культур, которая охватывает территорию лесостепной и северной степной зоны. Вместе с тем, в предшествующих культурах степной зоны катакомбного и посткатакомбного времени отсутствуют явные свидетельства культа одомашненного коня.

Первые колесницы Старого Света имели экипаж из двух человек, что обусловлено спецификой конструкции колесницы. Она имела ось, расположенную по центру, и максимально облегченный кузов, имеющий плетеные борта, либо борта с перилами. Вероятно, колесница была предназначена для максимально быстрого перемещения воина с возницей к месту боевых действий. Возможно использование колесниц и для патрулирования. Учитывая пересеченный характер местности, представляется маловероятным ведение боя непосредственно во время движения. Таким образом, очевидно, что тактика применения древнейших колесниц имеет сходство с тактикой, описанной Гомером.

Анучин 1896 – *Анучин Д. Н.* К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России // Журнал Министерства Народного Просвещения. Седьмое десятилетие. Ч. CCCVI. 1896. С. 67–95.

Кёппен 1896 – *Кёппен Ф. П.* К истории тарпана в России // Там же. Ч. CCCVII. 1896. С. 96–171.

Генинг и др. 1992 – *Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск, 1992.

Грищенко 2004 – *Грищенко В. Н.* Презиравшие узду // Гуманитарный экологический журнал. 2004. Т. 6, вып. 2. С. 90–95.

Епимахов, Чечушков 2006 – *Епимахов А. В., Чечушков И. В.* Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования // Археология Южного Урала. Степь. Челябинск, 2006. С. 173–187.

Кореневский и др. 2007 – *Кореневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А.* Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М., 2007.

Косинцев 2002 – *Косинцев П. А.* Лошади Ботая и Синташты: сравнительная и морфометрическая характеристика // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2002. С. 48–50.

Косинцев 2010 – *Косинцев П. А.* «Колесничные» лошади // Кони и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. С. 21–79.

Нефедкин 2001 – *Нефедкин А. К.* Боевые колесницы и колесничии древних греков (XVI–I вв. до н. э.). СПб., 2001.

Чечушков 2011 – *Чечушков И. В.* Колесницы евразийских степей эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 57–65.

Anthony, Vinogradov 1995 – *Anthony D. W., Vinogradov N. B.* Birth of the Chariot // Archaeology. An official Publication of the Archaeological Institute of America. Vol. 48. (2). P. 36–41.

Cluny 2004 – *Cluny J. J.* A Biometric Study of Equids in the Roman World. University of York. Thesis submitted for PhD. 2004.

Littauer, Crowel 1996 – *Littauer M. A., Crowel J.* The origin of the true chariot // Antiquity. 1996. Vol. 70. No. 270. P. 934–939.

Piggott 1952 – *Piggott S.* Celtic Chariots on Roman Coins // Antiquity. 1952. Vol. 26. (102). P. 87–88.

С. В. Кузьминых, Р. А. Мимоход

Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневожской абашевской культуры

Знаменитая братская могила Пепкинского кургана – один из опорных памятников средневожской абашевской культуры. Закрытость комплекса и наличие датирующих вещей четко определяет его позицию на шкале относительной хронологии в рамках рубежа средней – поздней бронзы. Однако споры о более точном возрасте этого комплекса по-прежнему продолжаются. В свое время А. Х. Халиков отнес его к ранней абашевской культуре (Халиков и др. 1966: 25), затем Пепкинский курган все чаще стал рассматриваться в рамках поздних абашевских древностей (Кузнецов 2003). До сих пор нет единого мнения о хронологическом соотношении этого памятника, да и всей средневожской абашевской культуры с колесничными культурными образованиями восточноевропейской степи и лесостепи. Речь идет как об их полной синхронности (А. Д. Пряхин, В. И. Беседин, С. В. Большов и др.), так и о хронологическом приоритете средневожской абашевской культуры (О. В. Кузьмина). Таким же дискуссионным остается и проблема соотношения последней с сейминско-турбинскими древностями. Все аргументы строятся, главным образом,

на данных сравнительной типологии. Доводы всех участников дискуссии понятны, но единого понимания все равно нет. В такой ситуации радиоуглеродное датирование, если и не является ключом к окончательному решению проблемы, то может выступать дополнительным, не зависящим от археологических построений аргументом в пользу одной из концепций.

В этом отношении принципиальное значение имеет серия радиоуглеродных дат, полученная по образцам из Пепкинского кургана. Первая датировка была опубликована в 2003 году (Кузнецов 2003). Недавно были представлены еще четыре даты, сделанные в Radiocarbon Dating Laboratory (Хельсинки) (Добровольская, Медникова 2011). В нашей статье приводится информация о других четырех датировках, полученных в CEZ Archäometrie gmbH (Institut für Ur- und Frühgeschichte und Archäologie des Mittelalters, Universität Tübingen)³. Таким образом, для кургана у с. Пепкино на сегодняшний день имеется девять датировок, сделанных по коллагену человека (табл. 1).

Таблица 1

Данные ¹⁴C Пепкинского кургана средневожской абашевской культуры

№	Шифр лаборатории	Комплекс	Дата BP	$\delta^{13}C$	Cal BC 1 сигма	Cal BC 2 сигма
1.	Ki-7665	Пепкино	3850 ± 95	–	2470–2200	2600–2000
2.	Hela-1199	Пепкино, 13b/82, 1	3640 ± 35	–21,4	2120–1940	2140–1910
3.	Hela-1200	Пепкино, 5/78, 2	3665 ± 35	–20,0	2140–1970	2140–1940
4.	Hela-1201	Пепкино, 15/81, 4	3690 ± 35	–20,9	2140–2030	2200–1960
5.	Hela-1202	Пепкино, 12/80, 3	3640 ± 35	–21,0	2120–1940	2140–1910
6.	MAMS-11195	Пепкино, 26	3853 ± 32	–24,5	2451–2212	2460–2207
7.	MAMS-11196	Пепкино, 76/3	3644 ± 24	–23,3	2034–1960	2130–1939
8.	MAMS-11197	Пепкино, 73/1	3597 ± 24	–22,7	2011–1917	2023–1892
9.	MAMS-11198	Пепкино, 79/8	3670 ± 26	–22,5	2130–1982	2136–1965

Из девяти дат восемь являются высокоточными AMS-датами с узким доверительным интервалом (табл. 1, 2–9). Две датировки выбиваются из общей серии (табл. 1, 1, 6). К сожалению, для всех дат Пепкинского кургана мы не имеем показателя стабильного изотопа ¹⁵N, который мог бы объяснить большую древность этих данных по сравнению с остальными. Можно предположить, что в случае с датами из Киева и Тюбингена мы имеем дело с мнимым возрастом. Остальные даты Пепкинского кургана показывают большую степень сходства. Их суммирование дает интервал в 1 сигму – 2130–1950 BC⁴. По всей видимости, в диапазоне XXII–XX вв. до н. э. находится реальное время сооружения пепкинской братской могилы. Данный интервал в силу его протяженности, скорее всего, может отражать период существования всей средневожской абашевской культуры. Это подтверждают две даты, полученные по углю из абашевского объекта ЗБС-4 в Московской обл. (табл. 2) (Кренке 2014).

³ Благодарим доктора Б. Кромера за проведение анализов и профессора С. Хансена за содействие.

⁴ Далее мы будем пользоваться калиброванными интервалами в 1 сигму.

Таблица 2

Радиоуглеродные даты комплекса ЗБС-4 средневожской абашевской культуры

№	Шифр лаборатории	Дата ВР	$\delta^{13}\text{C}$	Cal BC 1 сигма	Cal BC 2 сигма
1.	ГИН-14854	3650 ± 70	–	2130–1890	2200–1770
2.	ГИН-14855	3630 ± 70	–	2140–1930	2210–1870

Более молодой возраст демонстрирует серия дат Старшего Никитинского могильника, который относится к поздней средневожской абашевской культуры (Ахметов и др. 2013) (табл. 3).

Таблица 3

Радиоуглеродные даты Старшего Никитинского могильника

№	Шифр лаборатории	Ком-плекс	Материал	Дата ВР	$\delta^{13}\text{C}$	Cal BC 1 сигма	Cal BC 2 сигма
1.	Hela-1203	СН/7	кость человека	3490±35	–21,1	1880–1760	1910–1730
2.	Hela-1204	СН/8	кость человека	3640 ±40	–20,6	2120–1940	2140–1900
3.	Hela-1205	СН/8	береста	3535 ± 35	–27,7	1960–1780	1960–1750
4.	Hela-1206	СН/9	кость человека	3555 ± 35	–20,7	1880–1760	1980–1770
5.	Hela-1207	СН/12	кость человека	3500 ± 35	–20,7	1890–1770	1930–1730
6.	ИГАН-3101	СН/12	кость человека	3400 ± 100	–	1880–1530	1950–1490

Таким образом, на сегодняшний день для средневожской абашевской культуры имеется 17 радиоуглеродных дат, причем 13 из них – AMS-даты. Суммирование всех ^{14}C данных средневожской абашевской культуры дает интервал 2140–1870 BC, т. е. XXII–XIX вв. до н. э. (ср. Молодин и др. 2014: рис. 2).

Этот интервал заметно древнее колесничного горизонта. Серии синташтинских и потаповских памятников размещаются в диапазоне XX–XVIII вв. до н. э. (Епимахов 2010; Кузнецов, Мочалов 2012: 53; Молодин и др. 2014: 140). Для колесничных погребений доно-вожской абашевской культуры данных мало, но их даты попадают в этот же интервал (Малов 2001: 200; Зеленева, Юдин 2010: 143; Шишлина и др. 2015).

Пока немногочисленны опубликованные радиоуглеродные определения для культур с предметами сейминско-турбинских типов, которые представлены на сопредельных средневожской абашевской культуры территориях. Речь идет о трех датах по дереву (могильник Усть-Ветлуга в Поволжье), полученных в Хельсинской радиоуглеродной лаборатории (Юнгнер, Карпелан 2005: 112; Соловьев 2005: 111) (табл. 4). Двенадцать дат, также полученных по дереву, имеет культовое место Шайтанское Озеро II на Среднем Урале. Они попадают в интервал 1940–1770 BC (Корочкова 2014: 573; Кузьминых и др. 2015: 90)⁵.

⁵ Мы не рассматриваем серию дат культур с предметами сейминско-турбинских типов Западной Сибири. Они укладываются в последнюю четверть – рубеж III–II тыс. до н. э. (Молодин и др. 2014: 152). Пока непонятно, как трактовать удревнение

Радиоуглеродные даты сейминско-турбинского могильника Усть-Ветлуга

№	Шифр лаборатории	Дата BP	$\delta^{13}\text{C}$	Cal BC 1 сигма	Cal BC 2 сигма
1.	Hela-928	3400±50	–	1760–1620	1880–1530
2.	Hela-929	3545±50	–	1950–1770	2030–1740
3.	Hela-966	3395±35	–	1740–1630	1780–1600

Результаты суммирования этих данных определяют диапазон существования восточноевропейских памятников сейминско-турбинского типа в рамках XX–XVIII вв. до н. э. Ситуация здесь фактически такая же, как и с хронологическим соотношением древностей блока Синташта-Потаповка-доно-волжская абашевская культура и средневожжской абашевской культуры. Очевиден хронологический приоритет средневожжской абашевской культуры по отношению к сейминско-турбинскому феномену. Последний, как показывают радиоуглеродные даты, синхронен колесничным культурным образованиям.

Отрезок наложения интервалов дат средневожжской абашевской культуры, колесничных культурных образований и памятников с сейминско-турбинскими предметами Волго-Камья и Зауралья в рамках XX–XIX вв. до н. э., на наш взгляд, не следует трактовать как частичную синхронность. С уверенностью можно утверждать, что там, где сравниваются серии дат разновременных последовательно сменяющихся культур, мы всегда будем получать соответствующие отрезки перекрытия, а они будут равны ошибке метода. Более точный радиоуглеродный рубеж на отрезке перекрытия должен, видимо, находиться в его центре (Мимоход 2011: 45). Таким образом, на основании анализа ^{14}C данных мы можем утверждать, что средневожжской абашевской культуры занимает более раннюю хронологическую позицию по отношению к колесничному горизонту и сейминско-турбинскими древностями Волго-Камья и Зауралья. На сегодняшний день средневожжской абашевской культуры в системе радиоуглеродной хронологии датируется XXII–XX вв. до н. э. Она синхронна ранней и развитой фазам культур посткатакомбного блока. Время колесничного горизонта и сейминско-турбинского феномена указанных территорий относится к XX–XVIII вв. до н. э. Эти культуры синхронны заключительному (третьему) периоду существования блока посткатакомбных культурных образований.

сейминско-турбинских комплексов по сравнению с восточноевропейскими памятниками: как мнимый возраст или как свидетельство того, что западносибирские культуры с сейминско-турбинскими предметами действительно старше сейминско-турбинских древностей Волго-Камья и Зауралья. Отметим, что часть этих дат имеет доверительный интервал более 100 лет, и они охватывают XXIII–XVIII вв. до н. э. (Бобров, Марочкин 2016). Следует также обратить внимание на то, что сибирские даты получены, главным образом, по кости человека и керамике. Эти материалы не застрахованы от проявления резервуарного эффекта. Сейминско-турбинские датировки, приводимые в настоящей работе, являются полученными по дереву AMS-датами.

На наш взгляд, средневожской абашевской культуры является древнейшей культурой и в абашевской общности. Эту точку зрения последовательно отстаивает О. В. Кузьмина. Добавим к этому еще один аргумент. Многие исследователи (В. Ф. Смолин, А. Х. Халиков, С. В. Большов и др.) справедливо отмечают пришлый характер абашевской культуры в Среднем Поволжье. Она появляется здесь «с уже сложившимися культуруопределяющими признаками» (Большов 2003: 44; 2005: 111). Мы полагаем, что средневожская абашевская культура сформировалась под непосредственным импульсом из Карпато-Балканского региона и южной Германии. Именно здесь в культурах европейского раннего бронзового века имеются прямые аналогии не только большей части абашевским украшениям (спиральные пронизи, очевидные подвески, сферические бляшки с двумя отверстиями), но и комбинациям их расположения в костюме (Matuschik 1996: Abb. 9, 1, 2). Такой набор соответствий вряд ли является результатом конвергентного развития. Яркий керамический комплекс средневожской абашевской культуры, который расцветает внезапно и лишь опосредованно связан с местным предшествующим субстратом, находит поразительные аналогии как в морфологии, так и в орнаментации посуды центральноевропейских культур, в частности, группы Адлерберг (вариант унетичкой культуры) (Gebbers 1978: Taf. 33, 12, 35, 5, 48, 4 и др.). Этот западный импульс выражен значительно четче у средневожской абашевской культуры, чем у фатьяновско-балановских древностей, истоки которых традиционно связывают с Центральной и Северной Европой. Появление средневожской абашевской культуры, скорее всего, связано с продвижением в Поволжье европейских групп населения. Таким образом, средневожской абашевской культуры, сохранившая в своем облике ярко выраженный центральноевропейский компонент, является первичной в абашевской общности. В производных от нее доно-вожской абашевской культуре и южноуральской абашевской культуре этот компонент уже существенно нивелирован, хотя в последних двух культурах по-прежнему сохраняется традиционный этнографический погребальный костюм, и относятся они большей частью к следующему горизонту колесничных культурных образований.

Ахметов и др. 2013 – *Ахметов И. Р., Луньков В. Ю., Лунькова Ю. В.* Абашевские комплексы Старшего Никитинского могильника // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 162–181.

Бобров, Марочкин 2016 – *Бобров В. В., Марочкин А. Г.* Поселения крохалёвской культуры Кузнецкой котловины: специфика материального комплекса и хронология // XVII Междунар. Западносибирская археолого-этнографическая конф. «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий», посвящ. 110-летию В. Н. Чернецова, 110-летию Г. Ф. Дебеца, 115-летию А. П. Дульзона: ТД. Томск, 2016.

Большов 2003 – *Большов С. В.* Средневожская абашевская культура (по материалам могильников). Йошкар-Ола, 2003 (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VIII).

Большов 2005 – *Большов С. В.* Средневожская абашевская культура в системе абашевской культурно-исторической общности (хронология и периодизация) // Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикация). Воронеж, 2005. С. 109–120 (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 19).

Добровольская, Медникова 2011 – *Добровольская М. В., Медникова М. Б.* «Медные люди» эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 143–156.

Епимахов 2010 – *Епимахов А. В.* Синташтинская радиоуглеродная хронология // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Ч. 2. Челябинск, 2010. С. 49–51.

Зеленев, Юдин 2010 – *Зеленев Ю. А., Юдин А. И.* Курган у села Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.). Саратов, 2010. С. 134–155.

Корочкова 2014 – *Корочкова О. Н.* О производящем центре эпохи бронзы в Среднем Зауралье // Труды IV (XX) Всерос. АС в Казани. Казань, 2014. Т. I. С. 572–574.

Кренке 2014 – *Кренке Н. А.* Абашевская находка в долине Москвы-реки // Археология Подмосковья. М., 2014. Вып. 10. С. 29–35.

Кузнецов 2003 – *Кузнецов П. Ф.* К вопросу о хронологии абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Материалы Международ. науч. конф. Чебоксары, 2003. С. 86–88.

Кузнецов, Мочалов 2012 – *Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д.* Потаповские комплексы курганов могильника Грачевка II // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара, 2012. С. 37–82.

Кузьминых и др. 2015 – *Кузьминых С. В., Луньков В. Ю., Орловская Л. Б.* О металле культового памятника эпохи бронзы на Шайтанском Озере (Средний Урал) // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 89–94.

Малов 2001 – *Малов Н. М.* Культуры эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы Междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Европы». Самара, 2001. С. 199–202.

Мимоход 2011 – *Мимоход Р. А.* Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 28–53.

Молодин и др. 2014 – *Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. 2014. Т. 13, вып. 3. С. 136–167.

Соловьев 2005 – *Соловьев Б. С.* Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. 2005. № 4. С. 103–111.

Халиков и др. 1966 – *Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М.* Пепкинский курган: (Абашевский человек). Йошкар-Ола, 1966 (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. III).

Шишлина и др. 2015 – *Шишлина Н. И., Скоробогатов А. М., Кайзер Э., Усачук А. Н.* Радиоуглеродное датирование парных образцов из могильника Рождествено: результаты анализа и обсуждение // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 3. С. 262–271.

Юнгнер, Карпелан 2005 – *Юнгнер Х., Карпелан К.* О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // РА. 2005. № 4. С. 112.

Gebers 1978 – *Gebers W.* Endneolithikum und Frühbronzezeit im Mittelrheingebiet: Katalog. Bonn, 1978.

Matuschik 1996 – *Matuschik I.* Brillen- und Hakenspiralen der frühen Metallzeit Europas // Germania. Bd. 74. Hb. 1. Mainz am Rhein, 1996. S. 1–43.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЭНЕОЛИТА И РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Н. Н. Скакун, В. В. Терёхина

Крупные кремневые пластины как элемент погребального инвентаря ранних скотоводов на юго-востоке Европы⁶

В погребальных комплексах каменного века и эпохи палеометалла часто встречаются предметы из кремня. К сожалению, при описании редко приводятся их технико-морфологические и функциональные характеристики, тогда как всестороннее изучение этих изделий может дать важную информацию о способах их изготовления и назначения. Все это в полной мере относится к материалам погребений ранних скотоводов среднестоговской культурной общности (IV тыс. до н. э.), ареал которой находился в степных районах междуречья Днепра и Дона. В археологической среде с самого момента открытия этих интереснейших памятников на Юго-Востоке Европы ведутся оживленные дискуссии об их синхронизации с тем или иным периодом энеолита Балкано-Дунайского региона и той роли, которую сыграли миграции скотоводческого населения во внезапном исчезновении древнеземледельческих культур на Балканах и прилегающих к ним территориях (Дергачёв 2000; Манзура 2000; Телегин 1973; Телегин и др. 2001; Rassamakin 1999).

В погребальном инвентаре большинства подкурганых захоронений кремневые изделия являются неизменным атрибутом. Среди них особого внимания заслуживают крупные кремневые пластины. Так в Луганском погребальном комплексе, который в настоящее время относят к новоданиловской культуре, было обнаружено 23 изделия из камня (Писларий и др. 1976; Телегин 1973; Телегин и др. 2001). Среди них имеется 14 кремневых крупных, очень правильных пластин. В погребении пластины располагались вблизи черепов, в верхней части костяков, у одного из погребенных пластина находилась в руке. Большинство поделок изготовлено из местного донецкого высококачественного кремня, месторождения которого и места разработок эпохи энеолита представлены в бассейне р. Дон (Цвейбель 1970). Пластины имеют значительные размеры, их ширина составляет более 2,5 см, длина целых экземпляров достигает 23 см. Изделия отличаются правильностью очертаний, прямым профилем,

---

⁶ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00546.

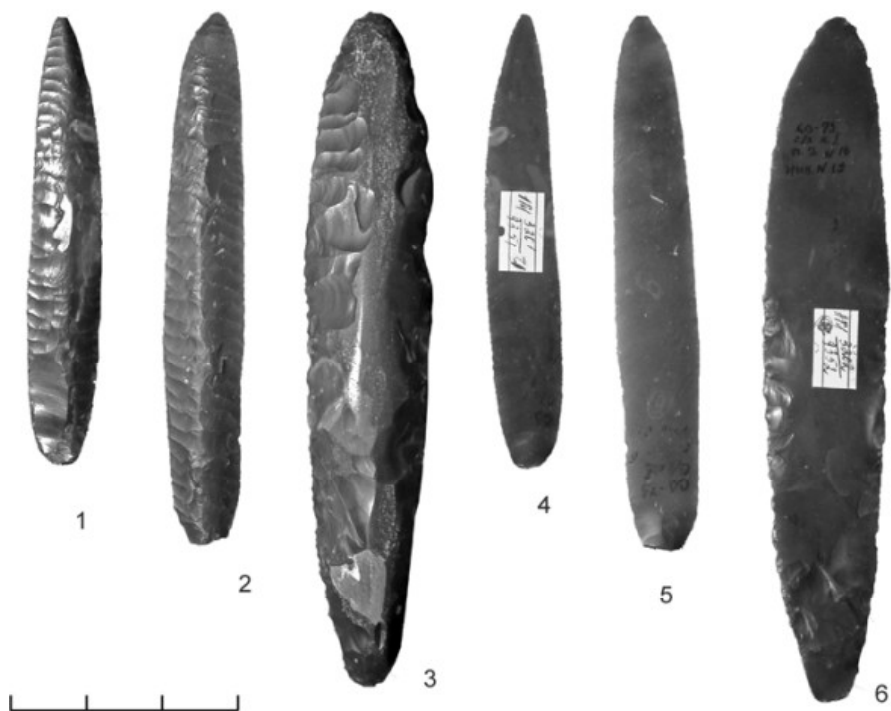

Рис. 1. Пластины из Луганского погребения

низкой спинкой, треугольным или трапециевидным поперечным сечением, небольшим ударным бугорком и параллельными боковыми сторонами. Гладкая или с подправкой ударная площадка характеризуется трапециевидной или эллипсовидной формой (рис. 1). Для всех пластин типична вторичная обработка. Одни из них отретушированы полностью или частично по боковым сторонам, другие с заостренным ретушью верхним концом имеют форму «кинжала», третьи обработаны струйчатой ретушью, вероятно нанесенной с помощью медного посредника. Аналогичные изделия обнаружены в других новоданиловских погребениях Украины: Петро-Свистуново, Чапли, в Молдове: Кайнары, Джурджулешты. Они имеют технико-типологическое сходство с изделиями из захоронений Мурешулуй в Румынии, Река Девня в Болгарии, Чонград в Восточной Венгрии, которые также относят к новоданиловской культуре. Кроме того аналогичные пластины составляют клады, известные в ареале степных скотоводческих культур, например Старый Орлик, Гончаровка, Крейдянка и др. (Телегин и др. 2001). На некоторых новоданиловских объектах найдены конусовидные нуклеусы длиной 11–18 см, с одной ударной площадкой, односторонней или круговой плоскостью скалывания. Они не истощены полностью, но расщепление было остановлено из-за недостаточности их длины

для получения пластин требуемой величины. Сравнение новоданиловских пластин с подобными изделиями из памятников земледельческих культур эпохи энеолита Юго-Восточной Европы Триполья-Кукутени (Украина, Молдова, Румыния), и в особенности Коджадермен-Гумельница-Караново VI (Болгария, Румынии) и Варна (Причерноморские районы Болгарии), где техника обработки кремня в это время достигла вершин совершенства (Скакун 1996; 2006; Skakun 1992), показывает, что новоданиловские материалы по технике изготовления (расщепление кремня) ближе к комплексам Коджадермен-Гумельница-Караново VI, Варна, чем к материалам Триполье-Кукутени.

Визуальные наблюдения и серии экспериментов, проведенные разными исследователями, показывают, что получение подобных пластин требовало особых приемов расщепления кремня, освоенных только в энеолитическую эпоху, среди которых называют применение рычагового механизма (Скакун 1984; Pelegrin 2006).

Трасологический анализ выявил у большинства новоданиловских изделий одни и те же признаки износа. Речь идет об узких полосках блеска на спинке и брюшке, расположенных по одной из боковых сторон на верхней части пластин. В полосах блеска, вдоль кромок, иногда имеется линейный микроизнос в виде слабо выраженных штрихов параллельных краю. На некоторых пластинах, вблизи ударных площадок, отмечаются участки со следами затертости, что может свидетельствовать об их использовании в рукоятях.

Как показывают экспериментально-трасологические наблюдения, подобный износ имеет сходство с износом для ножей, применявшихся при резании мягкого материала, возможно, мяса. Аналогичная изношенность была обнаружена нами при изучении некоторых крупных, очень правильных пластин из погребений энеолитического времени в могильниках Варна и Дуранкулак в Болгарии и захоронения у с. Джурджулешты в Молдове (Скакун 2006; Gurova 2002; Sirakov 2002).

Кроме изношенности, на поверхности большинства новоданиловских пластин обнаружена охра, причем не отдельные крупинки, осевшие от обильной засыпки дна могильных ям, а как показывают бинокулярные исследования, намеренно нанесенные широкие полосы, на некоторых участках которых краска втерта в фасетки ретуши.

К сожалению, недостаточность данных о кремнеобрабатывающих энеолитических центрах в степной зоне между Днепром и Доном не позволяет в настоящее время разрешить вопрос о месте производства макропластин для погребальных комплексов. Случайные находки кладов пластин вне культурных горизонтов, а также обнаружение одиночных захоронений с пластинами и нуклеусами, возможно, указывает на существование бродячих мастеров. Факты обнаружения этих изделий в мужских погребениях, одинаковый износ большинства из них, указывающий на их использование в качестве ножей, отсутствие сведений о находках целых пластин на поселениях, позволяет предполагать, что эти предметы являлись атрибутом мужского набора погребального инвентаря.

Таким образом, находки макропластин в погребальных комплексах показывают, что в эпоху палеометалла эти изделия, демонстрирующие наивысшие достижения кремнеобрабатывающей техники были характерны не только для земледельческих культур, где открыты специализированные мастерские по их производству, но и были широко распространены среди ранних скотоводов на юго-востоке Европы.

Дальнейшее всестороннее исследование технологии получения крупных, очень правильных кремневых пластин и выявление области их использования будет иметь большое значение, как для функциональной интерпретации этих предметов, так и для решения многих общих проблем, включая время возникновения и пути распространения этого уникального достижения кремнеобрабатывающей техники.

Дергачёв 2000 – *Дергачёв В. А.* Два этюда в защиту миграционной концепции // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 188–236.

Манзура 2000 – *Манзура И. В.* Владеющие скипетрами // Там же. С. 237–295.

Писларий и др. 1976 – *Писларий И. А., Кротова А. А., Клочко Т. Н.* Погребение эпохи энеолита в г. Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины: Исследования и материалы. Киев. 1976. С. 21–36.

Скакун 1984 – *Скакун Н. Н.* Кремнеобрабатывающее производство в эпоху палеометалла Болгарии // IIIrd Seminar on petroarchaeology. Plovdiv, 27–30 august, 1984. Plovdiv, 1984. С. 83–92.

Скакун 1996 – *Скакун Н. Н.* К вопросу о кремнеобрабатывающем производстве эпохи энеолита в Юго-Восточной Европе (по материалам Болгарии) // *Археология*. 1996. № 3. С. 124–128.

Скакун 2006 – *Скакун Н. Н.* Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). СПб., 2006 (Труды ИИМК РАН. Т. XXI).

Телегин 1973 – *Телегин Д. Я.* Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973.

Телегин и др. 2001 – *Телегин Д. Я., Нечитайло А. Н., Потехина И. Д., Панченко Ю. В.* Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. Луганск, 2001.

Цвейбель 1970 – *Цвейбель Д. С.* Древние кремневые выработки у с. Широкое в Донбассе // *СА*. 1970. № 1. С. 227–233.

Gurova 2002 – *Gurova M.* Mobilieren silex de la necropole Durankulak – analyse fonctionnelle // *Durankulak*. Bd. II. Die prähistorischen Gräberfelder von Durankulak. T. 1. Sofia; Berlin, 2002. S. 247–256.

Pelegrin 2006 – *Pelegrin J.* Long blade technology in Old World: an experimental approach and some archeological results // *Skilled Production and Social reproduction: aspects of traditional stonetool technologies, proceedings of a symposium in Uppsala, August 20–24, 2003*. Uppsala, 2006. P. 37–68.

Rassamakin 1999 – *Rassamakin Yu. Yu.* The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500–2300 BC // *Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe*. Cambridge, 1999. P. 59–182.

Sirakov 2002 – *Sirakov N.* Flint artifacts in prehistoric grave-good assemblages from the Durankulak necropolis // *Durankulak*. Bd. II. Die prähistorischen Gräberfelder von Durankulak. T. 1. Sofia; Berlin, 2002. S. 213–246.

Skakun 1992 – *Skakun N. N. Évolution des techniques agricoles en Bulgarie chalcolithique (d'après les analyses tracéologiques) // Préhistoire de l'agriculture: nouvelles approches expérimentales et ethnographiques. Congrès L'exploitation des plantes en préhistoire: documents et techniques. Table ronde (06/1988). Paris, 1992. P. 289–303.*

С. М. Осташинский, Е. А. Черлёнок
Комплекс энеолитических украшений
из навеса Мешоко
(по результатам работ 2011–2015 гг.)

Навес Мешоко расположен в Майкопском р-не Республики Адыгея в нескольких километрах от пос. Каменноостровский. Впервые памятник изучался в 1963–1964 гг. экспедицией под руководством А. Д. Столяра (Столяр 2009: 107–108). В 2011 г. раскопки на поселении были возобновлены силами Закубанской археологической экспедиции ГЭ при участии студентов-практикантов кафедры археологии СПбГУ (Осташинский, Черлёнок 2012). Одним из важнейших результатов работ стало установление стратиграфии напластований навеса, которая включает в себя значительные по мощности отложения позднеэнеолитического времени (Осташинский, Черлёнок 2013; 2015; Черлёнок, Осташинский 2013). В них обнаружено большое количество украшений, причем большинство находок выявлено в 2015 г., когда применили сплошную промывку культурного слоя. Украшения, зафиксированные в энеолитических напластованиях, можно разбить на четыре группы.

Группа 1. Изготовленный из раковин (?) бисер (4 экз.) получен при промывке культурного слоя (рис. 1, 3). Размеры каждой поделки составляют несколько миллиметров.

Группа 2. Бусы (10 экз.), выполненные из различных материалов, получены большей частью в ходе промывки культурного слоя. Размеры бусин составляет около 1 см. Выявлены следующие типы поделок: 2.1. – дисковидная из раковины (рис. 1, 11); 2.2. – конусовидные керамические – 2 шт. (рис. 1, 7); 2.3. – цилиндрические каменные – 2 шт. (рис. 1, 5); 2.4. – цилиндрическая костяная (рис. 1, 4); 2.5. – пронизи костяные – 3 шт. (рис. 1, 8); 2.6. – бусина (?) из небольшого зуба животного (рис. 1, 10).

Группа 3. Большинство подвесок из зубов животных также найдено в ходе разбора культурного слоя. Размеры этих изделий достигают нескольких сантиметров. Определения видов для коллекции 2011–2013 гг. выполнили Элен Хамблетон и Марк Малтби (Ellen Hambleton, Mark Maltby – Department of Archaeology, Anthropology and Forensic Sciences, Bournemouth University, UK). Выявлены следующие типы украшений: 3.1. – подвеска из зуба оленя – 2 шт. (рис. 1, 2); 3.2. – подвеска из клыка лисицы или собаки (рис. 1, 6); 3.3. – подвеска из клыка кабана – 4 шт. (рис. 1, 1).

Группа 4. Фрагмент каменного браслета найден при разборе энеолитического культурного слоя. Реконструируемый внутренний диаметр изделия составляет около 6,8 см., высота – 1,9 см, толщина – 1,1 см (рис. 1, 9).

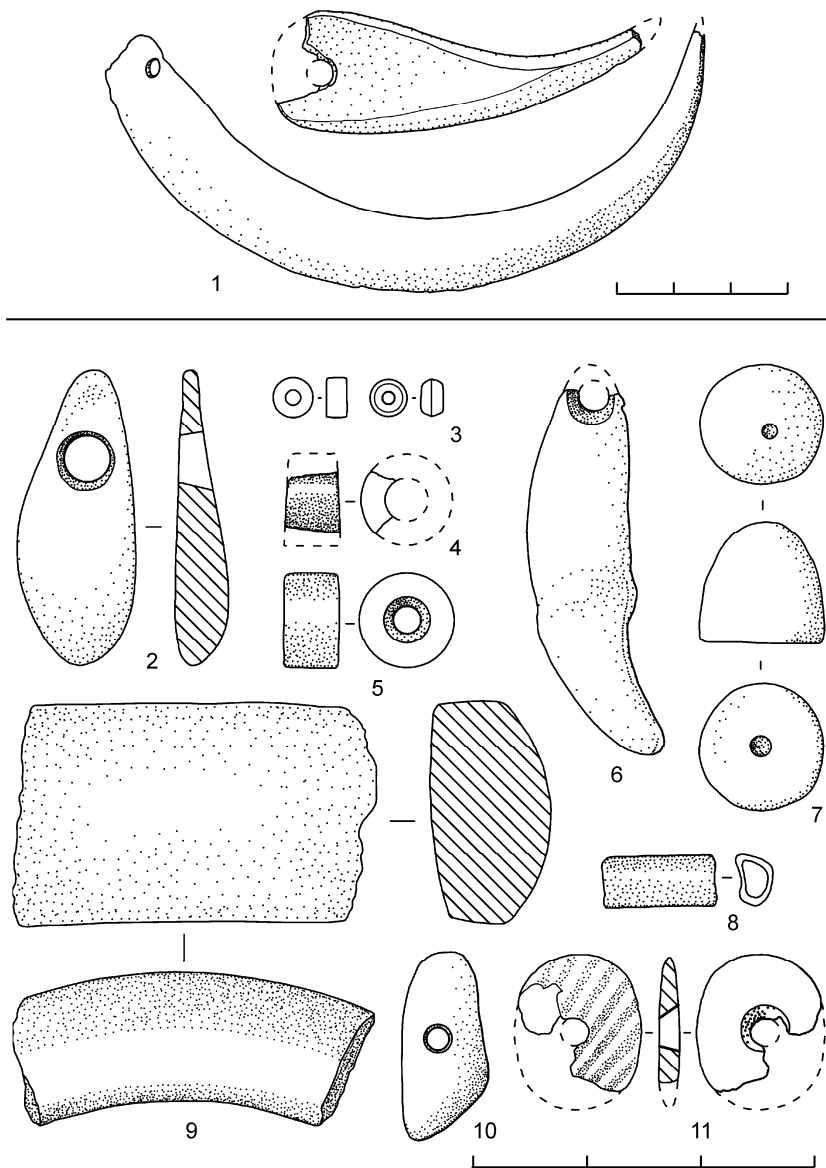

Рис. 1. Украшения из энеолитического слоя навеса Мешоко (работы 2011–2015 гг.):
 1 – подвески из клыка кабана; 2 – подвеска из зуба оленя; 3 – бисер из раковины (?);
 4 – фрагмент цилиндрической костяной бусины; 5 – каменная цилиндрическая бусина;
 6 – подвеска из клыка лисицы или собаки; 7 – конусовидная керамическая бусина;
 8 – костяная пронизка; 9 – фрагмент каменного браслета; 10 – бусина (?) из небольшого
 зуба животного; 11 – дисковидная бусина из раковины

Кроме того в ходе изучения вышележащих отложений было обнаружено несколько украшений, аналогичных энеолитическим, и вероятно попавших в более поздний контекст в результате многочисленных перекопов. Это фрагмент каменного браслета, костяная пронизь, две подвески из клыков собаки и крупный фрагмент пластины из клыка кабана.

Аналогии некоторым типам украшений из навеса Мешоко происходят лишь из единичных памятников Северо-Западного Кавказа. Так, конусовидные керамические бусины, возможно, каким-то образом соотносятся с глиняными бусинами цилиндрической и округлой формы, найденными в большом количестве на поселении Свободное (Нехаев 1990: 9–10). Более определенны аналогии обоим фрагментам каменных браслетов. Они имеют специфическое сечение, отличающее их от многочисленных изделий такого рода из поселения Мешоко. Аналогичные по форме сечения подделки были обнаружены в Очажном гроте Воронцовской пещеры (Соловьёв 1958: 144, табл. 2, 5). Не исключено, что эти артефакты маркируют поздний этап энеолита в регионе.

Украшения из навеса Мешоко, имеющие локально-хронологические особенности, обладают внутренним единством, отраженным в подборе категорий инвентаря и материалов для их производства. Элементы этого комплекса фиксируются на поселениях Мешоко (верхний слой), Свободное, Замок, а также в Нальчикском могильнике и в погребениях хвалынского-среднестоговской общности. В материалах этих памятников имеются аналогии бисеру, всем типам бус, кроме конусовидных керамических и всем типам подвесок из навеса Мешоко. Особо нужно отметить подвески из клыка кабана и дисковидные бусы из раковины, распространенные на широкой территории от Дуная до Волги (Манзура 2000: 261–266).

Несмотря на то, что памятники горной части Северо-Западного Кавказа представлены в основном поселениями, а степной части – грунтовыми и подкурганными погребениями, можно предположить, что единый набор изделий фиксирует сходную практику украшения костюма как в быту, так и в погребальной церемонии. Это особенно заметно при сравнении с депонированием украшений в эпоху ранней бронзы, где они найдены, почти исключительно в погребальном контексте.

Судя по памятникам ст. Новосвободной, некоторые типы изделий в качестве своеобразного рудимента входят в состав нового набора украшений, характерного для раннего бронзового века (Попова 1963: 42; Резепкин 2012: 62–63). Навес Мешоко, который по радиоуглеродным датам относится к 3800–3600 гг. до н. э., видимо, маркирует финальную дату распространения на Северо-Западном Кавказе энеолитических украшений как единого комплекса.

Манзура 2000 – Манзура И. В. Владеющие скипетрами // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 237–295.

Нехаев 1990 – Нехаев А. А. Энеолитические поселения Закубанья // *Древние памятники Кубани*. Краснодар, 1990.

Осташинский, Черлёнок 2012 – Осташинский С. М., Черлёнок Е. А. Раскопки навеса Мешоко в 2011 г. (предварительное сообщение) // *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации*. XXVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012.

Осташинский, Черлёнок 2013 – *Осташинский С. М., Черлёнок Е. А.* Новые данные о соотношении позднэнеолитической и майкопской культуры в предгорьях Северо-Западного Кавказа // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. Краснодар, 2013. С. 321–324.

Осташинский, Черлёнок 2015 – *Осташинский С. М., Черлёнок Е. А.* Стратиграфия навеса Мешоко и проблема соотношения культур энеолита и бронзового века на Северо-Западном Кавказе // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию А. А. Миллера). СПб., 2015. С. 117–121.

Попова 1963 – *Попова Т. Б.* Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963 (Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXIV).

Резепкин 2012 – *Резепкин А. Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб., 2012.

Соловьёв 1958 – *Соловьёв Л. Н.* Новый памятник культурных связей кавказского Причерноморья в эпоху Неолита // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Сухуми, 1958. Т. XXIX.

Столяр 2009 – *Столяр А. Д.*, Отчет о работах Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1963 г. // *Столяр А. Д., Формозов А. А.* Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. 1958–1965 гг. СПб., 2009.

Черлёнок, Осташинский 2013 – *Черлёнок Е. А., Осташинский С. М.* Поздний энеолит Северо-Западного Кавказа: данные по относительной хронологии материалов из раскопок навеса Мешоко (2012 г.) и поселения Мешоко (2007 г.) // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической науч. конф. СПб., 2013.

И. В. Палагута, Е. Г. Старкова

Триполье и Степь: к вопросу о динамике культурных взаимосвязей

В течение последних лет тема взаимосвязи Триполья-Кукутени с культурами степного энеолита, вызывавшая острую полемику в первой половине нулевых годов нынешнего столетия, не выходила на уровень широкомасштабных дискуссий (см.: Дергачёв 2000; 2007; Манзура 2000; 2004; также комментарии к этой дискуссии: Palaguta 2007: 71–72). Исключением можно считать последнюю работу А. Г. Козинцева, где упомянутая тема затронута в связи с проблемой происхождения индоевропейцев и преимущественно в контексте связей населения Северо-причерноморских степей и Кавказа (Козинцев 2016).

Одним из важнейших показателей этих связей является керамика с примесью толченых раковин в тесте, выделенная в особую категорию «типа Кукутени С» еще Г. Шмидтом (Schmidt 1932) и впервые описанная Т. Г. Мовшей (Мовша 1961).

Эта посуда появляется в керамических комплексах трипольских поселений в начале развитого периода (VI, по Т. С. Пассек) и достаточно быстро распространяется в большей части ареала культуры от Побужья до междуречья

Сирета и Прута. Она представлена и на ряде памятников культуры Гумельница в Нижнем Подунавье (Палагута 1998; Palaguta 2007: 67–72, fig. 104).

Рассматриваемая керамика отличается от собственно трипольской не только примесью ракушки в тесте, иным является весь комплекс технологических операций, включающий как круглодонную схему лепки заготовки, так и последующую формовку стенок с помощью выбивки – с применением наковаляни и лопатки. В трипольской посуде этот способ формовки не используется (Палагута 1998). Отличен и низкотемпературный (часто – в восстановительной среде) обжиг таких сосудов, при котором примесь ракушки не выгорает. Форма изделий (горшки с раструбообразным венчиком) также не выводится напрямую из похожих форм трипольской посуды. Отличен и орнамент этой группы керамики. Кроме наколов и прочерченных линий, образующих геометрические композиции, характерны расчесы, выполненные зубчатым штампом (рис. 1, 1–3).

Самые близкие аналогии этой посуде представлены на памятниках скелянского типа – Стрильча Скеля и Средний Стог II в районе Днепровских порогов (Palaguta 2007: fig. 105).

Очевидно, что включение таких сосудов в трипольско-кукутенский керамический комплекс является результатом инкорпорации инокультурного населения в среду раннеземледельческих общин (Палагута 1998: 12). Речь, видимо, идет не только о «степных женах» (Ковлёва 2012: 9, со ссылкой на И. В. Манзуру и И. В. Палагуту), но и об отдельных коллективах.

Остается открытым вопрос о том, возможно ли столь глубокое проникновение носителей этой традиции в пределы трипольского ареала, которое обусловило бы присутствие этой посуды почти на всех известных памятниках периода Триполье VI. Точка зрения В. А. Дергачёва о массовой степной экспансии «конных варваров» (Дергачёв 2007) малообоснована, так как по сравнению с массивом трипольского населения дояменные обитатели степи, оставившие единичные поселения в долине Днепра, вероятно, были сравнительно немногочисленны, а прямых свидетельств массового использования ими верховой лошади обнаружить не удалось.

Рассматриваемая посуда присутствует в трипольских комплексах и в последующее время – в периоды Триполье VII и CI. Но она не находит прямых аналогий в степи.

В трипольско-кукутенских комплексах данная керамика образует самостоятельную функциональную категорию, мало чувствительную к локальным и хронологическим особенностям памятников различных районов трипольско-кукутенского ареала. Среди этой посуды четко выдерживается стандартная форма горшка с отогнутым наружу венчиком, сформованным из лент, присоединяемых к тулову с округлыми плечиками. Угол наклона венчика может варьировать, но профиль сосуда остается опознаваемым. Плоское дно изделия обычно четко оформлено, как и у трипольской посуды. В тесте рассматриваемой керамики преобладает примесь дробленых раковин, хотя в ряде случаев можно наблюдать замену этого отощителя крупным песком. Следы выбивки

также прослеживаются. Однако наряду с ней для доработки заготовки используется обрезка, характерная для трипольской посуды (Старкова 2008). Преобладает низкотемпературный обжиг в восстановительной среде, поэтому черепок имеет в разломе черный цвет.

Сосуды с ракушкой бедно декорированы: у края венчика иногда нанесен ряд «жемчужин», на плечиках показаны «фестоны» из углубленных линий, а также округлые парные или единичные углубления и шишковидные налепы. На горле в большинстве случаев имеются вертикальные расчесы, выполненные, как правило, зубчатым штампом (рис. 1, 4–6).

Своеобразие этой посуды заключается в том, что к ее изготовлению относились, не столь консервативно, как к производству традиционной трипольской, для которой характерны определенные стандарты. В частности, на сосудах с примесью ракушки в тесте стали появляться элементы, не характерные ни для Триполья, ни для степи, например, так называемые трубчатые (туннельные) ручки и их имитации, дуговые налепы, выполненные в западных керамических традициях. Серии изделий с подобными элементами найдены на поселениях Бодаки и Незвиско (Старкова 2011). Есть такая керамика и на других памятниках в разных частях ареала, где, она, в отличие от локальных особенностей расписной посуды, сохраняет все описанные характеристики.

Таким образом, в периоды Триполье ВІІ, СІ/Кукутени А–В, В ракушечная керамика является неотъемлемой составляющей керамического комплекса культуры, не находя при этом прямых аналогий на памятниках степной зоны.

Принято считать, что эта посуда имела исключительно кухонное назначение (обычно ее отнесение к категории «кухонной» утвари, в отличие от расписной – «столовой»).

Причины, по которым рассматриваемые степные сосуды с иной техникой изготовления и примесью толченой ракушки, не характерной для Триполья-Кукутени, продолжают существовать в трипольской культуре, не совсем понятны. Достаточно долго эти изделия сосуществуют с традиционной трипольской «кухонной» посудой, изготовленной из глины с примесью шамота, который присутствует и в «столовой» керамике, так как препятствует усадке крупных сосудов при их сушке и поэтому может быть применен в их производстве.

Посуда типа «Кукутени С», скорее всего, не обожжена в трипольских гончарных горнах, так как требовала более низкой температуры обжига. Возможно, такую керамику обжигали отдельно, например, в закрытых ямах или домашних печах без регулировки доступа кислорода, о чем свидетельствует серый или пятнистый неравномерный цвет ее поверхности. Использование низкотемпературного обжига в восстановительной среде для сосудов с примесью ракушки вполне логично, поскольку примеси не выгорали, и при этом изделие получалось достаточно прочным.

Таким образом, производство анализируемой керамики относится к другой технологической цепочке, существующей параллельно с налаженным производством расписной посуды. Лишние затраты труда и топлива не совсем логичны с точки зрения энергоёмкости производства.

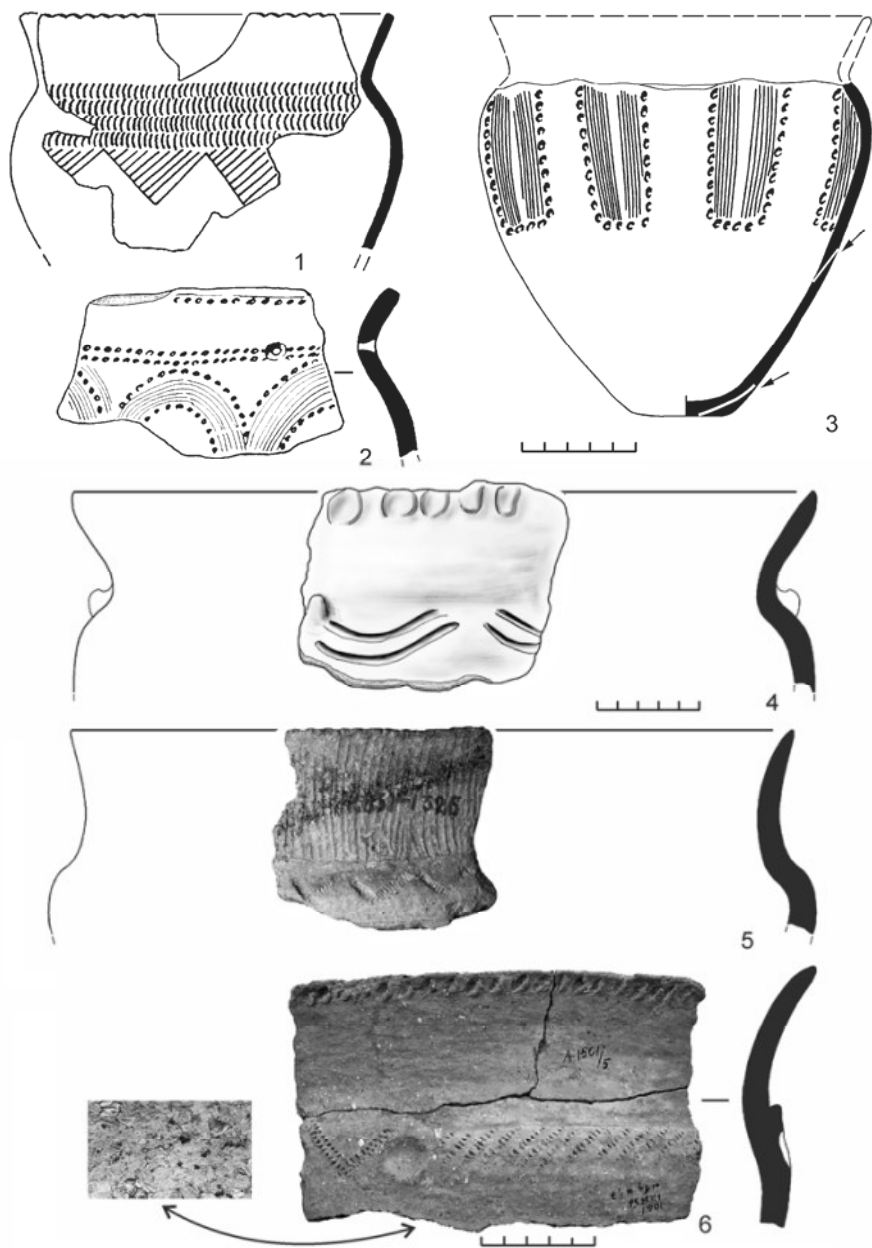

Рис. 1. Керамика типа «Кукутени С» в трипольских комплексах: 1 – Друцы I; 2 – Новые Дуруиторы; 3 – Журы (период Триполье VI); 4 – Раковец; 5 – Кудринцы; 6 – Незвиско (Триполье VII)

Возможно, традиционная трипольская кухонная керамика и «ракушечная» имели разное назначение, связанное со свойствами глиняного теста при добавлении тех или иных примесей.

Так, обильная примесь толченой ракушки, особенно в крупных фракциях придавала сосуду прочность и устойчивость к резким перепадам температур (Глушков 1996: 24), что может свидетельствовать об использовании посуды с ракушкой для приготовления пищи на огне. Применение выбивки для доработки поверхности в данном случае может быть связано с необходимостью уплотнить черепок и сделать его более прочным и водонепроницаемым. Практически все ракушечные сосуды имеют форму горшков с S-видным профилем. Существует предположение, что изделие такой формы удобнее извлекать из огня, чем баночную керамику (Глушков 1996: 86).

Другое объяснение может быть связано с изменениями в диете и способах приготовления пищи: пористая керамика, впитывает жидкость, которая, испаряясь, охлаждает содержимое сосуда. В такой посуде можно лучше хранить молочные продукты.

В любом случае именно специальное функциональное назначение обуславливало изготовление рассматриваемой посуды параллельно «столовой» керамике. По-видимому, в отличие от расписных сосудов, производившихся мастерами-специалистами, «ракушечные» изделия являлись продуктом индивидуального домашнего производства.

Таким образом, можно предположить, что на начальном этапе среднего Триполья распространение анализируемой керамики было связано не столько с массовой миграцией инокультурного населения и включением его в трипольские сообщества, сколько с усвоением от этого населения новых продуктов питания и рецептов их приготовления.

Глушков 1996 – *Глушков И. Г.* Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1996.

Дергачёв 2000 – *Дергачёв В. А.* Два этюда в защиту миграционной концепции // *Stratum plus*. 2000. №2. С. 188–236.

Дергачёв 2007 – *Дергачёв В. А.* О скипетрах, о лошадях, о войне: Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. СПб., 2007.

Ковлёва 2012 – *Ковлёва И. Ф.* Скелянская культура. Историография проблемы // Проблемы археологии Подніпров'я. Дніпропетровськ, 2012. С. 3–11.

Козинцев 2016 – *Козинцев А. Г.* О начальном этапе индоевропейской истории // Тезисы XVII Междунар. Западносибирской археолого-этнографической конф. «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий», посвященной 110-летию В. Н. Чернецова, 110-летию Г. Ф. Дебеца, 115-летию А. П. Дульзона (20–22 апреля 2016 г., Томск, Россия). Электронный ресурс: <http://zsaek.tsu.ru>

Манзура 2000 – *Манзура И. В.* Владеющие скипетрами // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 237–295.

Манзура 2004 – *Манзура И. В.* Северное Причерноморье в энеолите и в начале бронзового века: ступени колонизации // *Stratum plus* (2003–2004). 2004. № 2. С. 63–85.

Мовша 1961 – *Мовша Т. Г.* О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // СА. 1961. № 2. С. 186–199.

Палагута 1998 – *Палагута И. В.* К проблеме связей Триполья-Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья // РА. 1998. № 1. С. 5–14.

Старкова 2008 – *Старкова Е. Г.* Керамика типа Кукутени С в трипольских комплексах этапа ВІІ // РА. 2008. № 3. С. 16–25.

Старкова 2011 – *Старкова Е. Г.* Керамические комплексы финала развитого Триполья: по материалам поселений Подольской возвышенности и Верхнего Поднестровья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

Palaguta 2007 – *Palaguta I.* Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites. Oxford, 2007 (British Archaeological Reports. International Series. 1666).

Schmidt 1932 – *Schmidt H.* Cucuteni in der Oberen Moldau, Rumänien. Berlin; Leipzig, 1932.

А. В. Файферт

О культурно-хронологической принадлежности материалов энеолита и раннего бронзового века Левенцовского поселения

В 1962–1964 гг. экспедиция под руководством С. Н. Братченко исследовала многослойное поселение Левенцовка I, причем на двух его участках было вскрыто около 500 м². Наибольший интерес традиционно привлекают находки из нижних слоев памятника.

В 1962 г. работы были сосредоточены на раскопе 1, откуда происходит значительная коллекция энеолитической керамики. С. Н. Братченко выявил в нижнем слое поселения два горизонта, хотя в опубликованной им позднее статье (Братченко 1969: 211) он не использует эти стратиграфические данные. В упомянутой работе не приведено также распределение находок по раскопам, несмотря на то, что последние состояли из ряда участков и занимали разное положение на террасе.

На раскопе 2 в 1963 г. С. Н. Братченко выделил слой ямной культуры, перекрывавший бедное энеолитическое отложение, которое объединено с нижним слоем раскопа 1. В 1964 г. ранние слои не исследовались.

В моей работе (Файферт 2014: 20) допущены ошибки: материалы Левенцовки I не соотнесены с раскопами, а находки из верхнего горизонта нижнего отложения, изученного на раскопе 1, объединены с артефактами из ямного слоя, выявленного на раскопе 2.

К сожалению, на рассматриваемом памятнике не были исследованы закрытые комплексы раннего времени. Поскольку отложения имели небольшую толщину, керамику часто разделяли лишь типологически. В отчетах не указана четкая привязка находок к квадратам. Все это затрудняет определение культурной принадлежности артефактов. С. Н. Братченко разделил немногочисленную посуду энеолитического слоя на пять групп, ямного отложения – на две группы. В указанной выше статье он сближает материалы энеолитического

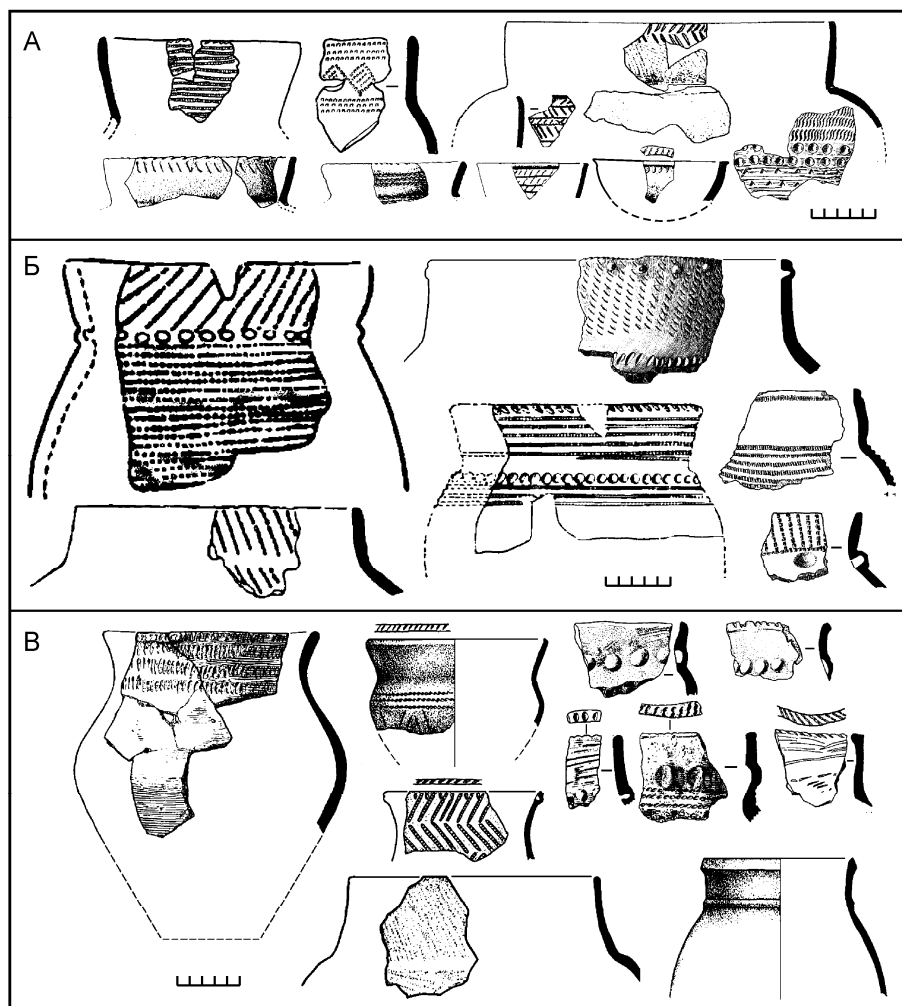

Рис. 1. Сопоставление керамики Левенцовского и Михайловского поселений:
 А – Левенцовка I; В – Михайловка, средний слой; С – Михайловка, нижний слой

слоя с памятниками типа Средний Стог II, Александрия, Фатьма-Коба, Кукрек, остров Похильный и остров Виноградный. Лощеные сосуды третьей группы автор сопоставил с керамикой нижнего слоя Михайловского поселения. Таким образом, глиняная посуда энеолита и раннего бронзового века Левенцовки I не составляют единый и надежно стратифицированный комплекс. Поэтому исторические выводы, основанные на нем, ненадежны. Сосуды этого поселения нельзя напрямую связывать с керамикой нижнемихайловского типа памятников. Комплекс глиняной посуды Левенцовки I, очевидно, образовался в результате

смыслов и перекопов разновременных отложений. Не случайно ранние находки выявлены именно в квадратах у промоин.

В данной работе я попытался сопоставить сосуды Левенцовского и Михайловского поселений. Прделанное сравнение (рис. 1) показало, что в Левенцовке I нет прямых аналогий керамике нижнего слоя Михайловки, тогда как среди посуды среднего слоя Михайловки такие аналогии есть. Подводя итог, следует сказать, что культурная принадлежность и датировка ранних слоев Левенцовского поселения могут быть определены только после новых раскопок памятника. Сказанное отнюдь не исключает наличие на Донском Правобережье материалов нижнемихайловского типа, в частности подкурган-ных погребений.

Братченко 1969 – *Братченко С. Н.* Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. 1969. Т. XXII. С. 216–231.

Файферт 2014 – *Файферт А. А.* Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья. Свод археологических источников. Ростов н/Д, 2014.

С. В. Иванова

Причины и характер экспансии скотоводческого населения в Балкано-Карпатский регион в раннем бронзовом веке

В археологической науке в течение многих десятилетий популярна теория В. Г. Чайлда – М. Гимбутас о «нашествии» в энеолите и бронзовом веке степных скотоводческих народов на запад, в Балкано-Карпатский регион и Центральную Европу («курганная теория»). В качестве одной из причин вынужденных миграций называют аридизацию климата, трактуя ее как негативный фактор.

На наш взгляд, имеющиеся данные, напротив, указывают на формирование в Северо-Западном Причерноморье в III тыс. до н. э. оптимальных природных условий для занятия подвижным скотоводством: аридизация климата способствовала расширению территорий, пригодных под пастбища. Можно говорить о стабилизации хозяйства и экономики в раннем бронзовом веке, о чем свидетельствует рост численности населения по сравнению с энеолитом. Мы полагаем, что в этот период имела место не миграция, а постепенное и поэтапное расселение племен буджакской (ямной) культуры из Северо-Западного Причерноморья в западном направлении. Причем характерно значительное преобладание мужчин в составе переселенцев: в северо-западной Болгарии соотношение мужчин, женщин и детей определяется как 14 : 3 : 4 (Панайотов 1989: 163), в Альфельде – как 12 : 3 (Gerling et al. 2012: 1103). Для ямной культурно-исторической общности и для буджакской культуры также характерно преобладание мужских захоронений, но совершенно в ином соотношении – 2 : 1

(Иванова 2001: 123). Такая диспропорция полов в Балкано-Карпатском регионе указывает, скорее всего, на переселение специализированной группы населения, а не на тотальную миграцию. К сожалению, небольшое количество радиоуглеродных дат и их широкие временные интервалы не позволяют восстановить последовательность освоения Балкано-Карпатского региона.

Тем не менее, определенные данные предоставляет изотопный анализ. Так, изучение скелетных останков некоторых ямных курганов (Большая Венгерская равнина) показало, что часть погребенных, носителей ямной культуры, были местными жителями, т. е. не первым поколением ямных переселенцев, а часть пришли сюда из Трансильвании (Западные Румынские горы, Апусени), с территории, которая лежит примерно в 200 км к востоку от мест их захоронения. Исследователи трактуют эти результаты как свидетельства в пользу развития сезонного отгонного скотоводства, когда летом люди использовали высокогорные пастбища, а к зиме перебирались на равнину Альфельда (Gerling et al. 2012: 1107–1109). Но при использовании высокогорных пастбищ летом, зимние пастбища, обычно, располагались в предгорьях, а поселения – между ними. В данной ситуации речь может идти об определенных и устойчивых отношениях между двумя анклавами ямной культурно-исторической общности (Трансильвания и Альфельд), Эти связи привели к поэтапному переселению какой-то части населения из Апусени на запад. Для Балканской территории Л. Николова предполагает ежегодные откочевки ямного населения на зиму из Добруджи во Фракию, т. е. на расстояние более 200 км (Nikolova 2010). Однако, специалисты считают, что естественным для степных пастухов были меридиональные перемещения со стадами, к тому же столь большие расстояния между летними и зимними пастбищами, как это предполагается для Центральной Европы (Апусени – Альфельд) и Балкан (Южная Добруджа – Фракия) характерны для других природных зон с малой обводненностью, небольшим количеством ежегодных осадков и частыми засухами, например, для Западного Казахстана. Скорее всего, перемещение на запад носителей Балкано-Карпатского варианта ямной культурно-исторической общности представляет собой колонизацию новых местностей. Освоив один регион, часть населения передвигалась в новый, поддерживая при этом связи со своей территорией, на что указывают, например, захоронения нескольких поколений людей, пришедших в Альфельд с высокогорья. Косвенным подтверждением такого принципа заселения новых территорий являются не только данные изотопного анализа, но и связи между материальной культурой соседних регионов. Следовательно, пастухи, освоив новые регионы, продолжало контакты с исходной территорией, постепенно продвигаясь далее и далее на запад. В итоге их общество состояло из связанных анклавов, что и позволило нам объединить их в рамках одного культурного варианта (Иванова 2014: 14). В то же время такая сеть способствовала распространению артефактов, соединяя Северное Причерноморье, прежде всего его северо-западный регион, с отдаленными территориями Юго-Восточной и Центральной Европы.

По мнению С. Кадрова, миграция представляет собой политический и социокультурный факт. В основе миграций лежит социологический фактор, при этом мотивы действий человека формируются культурой и историей, а не прямым воздействием природных или экономических предпосылок. Природная среда (климатические изменения) могла быть лишь одной из необходимых предпосылок миграций человеческих коллективов, но никак не достаточной, потому что переселения определяются, в первую очередь, социальными механизмами. Концепцию, согласно которой миграции обитателей степей повлияли на культурно-цивилизационную ситуацию в Центральной Европе в эпоху ранней бронзы, исследователь считает «научным мифом» (Kadrow 2010: 55–57). Заметим, что влияние степи на европейские культуры уже давно подвергалось сомнению (Häusler 1996; Николова 2001/2002: 291–292).

Е. Неуступный отмечал, что человеческим коллективам важно создавать общественные связи и формировать социальные сети, без которых любой общественный организм оказывается в изоляции со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями (Neustupný 1982). Экономические и социальные связи, создавая стабильность в обществе, способствовали подавлению «нежелательной изменчивости» и содействовали модификации, если она была необходима. Миграции всегда связаны с разрывом всех социальных связей, поэтому представить себе немотивированную миграцию просто невозможно. Чаще всего общество реагирует на различные демографические и природные (экологические) события путем адаптации (Ibid. 1982: 286).

В последние годы особое внимание уделяется климатическим аномалиям голоцена («стремительным климатическим событиям») и их воздействию на жизнь древних обществ. Данные архивов Гренландских льдов позволяют выделить шесть основных нестабильных периодов, во время которых произошло большинство ключевых аномалий. Эти периоды в календарном калиброванном времени соответствуют 9000–8000 cal BP, 6000–5000 cal BP, 4200–3800 cal BP, 3500–2500 cal BP, 1200–1000 cal BP, 600–150 cal BP (Mayewski et al. 2004).

Главная особенность культурно-экономической эволюции ряда сообществ Северо-Западного Причерноморья (прежде всего, буджакской, в меньшей степени – катакомбных культур) заключается в том, что их развитие и расцвет приходится, на первый взгляд, на время неблагоприятных природных условий, обусловленных стремительными изменениями климата (аридизация, так называемое событие 5300 cal BP) и регрессиями Черноморского бассейна (хаджибейская регрессия)⁷. Тем не менее, на протяжении всего III тыс. до н. э. наблюдается широкое распространение в регионе населения, оставившего памятники буджакской культуры, а с середины III тыс. до н. э. – приток носителей катакомбной культуры. Эти данные свидетельствуют о высоких адаптивных

---

⁷ Лишь последствия следующего события – «event 4200 cal BP», которое оказалось климатической катастрофой, стали губительны для скотоводческих культур РБВ и привели к определенной деградации населения Северо-Западного Причерноморья и к ситуациям кризиса.

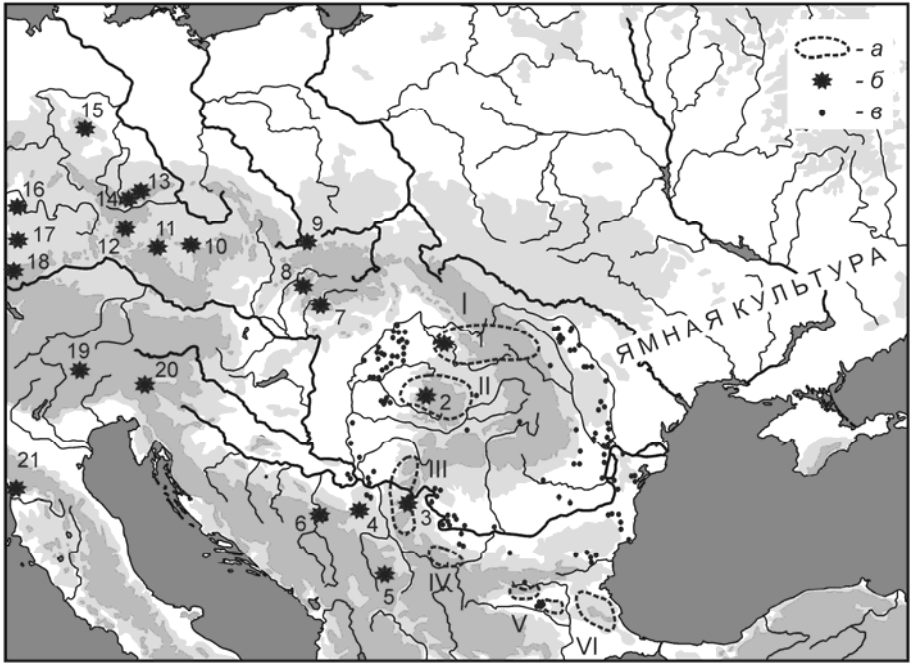

Рис. 1. Расположение меднорудных районов (по Черных 1976): I – северная часть Восточных Карпат (районы Бая-Маре, Родна, Бая-Борша, Южная Буковина); II – Западные Румынские горы (Апусени), рудные районы Металич и Бихор; III – группа месторождений Банат, Бор, Видин; IV – Врачанская группа; V – верхнефракийская группа; VI – Странджа; серебряных рудников: 1 – Байя-Сприе, Кавник; 2 – горы Апусени, Вереспаток (Абруд); 3 – группа месторождений Бор, Рудна Глава, Майданпек; 4 – Рудник; 5 – Ново-Брдо; 6 – Сребреница; 7 – группа месторождений Шемниц, Пуканек, Нова Баня; 8 – Кремница; 9 – Олькуш; 10 – Кутна гора; 11 – Пшибрам; 12 – Яхимов; 13 – Мейсен; 14 – Рудные горы (Фрайберг, Хемниц); 15 – Раммельсберг (Гослар); 16 – рудный район Гарц (Андреасберг); 17 – Гессен; 18 – Виттихен (Шварцвальд); 19 – рудный район Тироль (Швац); 20 – рудный район Каринтия; 21 – Боттина (Лукка) и памятников ямной культуры (по Esceđu 1979; Dergačev 1998; Burtănescu 2002). Условные обозначения: а – меднорудные районы; б – серебряные рудники; в – памятники ямной культуры

возможностях населения и позволяют предположить, что не природные катаклизмы, а новые хозяйственные возможности явились тем фактором, который обусловил продвижение пастухов из Северо-Западного Причерноморья в Юго-Восточную и Центральную Европу. Параллельное развитие в РБВ двух регионов – Северо-Западного Причерноморья и Балкано-Карпат, двусторонние контакты в различные хронологические периоды, высокий социальный и экономический уровень, расширение границ обитания указывают на стабильность социума. В такой ситуации общество интересуется не только продуктами

питания (кормовая база для скота), имеются иные точки притяжения для расселения племен в новых регионах. Климатические изменения в РБВ позволили обитателям Северо-Западного Причерноморья использовать в большем объеме природные ресурсы, нежели ранее. С одной стороны, такими ресурсами выступали степные экосистемы; расширение степной зоны и ее трансформации стимулировали развитие скотоводческого хозяйства. Другой категорией природных ресурсов, задействованных в хозяйственной жизни населения, были минералы и полезные ископаемые. Картографирование курганов и могильников в Балкано-Карпатах демонстрирует расселение ямных племен вблизи металлургических зон (рис. 1). Поэтому, помимо расширения территорий для занятия подвижным скотоводством, можно говорить и о торговом освоении вышеупомянутого ареала в раннем бронзовом веке, о построении торгово-меновых путей и об активном участии буджакских племен в обменных операциях с населением западных земель.

На наш взгляд, продвижение носителей буджакской культуры ямной культурно-исторической общности не было вынужденной миграцией, вызванной внешними (климатические изменения) или внутренними (демографический кризис, истощение пастбищ) причинами. Нельзя считать этот процесс военной экспансией, или напротив, вытеснением буджакского населения катакомбным. Помимо освоения скотоводами новой экологической ниши (зоны степей и полупустынь), имело место построение отношений нового уровня, связанных с обменом, продвижением на дальние расстояния и возвращением на исходную территорию. Именно металл, наряду с изменениями в окружающей среде вследствие аридизации, был основным фактором, определившим направления колонизации Балкано-Карпатского ареала населением ямной культурно-исторической общности, а также причиной, определяющей взаимоотношения пришлого и автохтонного населения. Металлургия была одним из важнейших стимулов, определявших мобильность населения и контакты между его отдельными группами.

Новейшие открытия месторождений и рудников по добыче природной бронзы в Трансильвании заставляют пересмотреть роль кавказских месторождений как единственно доступных для населения Северо-Западного Причерноморья при производстве бронзовых артефактов. В качестве источников металла могут быть названы месторождения Фракии и Трансильвании.

Иванова 2001 – *Иванова С. В.* Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2001.

Иванова 2014 – *Иванова С. В.* Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области // РА. 2014. № 2. С. 5–20.

Клочко 2004 – *Клочко В. І.* Металургія та металообробне виробництво трипільської культури // Енциклопедія Трипільської цивілізації. Київ, 2004. Т. 1. С. 219–222.

Николова 2001/2002 – *Николова Л.* К археологии социальных изменений (по материалам позднего доисторического периода на Балканах) // *Stratum plus*. 2001/2002. № 2. С. 280–294.

Панайотов 1989 – *Панайотов И.* Ямната культура в Българските земи. София, 1989 (Разкопки и проучвания. Т. XXI).

Черных 1976 – Черных Е. Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976.

Dergačev 1998 – Dergačev V. A. Kulturelle und historische Entwicklungen zwischen Karpaten und Dnepr. Zu den Beziehungen zwischen frühen Gessellschaften im nördlichen Südost- und Osteuropa // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. München, 1998. S. 27–64.

Ecsedy 1979 – Ecsedy I. The People of the Pit-grave Kurgans in Eastern Hungary. Budapest, 1979.

Gerling et al. 2012 – Gerling C., Banffy E., Dani J. Immigration and transhumance in the Early Bronze Age Carpathian Basin: the occupants of a kurgan // Antiquity. 2012. No. 86. P. 1097–1111.

Häusler 1996 – Häusler A. Invasionen aus der nordpontischen Steppen nach Mitteleuropa im Neolithicum und in der Bronzezeit. Realität oder Phantasieprodukt? // Archäologische Informationen. 1996. T. 19. S. 75–88.

Kadrow 2010 – Kadrow S. Examples of Migration in the Early Phases of the Metal Ages from a Contemporary Sociological Perspective // Migrations in Bronze and Early Iron Age Europe. Kraków, 2010. P. 47–62.

Mayewski et al. 2004 – Mayewski P., Rohling E., Stager E., Karlen J. C., Maasch W., Meeker A., Meyerson L. D., Gasse E. A., van Kreveld F., Holmgren S., Lee-Thorp K., Rosqvist J., Rack G., Staubwasser M., Schneider M., Steig R. R. Holocene climate variability // Quaternary Research. 2004. T. 62. P. 243–255.

Neustupný 1982 – Neustupný E. Prehistoric migrations by infiltration // Archeologicky Rozhledy. Praha, 1982. T. 34. S. 278–293.

Nikolova 2010 – Nikolova L. Malkata Momina Mogila (Bulgarie): Early Bronze Age // Examiner. 2010. No. 12: <http://www.archeolog-home.com/pages/content/malkata-momina-mogila-bulgarie>.

С. Н. Разумов

Синхронные погребения детей и взрослых в раннем бронзовом веке Северо-Западного Причерноморья

Количественное соотношение погребений взрослых и детей в курганах усатовской культуры и ямной культурно-исторической общности явно не соответствует реальному уровню детской смертности в древности. Этот факт заставляет исследователей предполагать существование иного (бескурганного) обряда для захоронения большинства детей (Дергаčев 1986; Патокова и др. 1989; Ковалёва 1998). Маленькие дети, погребенные в курганах, зачастую сопровождалась украшениями из драгоценных металлов и другим неординарным инвентарем, подчеркивавшим их особый социальный и/или ритуальный статус, а также антропоморфными стелами в перекрытиях. В первую очередь это касается основных для первой либо последующих насыпей захоронений. Одной из особенностей некоторых детских погребений является их привязка к синхронным основным захоронениями взрослых. К сожалению, из-за состояния насыпей или из-за малого количества профилей в ряде случаев можно

лишь предполагать их одновременность. Проследить стратиграфическую позицию детских погребений значительно сложнее, чем захоронений взрослых, из-за небольших размеров ям и отсутствия либо незначительных объемов материкового выкида. Тем не менее, на территории Северо-Западного Причерноморья известны курганы раннего бронзового века с синхронными погребениями, подтвержденными данными стратиграфии.

Для усатовской культуры мы можем назвать по меньшей мере четыре захоронения маленьких детей, синхронные основным подкурганам погребениям взрослых: Усатово, курганный могильник I, курган 2, погр. 2; Маяки, курганный могильник II, курган 3, погр. 7; Тараклия II, курган 10, погр. 2; Рошканы, курган 3, погр. 7 (Дергачёв, Манзура 1991). Вероятно, прямоугольные «культовые ямы» в усатовских курганах, содержавшие инвентарь, аналогичный инвентарю детских захоронений (в первую очередь глиняные статуэтки и миниатюрные сосуды) (Петренко 2013), также являлись сопровождающими погребениями маленьких детей. Отметим, что эти прямоугольные ямы идентичны детским захоронениям и по своим размерам. В то же время круглые культовые ямы, неоднократно фиксировавшиеся под курганами усатовской культуры, в отличие от прямоугольных, обычно содержали остатки кострищ и/или костяки либо части костяков животных.

Сходная ситуация наблюдается и для детских погребений ямной культурно-исторической общности Северо-Западного Причерноморья. Отметим, что сооружение отдельного кургана над основным захоронением маленького ребенка в целом не было распространенной практикой. Известны единичные случаи: на левобережье Нижнего Дуная – Кочковатое 25/4; Новоселица 21/3; Вишнёвое 52/35; в левобережном Попрутье – Яблоня 1/7; на левобережье Нижнего Днестра – «Спутник» 3/1 у с. Ближний Хутор. Размеры большинства основных детских погребальных сооружений соответствуют стандартам захоронений взрослых. Ямы с уступами и наличие на дне могил ямок от колев также сближают основные погребения маленьких детей с основными захоронениями взрослых в ямных курганах.

Особо следует рассмотреть прослеженные случаи синхронности основных для первой либо последующих насыпей детских погребений ямной культурно-исторической общности. Пары основных ямных захоронений были исследованы в 2007 г. в курганах 1 и 3 у села Дойбаны-2 Дубоссарского р-на самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республики на левобережье Нижнего Днестра (рис. 1, 2, 3). В первой публикации раскопок было высказано мнение, что в обоих случаях курганы насыпаны в два приема и вторые насыпи связаны с впускными детскими погребениями (Тельнов и др. 2008). При этом в профилях бровок вторые насыпи не были прослежены и данное предположение основывалось на позиции в курганах детских захоронений с каменными перекрытиями, в непосредственной близости от которых были зафиксированы кострища. Следует отметить, что в обоих случаях детские погребения и кострища располагались примерно в 3 м к ЮЗ от основных захоронений и уровень их впуска был на 0,7–0,9 м выше древнего горизонта. Также

сходно наличие заплечиков только по трем сторонам ям обоих детских погребений. В целом, по обряду основные и детские захоронения обоих курганов представляли собой практически идентичные пары. Можно предположить, что в процессе возведения насыпей до определенной высоты в них на строго отмерном расстоянии от основных по определенной схеме были впущены детские погребения, перекрытые камнем (оба основных захоронения взрослых имели деревянные перекрытия). Рядом с детскими погребениями на уровне каменных перекрытий были совершены обряды, от которых остались кострища (в кургане 3 в кострище обнаружены кости лошади). Затем возведение насыпей продолжилось. Очевидно, их высота в итоге составила значительно более 2 м. Таким образом, в обоих случаях мы имеем дело не с двумя разновременными насыпями, а с двумя этапами сооружения одной насыпи, разделенными обрядовым действием.

Также особый характер детских захоронений в ямных курганах был прослежен нами в 2013 г. при исследовании кургана 1 группы «ДОТ» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (рис. 1, 1). Здесь основное ямное погр. 18 (мужчина 30–40 л.) сопровождалось основным детским погр. 19 (младенец), совершенным юго-западнее, у перемычки кольцевого рва, и перекрытым антропоморфной стелой. Рядом, на дне рва у южного края перемычки, были найдены кости конечностей домашнего быка. Оба захоронения перекрыты первой насыпью. Затем в первую насыпь было впущено погр. 9 (женщина с ожерельем из медных пронизок и амулетом из ископаемой раковины), а юго-западнее его, у внешнего края уже заплывшего рва, было совершено с древней поверхности детское погр. 6, рядом с которым найдены фрагменты двух лепных сосудов и кость животного (на дне ямы стояла лепная чаша). Захоронения 9 и 6 также были перекрыты одной (второй) насыпью. Все четыре погребения были ориентированы в западном направлении.

Аналогичная синхронность пар взрослых и детских захоронений, основных для первой и второй насыпей, была прослежена в кургане 2 у с. Тузлы Березанского р-на Николаевской обл. Украины (верховья Березанского лимана) (рис. 1, 4), исследованного нами в 2013 г. Первая насыпь имела овальную форму (15 × 12 м), вытянутую по оси С–Ю, высотой менее 1 м. Под ее северо-западной частью находилось детское (1–1,5 г.) погр. 12, причем материковый выкид был уложен западнее ямы в виде дуги. Захоронение было перекрыто антропоморфной стелой. Обращает на себя внимание тот факт, что погр. 12 находилось довольно далеко от центра первой насыпи. Единственным погребением в пределах этой насыпи, которое могло являться основным наряду с погр. 12, было предположительно также основное для первой насыпи погр. 8 (мужчина 40–50 л.). Наличие синхронной пары прослежено и для впущенных в первую насыпь кургана 2 погр. 3 и 13. Захоронение 3 (мужчина 30–40 л.), перекрытое тремя антропоморфными стелами, было впущено практически в геометрический центр первой насыпи; севернее ямы был уложен материковый выкид. Тогда же в северо-западную полу первой насыпи было впущено погр. 13, судя по размерам – детский кенотаф, в котором обнаружены серебряная подвеска и лепная амфорка с зооморфными ручками. Оба погребения перекрыты второй насыпью, сместившей центр кургана к западу.

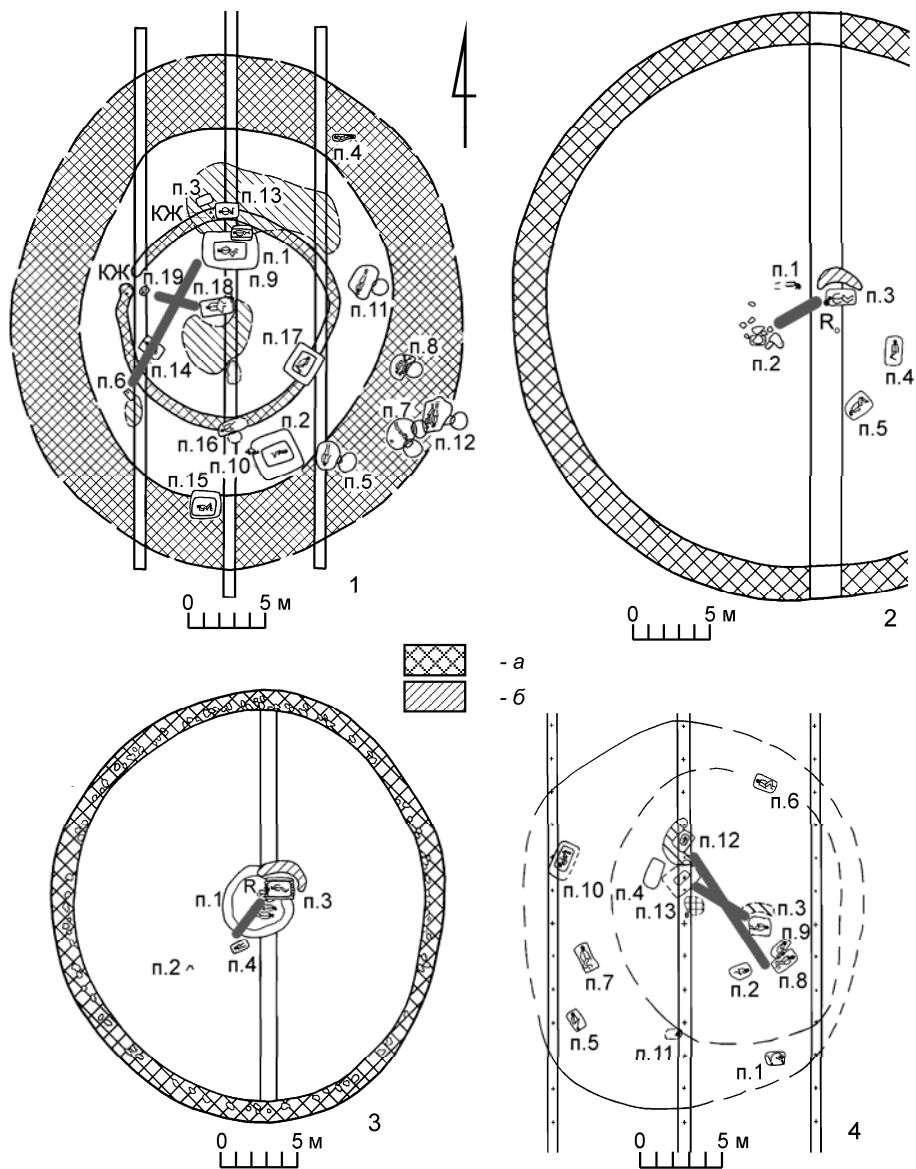

Рис. 1. Случаи синхронности детских погребений ямной культурно-исторической общности: 1 – кургана 1 группы «ДОТ»; 2–3 – могильник Дойбаны-2: 2 – курган 1; 3 – курган 3; 4 – курган 2 у с. Тузлы. Условные обозначения: а – ров, окологурганная выемка; б – материковый выкйд

Отметим, что все упомянутые выше захоронения, кроме погр. 13 в кургане 2 у с. Тузла, которое, видимо, было кенотафом, содержали кости маленьких детей. Пять из шести детских захоронений перекрыты каменными плитами и, как минимум в двух случаях, антропоморфными стелами.

Наличие неординарных детских погребений связывается исследователями с вопросом наследования социального статуса. Практически все подкурганые ямные захоронения в группе детей до 5–7 л. отличны от рядовых. С. В. Иванова считает, что «в курганах погребались не все дети, а лишь определенная их часть, занимающая, по сравнению с другими детьми, более высокую социальную позицию» (Иванова 2001). Впрочем, существуют и другие точки зрения. Так, В. Г. Петренко, рассматривая усатовские курганы как «специализированные обрядовые сооружения монументального типа, “святылища”, имеющие сложное устройство», полагает, что они функционировали как «жертвенники». Отмечая, что в ряде случаев «периферийные» погребения отличаются от синхронных им центральных большей сложностью обряда и богатством инвентаря, исследователь предположил существование в усатовской культовой практике человеческих жертвоприношений, в частности, «заместительных жертв» (Петренко 2010). Л. С. Клейн, рассматривая совместные захоронения взрослых и маленьких детей, зачастую сопровождавшихся неординарным инвентарем, предполагал, что «женские скелеты при детских принадлежат не матерям, а предложенным духу ребенка наложницам» (Клейн 1979). Другие авторы считали, что в парных погребениях захоронены кормилицы, предоставленные детям с унаследованным высоким социальным рангом (Черняков, Никитин 1988; Марина 2002). Впрочем, в ряде случаев, согласно антропологическим данным, дети были похоронены с мужчинами. Для синхронных пар усатовских и ямных захоронений прослежено в большинстве случаев периферийное по отношению ко взрослым расположение погребального сооружения под курганом, что может служить аргументом в пользу версии о жертвоприношениях. Сравнительно богатый инвентарь, наличие антропоморфных стел, напротив, могут свидетельствовать о захоронениях детей высокого социального ранга, чья смерть совпала по времени с уходом из жизни взрослого родственника. Возможно, дальнейшие исследования помогут уточнить причины появления подобных синхронных погребений.

Как бы то ни было, зафиксированные на настоящее время пары основных усатовских и ямных захоронений «взрослый + ребенок» дают нам основания говорить об особой разновидности погребального обряда населения Северо-Западного Причерноморья раннего бронзового века. Существование схожих ритуалов может также служить одним из свидетельств контактов носителей усатовской культуры и ямной культурно-исторической общности.

Дергачёв 1986 – *Дергачёв В. А.* Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев, 1986.

Дергачёв, Манзура 1991 – *Дергачёв В. А., Манзура И. В.* Погребальные комплексы позднего Триполья. Свод источников. Кишинев, 1991.

Иванова 2001 – *Иванова С. В.* Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2001.

Клейн 1979 – *Клейн Л. С.* Смысловая интерпретация совместных погребений в степных курганах бронзового века // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы: ТД конф. Донецк, 1979. С. 18–20.

Ковалёва 1998 – *Ковалёва И. Ф.* Мир детства ямных племен Предстепья. Проблемы археології Подніпров'я. Вип. 1. Дніпропетровськ. 1998. С. 37–47.

Марина 2002 – *Марина З. П.* К вопросу о социальной структуре ямного общества Левобережья Днепра // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. по V век н. э.). Тирасполь, 2002. С. 20.

Патокова и др. 1989 – *Патокова Э. Ф., Петренко В. Г., Бурдо Н. Б., Полищук Л. Ю.* Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1989.

Петренко 2010 – *Петренко В. Г.* Курган эпохи палеометалла на побережье Хаджибейского лимана // МАСП. 2010. Вып. 11. С. 303–366.

Петренко 2013 – *Петренко В. Г.* Усатовская культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины). Одесса, 2013. С. 163–210.

Синика и др. 2015 – *Синика В. С., Разумов С. Н., Лысенко С. Д., Тельнов Н. П.* Курганная группа «Спутник» у с. Ближний Хутор на левобережье Нижнего Днестра // МАСП. 2015. Вып. 13. С. 164–194.

Тельнов и др. 2008 – *Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С.* Полевые исследования у с. Дойбань-2 Дубэссарского района в 2007 г. // Revista Arheologica. 2008. 1. С. 80–92.

Черняков, Никитин 1988 – *Черняков И. Т., Никитин В. И.* Металлические украшения ямной и катакомбной культур с пуансонным орнаментом // СА. 1989. № 4. С. 26–36.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Н. М. Власкин

Ростово-луганская позднекатакомбная группа на Нижнем Дону

Первые погребения ростовско-луганской группы⁸ были открыты В. А. Городцовым в 1903 г. в Бахмутском у. Екатеринославской губ. (Городцов 1905; Стёганцева 2004: 437). Исследователь использовал термины «реповидный», «репчатый» для обозначения специфических сосудов без шейки, сравнив их с находками Н. И. Веселовского на Кубани. Это название вскоре распространили и на керамику классических маньчских памятников (посуда с плоским отогнутым венчиком) и даже на своеобразные майкопские сосуды. В настоящее время для РЛГ актуальными остаются вопросы ее культурогенеза, взаимодействия с синхронными пограничными культурами, а также проблемы внутренней периодизации и распада погребальной традиции под действием новой религиозной системы.

Интерес к погребениям РЛГ проявился в конце 1960-х гг., когда С. Н. Братченко выделил эту группу в составе памятников маньчского типа (Братченко 1976). Источниковой базой комплексов послужили редкие материалы раскопок на Северском Донце и Нижнем Дону первой половины XX в. (работы Кобяковской экспедиции ЛОИА АН СССР, Новочеркасской экспедиции ЛГУ и Северско-Донецкой экспедиции ИА АН УССР). В этот период РЛГ в Нижнем Подонье характеризуется катакомбными сооружениями с доминированием круглых и овальных входных колодцев, скорченным положением скелета на правом боку и бедным керамическим набором, из маньчских форм которого представлен только реповидный сосуд без шейки. В обряде и в керамике этой группы проявляется также влияние донецких и бахмутских памятников (Братченко 1976).

Представления об РЛГ расширены в монографии А. М. Смирнова, посвященной памятникам Северского Донца (Смирнов 1996). Исследователь включает часть погребений выделенной С. Н. Братченко «бахмутской позднекатакомбной группы смешанного типа» в состав маньчских памятников (т. е. памятников РЛГ. – *Н. М. Власкин*), в которых отсутствует основной привычный

---

⁸ В монографии С. Н. Братченко (1976) используется термин «ростовско-луганская группа», в работах А. М. Смирнова, М. Ю. Федосова и моих – название «ростово-луганская группа» (далее – РЛГ), более удобное фонетически.

индикатор – реповидный сосуд, но имеется керамика с высокой шейкой, «эквивалент» которой обнаружен в других маньчских группах, причем происхождение сосудов с высокой шейкой на Северском Донце, так же, как и реповидных сосудов, связывается не со среднедонской культурой, а с маньчскими памятниками Нижнего Маньча и Сала (Там же). Валиковую орнаментацию, прежде всего волнистый защитный валик, автор считает признаком раннего этапа среднедонской культуры в рамках позднеднепровского времени и доказывает позднекатакомбный характер раннего этапа среднедонской культуры в общей системе катакомбных древностей.

Подтверждая наблюдения С. Н. Братченко о впуске погребений в южную полу кургана (погребальная камера направлена к центру), А. М. Смирнов выделяет пять типов катакомбных сооружений. Самым распространенным на Донеччине указан тип с прямоугольной в плане шахтой со ступеньками и камерой, устроенной под длинной стенкой шахты. Кроме того, представлены типы с круглыми, овальными и небольшими квадратными шахтами, причем для четвертого типа конструкции характерен дромос. Упоминаются деревянные «заборы» в качестве заклада входа в камеру, деформация черепов, вторичные захоронения умерших, наборы костей животных в шахте. Погребенные лежат в стереотипной позе – на правом боку, лицом к выходу, руки располагаются вдоль туловища, причем кисти находятся у бедер или коленей (Там же: 61). В погребениях с реповидной керамикой, в которых редко встречаются жаровни, и представлена всего одна курильница (Там же: 62), преобладают сосуды двух типов (IV по типологической схеме С. Н. Братченко): с прямым краем и с утолщением в виде «отложного глухого воротничка». Анализируя способы нанесения орнамента на сосуд и ее композиции, А. М. Смирнов делает вывод об эволюции декора во времени, выделяя два этапа в керамической традиции как раструбных, так и реповидных сосудов и сопоставляя их с типами могильных сооружений.

В диссертационном исследовании М. Ю. Федосова, посвященном памятникам Донецко-Донско-Волжского региона, указывается на связь западноманьчской культуры, РЛГ и среднедонской культуры. Наличие валикового пояса на сосуде в месте основания горла является стадийным признаком и должно рассматриваться в ряду других маркеров раннего этапа среднедонской культуры, наряду с выпуклыми плечиками, широким устьем сосудов с высокой шейкой, использованием тесьмы, спиралевидных вдавлений, наличием костяных колец и т. п. Памятники РЛГ сменяют бахмутские древности Донеччины и Нижнего Дона и провоцируют очередной миграционный поток в северную часть Волго-Донского междуречья. Вопрос о генезисе рассматриваемой группы до конца не решен. Ее своеобразный керамический комплекс, наряду с уникальными формами посуды (реповидные сосуды без шейки, округлобокие сосуды с цилиндрической высокой шейкой, широким устьем и валиковой орнаментацией), включает также значительное количество заимствований из Центрального и Восточного Кавказа. Обрядовая сторона РЛГ обнаруживает определенное сходство с обрядом западноманьчской культуры.

Взаимная инфильтрация среднедонского, ростово-луганского и западноманычского населения отражена как во взаимопроникновении форм керамики, включая появление миниатюрных реповидных сосудов без шейки, так и в наличии отдельных погребений среднедонской культуры на Нижнем Дону и комплексов западноманычской культуры в бассейне Среднего Дона. С влиянием западноманычской культуры автор связывает возникновение группы захоронений с северной ориентировкой в погребальных комплексах развитого этапа среднедонской культуры (Федосов 2012).

В последней четверти XX в. и в первом десятилетии XXI в. нижедонские новостроечные экспедиции регулярно исследуют комплексы РЛГ на правом берегу Дона, но эти материалы публикуются редко. В моей диссертации, посвященной сравнительной характеристике позднекатакомбных культур, выполнен анализ комплексов РЛГ. На момент издания автореферата выборка рассматриваемой группы составляла около сотни погребений. Ниже приведены результаты моего анализа РЛГ (Власкин 2010).

1. Эта группа крайне редко выступает основной в насыпи кургана; для впускных погребений в целом отмечается двойственность в планировке – радиальная схема размещения конструкции в юго-западном секторе встречена приблизительно в трети анализируемых насыпей (погребения оказываются «вписанными» в дугу донецких катакомб), что существенно отличается от ситуации в западноманычской культуре.

2. Основные конструкции РЛГ (около 60 %) представлены катакомбами с круглыми в плане колодцами (I-4 и II-2 по схеме С. Н. Братченко), причем в этих сооружениях зафиксировано значительное число «дромосов».

3. Обнаружено сходство поз умерших для западноманычской культуры и РЛГ – погребенные размещаются на правом боку, теменем на З, несколько реже – на С; характерна средняя скорченность ног.

4. Керамическому комплексу РЛГ присущи специфические реповидные сосуды без шейки, сосуды с высокой шейкой, S-видным профилем и бедным орнаментом (встречаются также в западноманычской культуры и среднедонской культуре), а также жаровни, но отсутствуют курильницы.

5. Отмечено небольшое количество погребений РЛГ с колесами повозок в качестве заклада входа камеры, иногда вход замурован глиной.

6. РЛГ имеет некоторое сходство с ингульской культурой, причем предположительно ингульская керамика встречена в погребениях РЛГ (Левенцовский археологический комплекс).

7. Некоторое обоснование получила гипотеза о происхождении реповидных сосудов РЛГ от ободковой реповидной керамики западноманычской культуры.

В настоящее время получены новые данные о погребальном обряде РЛГ, что позволяет уточнить некоторые сделанные ранее выводы.

1. В Нижнем Подоне увеличивается число захоронений, которые можно, опираясь на работы С. Н. Санжарова, С. Ж. Пустовалова и О. Г. Шапошниковой, интерпретировать как ингульские. Характерная для последних керамика

встречена в некоторых погребениях РЛГ, что подчеркивает возможность синхронизации, контактов и взаимовлияния этой группы и ингульских древностей.

2. Новые стратиграфические наблюдения, полученные на Нижнем Дону, подтверждают сведения, полученные А. М. Смирновым для захоронений РЛГ Северского Донца: на раннем этапе конструкции колодцев катакомб имеют еще подквадратную или подпрямоугольную форму, позднее распространяется круглый или овальный в плане колодец.

3. Использование деревянного колеса повозки в качестве заклада входа погребальной камеры является устойчивым признаком похоронного обряда позднего этапа РЛГ, причем такие случаи известны и в ингульских памятниках, но не зафиксированы для других катакомбных культур (Ковалёва и др. 1987: 16, рис. 5, 10).

4. Курганная планировка, конструкции катакомб, особенности поз и ориентировок ряда погребений раннего этапа РЛГ находят аналогии в позднедонецких комплексах Нижнего Подонья. В то же время не вызывает сомнений связь погребального обряда и инвентаря этой группы и западноманычской культуры. Особенно показательны в этом отношении материалы из округа современного г. Аксай, где предположительно в эпоху средней бронзы могла существовать переправа через р. Дон. Здесь, возможно, был осуществлен «де-сант» носителей западноманычской культуры, на основе погребальной традиции которой возник и развился самобытный обряд РЛГ.

5. Пока не решена проблема разграничения комплексов, обладающих общим набором признаков для западноманычской культуры, РЛГ и среднедонской культуры в зонах их контактов (например, в бассейне р. Калитва).

6. Отсутствие детальной характеристики и публикации всех доступных погребений РЛГ зачастую приводит к ошибочному отнесению ее комплексов к так называемой бахмутской группе, среднедонской культуре, манычским и позднедонецким памятникам. Между тем существует достаточно оснований для выделения этой группы в самостоятельную археологическую культуру.

7. Зафиксированы несколько погребений РЛГ, в которых умершие лежат на левом боку, возможно, эти захоронения следует отнести к позднему этапу этой группы, когда ее носители подверглись влиянию новой, посткатакомбной религиозной системы.

8. Получены новые данные о погребениях мастеров-оружейников в РЛГ.

9. Для многих комплексов РЛГ зафиксировано использование больших прямоугольных деревянных подносов-блюд с частями туши жертвенного животного и бронзовым ножом, причем в одном из вновь исследованных погребений в качестве такого блюда использована часть доски от колеса повозки, при этом вход в погребальную камеру также был заложен деревянным колесом.

Братченко 1976 – *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эРЛГпоху средней бронзы. Киев. 1976.

Власкин 2010 – *Власкин Н. М.* Сравнительная характеристика катакомбных культур манычского типа эпохи средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.

Городцов 1905 – *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Труды XIII АС. Т. 1. М., 1905.

Ковалёва и др. 1987 – *Ковалёва И. Ф., Андросов А. В., Шалобудов В. Н., Шахров Г. И.* Исследование курганов группы «Долгой могилы» у с. Терны в Приорелье // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987.

Смирнов 1996 – *Смирнов А. М.* Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996.

Стёганцева 2004 – *Стёганцева В. Я.* Реповидная керамика катакомбной культуры (к постановке проблемы) // Археолог: детектив и мыслитель: Сб. ст., посвящ. 77-летию Л. С. Клейна. СПб., 2004.

Федосов 2012 – *Федосов М. Ю.* Катакомбные культуры Донецко-Дона-Волжского региона (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012.

Е. И. Гак

Этапы трансформаций в металлопроизводстве среднего бронзового века на территории степного Предкавказья и юго-востока Русской равнины

В среднем бронзовом веке Предкавказье и юго-восток Русской равнины находились в орбите кавказской металлургии. Относительная близость к источникам сырья обеспечивала этой территории стабильный уровень потребления металла, а природные условия и хозяйственный уклад населения способствовали быстрой ретрансляции новаций, что придавало импульсы развитию местной металлообработки. Не случайно здесь наблюдается самая высокая в степной зоне концентрация памятников с металлическим инвентарем, независимо от большей или меньшей частоты его использования в погребальной практике отдельных культур и регионов. Показательны также состав и ряд компонентов металлокомплекса, обладающие признаками локальной специфики (Гак 2011). Все это свидетельствует о развитых обменных связях, которые стимулировали воспроизводство металлических предметов в соответствии с «тенденциями моды». Утверждение новых стандартов, разумеется, не было одномоментным и занимало некий временной диапазон – *переходный период*, когда постепенно изживались или утрачивали значение прежде распространенные формы, материалы, технологические схемы. По сочетанию признаков обряда, инвентаря и перекрестным параллелям в погребальных комплексах выделяется *четыре переходных периода* или этапа трансформаций в металлопроизводстве СБВ на данной территории.

Первый переходный период непосредственно предшествовал сложению раннекатакомбных культур. Его изделия представлены в погребениях северокавказской культуры первого этапа (Клещенко 2011), новотиторовской культуры конца первого – второго этапов (Гей 2000) и ямной культуры первого

позднеявного – катакомбного периода (Кияшко 1999). Металл этих памятников отражает процесс формирования стандартов СБВ.

В морфологии заметен пережиток традиций РБВ, но большинство типов переключается с металлом древнейших катакомб. Набор изделий также характерен для СБВ. Среди ножей доминирует тип узколистовидного клинка, который не был массово распространен в предшествующее время. К новациям относятся ромбовидные ножи и удлиненно-треугольный нож-кинжал с продольной нервюрой (рис. 1, 2–4). К числу архаичных форм принадлежит бритва (рис. 1, 1). Стержни сопоставимы с шильями и долотцами майкопско-новосвободненских и раннекатакомбных памятников. Зафиксировано появление новой категории – стрекала (рис. 1, 5), стреловидный тип которого получает распространение только в Предкавказье (Гак, Калмыков 2013). Из двух тесел одно по своим параметрам соответствует майкопско-новосвободненским орудиям (рис. 1, 7), другое (рис. 1, 6) – орудиям начальной фазы СБВ (Рысин 2008).

В декоративной атрибутике резко возрастает частота использования традиционных для РБВ пронизей из листового металла (рис. 1, 8). Теперь они являются самостоятельной категорией инвентаря. Архаичный облик имеют височные кольца диаметром до 1 см, свернутые в 1,5 и 2 оборота (рис. 1, 9–10). Линии дальнейшего развития связаны с укрупнением колец и увеличением числа оборотов до 6–8. Слабовыпуклые бляхи (рис. 1, 12), чаще всего небольшие, с пуансонным концентрическим узором, представляют собой новую форму. Впоследствии бляхи выгибают и укрупняют, а круговую орнаментацию на них вытесняют радиально-лучевые мотивы.

Химический состав металла свидетельствует о преимущественном использовании двойных медных сплавов с низким содержанием мышьяка. Выходят из употребления характерные для майкопско-новосвободненского времени сплавы медь-мышьяк-никель (Черных 1966; Галибин 1991; Рындина, Равич 2009; 2012). Височные кольца делают из серебра, а не из золота и бронзы, как это практиковалось ранее и позднее. В технологиях продолжает господствовать формообразующаяковка, но уже возникает знаковое для СБВ декоративное литье (рис. 1, 11), что, вероятно, сопровождалось освоением выплавки высоколегированных («серых») мышьяковых бронз.

Второй переходный период является транзитным от первой ко второй фазе СБВ. Его вещи представлены в погребениях северокавказской и раннекатакомбных культур, а также в пережиточных новотиторовских и ямных памятниках. В металле смешаны черты хронологически разных традиций раннего этапа СБВ.

Новшества затронули в основном набор декоративной атрибутики, которая с начала СБВ массово отливалась из «серых» мышьяковых бронз по восковой модели. На смену молоточковидным (рис. 1, 22) приходят посоховидные булавки с гвоздевидной головкой (рис. 1, 24). Позже посоховидный стержень трансформируется в дуговидный, а гвоздевидная головка – в округло-ромбовидную. Украшения простых форм (каплевидные и клиновидные) замещаются фигурными и гибридными. Набирают популярность подвески с рельефной

имитацией шнура: стерженьковые, уплощенно-вытянутые, дисковидные, кольцевые и другие (рис. 1, 15–21). Некоторые изделия архаичных типов имеют признаки модернизации и схематизации (рис. 1, 13–14, 23, 25, 26). В орудейном комплексе, кроме ножей с узким листовидным и ромбовидным клинком, присутствуют ножи сглаженной пятиугольной схемы (рис. 1, 28–29), которая характерна для поздней части раннекатакомбных погребений (Гак, Калмыков 2013). Появляются тесла с расширением от середины корпуса, близкие по параметрам привольненским (рис. 1, 27). К новому виду стрелевых орудий относится крестовой пробойник (рис. 1, 30).

Орудия и часть декоративных изделий изготовлены, как и раньше, формообразующей ковкой из бинарных медных сплавов преимущественно с низким содержанием мышьяка. Доля таких сплавов существенно возрастает в производстве височных колец, которые по числу находок соотносятся с подобными серебряными поделками.

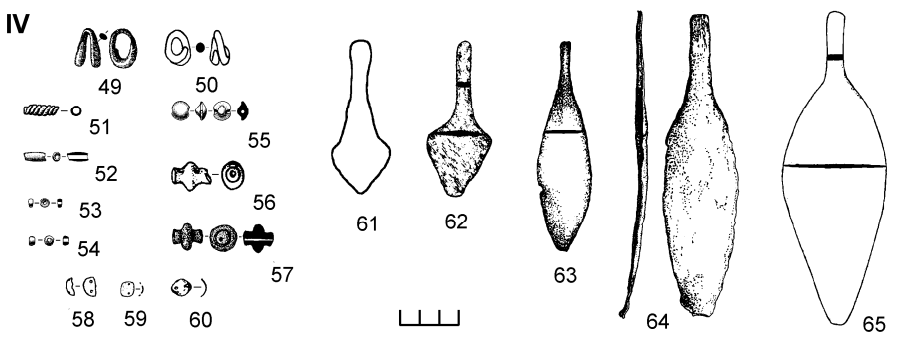
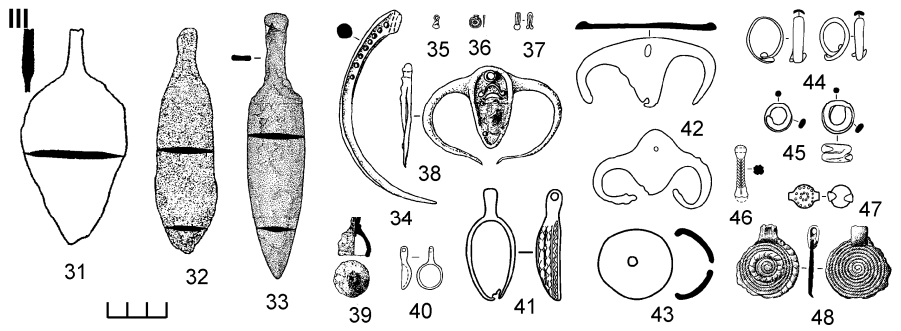
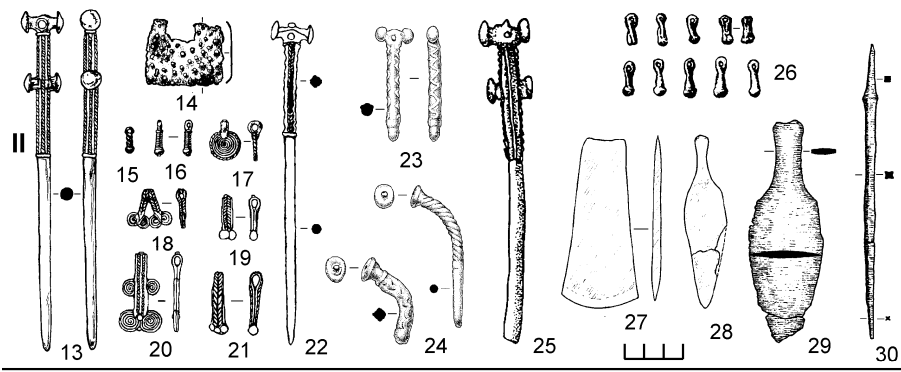
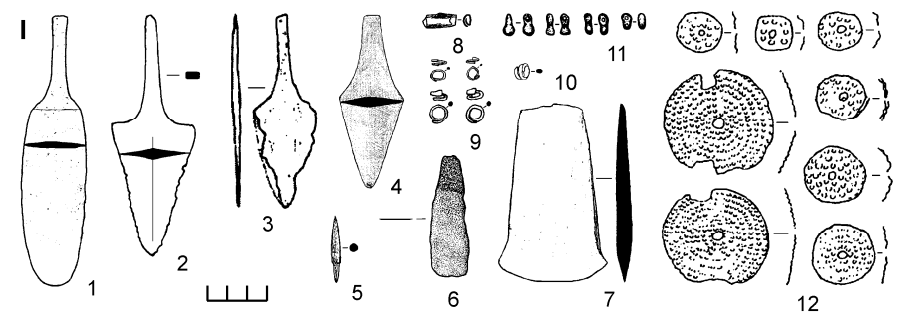
Третий переходный период является транзитным от раннего к позднему этапу СБВ. Его изделия представлены в позднейших раннекатакомбных погребениях и в древнейших памятниках маньчжских культур. В металле смешаны черты ранне- и позднекатакомбных производственных традиций.

Больше вариаций наблюдается в морфологии орудий. Модификации этого периода, позже распространяющиеся по всему ареалу маньчжских культур, – ножи с широким листовидным клинком, с параллельными сторонами клинка, с удлиненным перехватом и намеченной рельефностью лезвийной части (рис. 1, 31–33). Сокращается спектр изделий декоративного литья. Воспроизводятся только дуговидные булавки и подвески в виде медальонов, ложечек, гусиных лапок, отрезков шнура, колпачков, причем некоторые из них меняются внешне и функционально (рис. 1, 34–36, 39–41, 43, 46–48). Вместо крупных рифленых подвесок появляются мелкие с омегаобразным профилем (рис. 1, 37). К новым формам относятся букрании (рис. 1, 38, 42). Височные кольца, в основном бронзовые, свернуты в 1,5 оборота или имеют заходящие концы. Наряду с круглыми кольцами встречаются впоследствии вытеснившие их овальные (рис. 1, 44–45).

Рис. 1. Архаичные формы и модификации переходных периодов в металлопроизводстве среднего бронзового века степного Предкавказья и юго-востока Русской равнины:

- 1 – Батуриная II 3/11; 2 – Большой Петропавловский 9/9; 3 – Баранчук 3/5;
- 4 – Новокорсунская 1/3; 5 – Брюховецкая I 5/10; 6 – Старонижестеблиевская 4/11;
- 7 – Тимашевский 1/30; 8 – Плоский I 2/5; 9 – Геймановский 6/10; 10 – Балабинский I 9/12;
- 11 – Маяк II 3/4; 12 – Дальний 2/16; 13–18 – Большой Петропавловский 5/3; 19–22 – Большой Петропавловский 7/10; 23–24 – Типки-4 1/10; 25 – ВМЛБ III, 66 4/13; 26 – Большой Петропавловский 4/2; 27–28 – Кулешовка 1/2; 29–30 – Нововеличковская-2 1/4;
- 31 – ВМЛБ II, 65 33/3; 32, 39 – Зунда-Толга-3 1/2; 33 – Зунда-Толга 8/1; 34–38 – Комаров I 1/18; 40 – Шарахалсун-6 2/1; 41, 48 – Веселая Роща II 2/3; 42–43 – Каракашево 5/1; 44 – Эвдык I 4/15; 45 – Зунда-Толга 2/4; 46 – ВМПБ 65 16/3; 47 – ВМЛБ I, 65 45/1; 49 – ВМПБ 67 5/11; 50 – Степная IV 3/3; 51 – Бияш 1/13; 52 – Золотаревка-3 9/13; 53 – Кунаковский-2 2/9; 54 – Кунаковский-2 3/3; 55 – Кунаковский-2 1/1; 56 – Бияш 2/5; 57 – Лола I 7/1;
- 58 – Кировский IV 7/2; 59, 65 – Новопалестинский II 2/5; 60 – Чернышев I 5/274; 61 – ВМЛБ I, 65 34/5; 62 – Айгурский-2 37/1; 63 – Цаган-Усн VII 4/27; 64 – Кривая Лука II 1/13

Данные аналитических исследований не показывают изменений в материалах и технологиях металлопроизводства.

Четвертый переходный период совпадает с распадом катакомбной общности и формированием посткатакомбного блока культурных образований в финале СБВ (Мимоход 2013). В металле этого периода на фоне регресса катакомбных традиций прослеживаются тенденции позднего бронзового века.

Многие типы орудий предшествующего времени исчезают или деградируют, например, дровиковидные ножи (рис. 1, 61–62). Ведущей формой этих изделий становится листовидная с наибольшим расширением у середины клинка (рис. 1, 63–65), которая ранее производилась эпизодически. Примечательно, что в синхронном комплексе соседнего Приуралья один из двух таких ножей имел ромбическую пятку, характерную для орудий начала ПБВ (Гкачѐв 2006).

В серии украшений показательно сочетание транзитных типов височных колец, пронизей, мелких бус (рис. 1, 49–54) и новых категорий и форм, продолживших бытование позднее, в том числе за пределами степного Предкавказья (рис. 1, 55–60). Новацией декоративного литья является применение сурьмы, которая к концу периода, по-видимому, полностью замещает высоколегированную мышьяковую бронзу (Гак и др. 2012). В кузнечном производстве по-прежнему используются низколегированные сплавы медь-мышьяк. Практически выходит из обращения серебро, редкое в позднекатакомбных памятниках и отсутствующее в посткатакомбных.

В целом, металлообработка переходных периодов СБВ на территории степного Предкавказья и юго-востока Русской равнины сохраняет черты структурного единства. Слома традиций не наблюдается даже на этапах эпохальных преобразований. Очевидно, изменения носили характер трансформаций, стимулированных импульсами внешней и внутренней миграции, в результате которой обновлялась не только культурная среда, но и комплекс ее материальных элементов.

Гак 2011 – Гак Е. И. Индикаторы металлопроизводства степных культур среднего бронзового века Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 69–87.

Гак и др. 2012 – Гак Е. И., Мимоход Р. А., Калмыков А. А. Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы // АВ. 2012. Вып. 18. С. 174–203.

Гак, Калмыков 2013 – Гак Е. И., Калмыков А. А. Металлический инвентарь курганных погребений позднеямного – раннекатакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2013. Вып. XI. Археология, краеведение, музееведение. С. 117–158.

Галибин 1991 – Галибин В. А. Изделия из цветного и благородного металла памятников эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 59–69.

Гей 2000 – Гей А. Н. Новотиторовская культура. М., 2000.

Кияшко 1999 – Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

Клещенко 2011 – Клещенко А. А. Северокавказская культура Закубанья: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

Мимоход 2013 – *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М., 2013 (Материалы охранных археологических исследований. Т. 16).

Рындина, Равич 2009 – *Рындина Н. В., Равич И. Г.* Химический состав майкопских изделий из цветного металла: история и перспективы исследования // Хорошие дни: Сб. памяти А. С. Хорошева. Вел. Новгород; СПб.; М., 2009. С. 467–472.

Рындина, Равич 2012 – *Рындина Н. В., Равич И. Г.* О металлопроизводстве майкопских племен Северного Кавказа (по данным химико-технологических исследований) // ВААЭ. 2012. № 2 (17). С. 4–20.

Рысин 2008 – *Рысин М. Б.* Успенский этап кавказской металлообработки среднего бронзового века // АВ. 2008. № 15. С. 193–230.

Ткачёв 2006 – *Ткачёв В. В.* Заключительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье. Челябинск, 2006.

Черных 1966 – *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966 (МИА. № 132).

Э. Кайзер

Поселения катакомбной культуры в Северном Причерноморье

Поселения III тыс. до н. э. в степном Северном Причерноморье в Восточной Европе изучались на разных этапах с различной степенью интенсивности, особенно в 1930-х – 1960-х гг. во время проведения спасательных раскопок и многочисленных разведок, связанных со строительством Днепровской гидроэлектростанции. В ходе этих работ было обнаружено и частично раскопано большое количество поселений ямной и катакомбной культурно-исторических общностей. Найденные при осуществлении упомянутых полевых изысканий материалы, прежде всего керамика, периодически являлись предметом публикации в небольших статьях, но по различным причинам они не были исследованы основательно. Сравнительный анализ керамики из трех поселений (Скеля Каменоломня, Дурна Скеля и Перун) показал четкие различия, которые я датировала и обсуждала.

Кроме того, данные памятники сравнивали с археологическими комплексами и находками из многослойного поселения Михайловка (Коробкова, Шапошникова 2005), а также рассматривали в контексте исследований поселений прежде всего Восточной Украины, которые проводил С. Н. Санжаров и его коллеги в последние 20 лет (Санжаров 2004; 2010).

В настоящем докладе в честь больших заслуг С. Н. Братченко, в том числе и в области поселенческой археологии (Братченко 2006), – дана критическая оценка состояния изучения поселений III тыс. до н. э. Также анализируются их формы, их структура и их изменения. Особое внимание уделено образу жизни и мобильности обитателей этих поселков.

Братченко 2006 – *Братченко С. Н.* Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2006. Вип. 6. С. 32–310.

Коробкова, Шапошникова 2005 – *Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г.* Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры. СПб., 2005 (Труды ИИМК РАН. Т. XX).

Санжаров 2004 – *Санжаров С. Н.* Кайдашинский комплекс поселений рубежа средней – поздней бронзы в системе древностей Северского Донца. Луганск, 2004.

Санжаров 2010 – *Санжаров С. Н.* Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. Луганск, 2010.

В. Я. Стеганцева

Доманычское время на Маныче

Относительную хронологию курганных погребений эпохи бронзы Донского левобережья обычно представляют как последовательность энеолитических, ямных, позднеямных, раннекатакомбных, манычских, срубных захоронений. Изучение и уточнение данной хронологии происходит постоянно. Например, В. Я. Кияшко разделил на группы наиболее ранние погребения (Кияшко В. Я. 1974; 1994). Мимоход вычленил позднекатакомбные захоронения в долиньскую культуру (Мимоход 2013).

Вопросы, связанные с изучением ямной культуры Нижнего Подонья, еще далеки от своего разрешения. Н. Я. Мерперт выделил и описал донской вариант ямной культурно-исторической общности (Мерперт 1968: 24–26), разделив известные к тому времени памятники на четыре хронологические группы. Заметна явная неоднородность описанных погребений. В отличие от волго-уральского варианта, для донского характерны различные позы умерших: скорченные на спине, ориентированные головой на восток, аналогичные древнейшим памятникам волго-уральского варианта (первая хронологическая группа); вытянутые на спине, ориентированные на восток (вторая группа); скорченные на спине и правом боку, ориентированные в западный сектор (третья группа) и погребения с неустойчивой ориентировкой и различными формами могил, включая ямы с уступами (четвертая группа) (Там же).

Погребальные памятники, которые непосредственно предшествуют раннекатакомбным, обычно называют «позднеямными» (Смирнов 1996; Кияшко А. В. 1999). Какие же именно позднеямные захоронения предшествуют раннекатакомбным в степях Донского Левобережья?

В настоящее время, благодаря опубликованному А. В. Файфертом своду амятников периода ранней бронзы (Файферт 2014), несмотря на серьезные недостатки этого издания, свита ямных погребений представлена если не целиком, то в значительной степени.

Не претендуя на полный охват материалов, я хочу показать, какие ямные памятники наиболее характерны для манычского региона.

Погребения ямной культуры совершали здесь в прямоугольных могилах со стенками, иногда расширяющимися ко дну, по углам которого изредка выявлены ямки от кольев. Могилы, как правило, имели небольшие размеры, позволяющие разместить в них только покойника, которого укладывали на спину с согнутыми ногами, колени которых были направлены вверх, и согнутыми в локтях, слегка отведенными от тулова руками, кисти которых находились у таза.

Захоронения разделены на группы в зависимости от позы покойника: вытянутое положение; положение на спине с согнутыми ногами, колени которых направлены вверх, причем ноги, впоследствии падали вправо, влево или распались ромбом; скорченное положение на правом и левом боку. Всего для подсчетов использовано 293 погребения (учитывались только те скелеты, позу которых можно определить).

Вытянутые на спине умершие составляют самую маленькую группу (2,7 %); группы лежащих на спине покойных с ногами, согнутыми в коленях, примерно одинаковы в процентном отношении: ноги упали вправо – 12,6 %; ноги упали влево – 8,9 %; ноги распались ромбом – 9,56 % (рис. 1, 1). Возможно, численность группы погребенных с ногами, упавшими вправо, слегка превышает две следующие группы из-за некоторых сложностей определения позы умерших, поскольку ряд чертежей имеет невысокое качество. У скорченных захоронений бедренные кости подогнуты к позвоночнику под углом 90–110°, а бедренные и берцовые кости образуют угол 45–60°.

Самую многочисленную группу составляют скорченные на правом боку погребения (51,5 %), причем 40 % из них похоронены в положении слабой скорченности, когда вышеупомянутые углы варьируют от 110° до 150° и от 80° до 135°. Всего 13,6 % от общего числа захоронений составляют скорченные на левом боку погребения (рис. 1, 1).

В трех погребениях (1 %) покойники лежали в скорченном положении ничком. Учитывая, что в подобном захоронении Саганского могильника (курган 17, погр. 12) найден кубковидный сосуд с тесемчатой орнаментацией, можно предположить, что такие комплексы к периоды ранней бронзы не относятся.

Интересные результаты дали подсчеты ориентировок покойников, произведенные по 16 румбам, с шагом 22,5°. В целом для всего массива погребений преобладают ориентировка в юго-западный (З – 30 %, ЮЗЗ – 17,7 %, ЮЗ – 7,5%) и в северо-восточный сектора (В – 17,4 %, СВВ – 4 %, СВ – 5,8 %) (рис. 1, 2).

Для покойников, положенных на спину с ногами, упавшими вправо, характерны различные ориентировки, но доминируют западный (З – 27 %) и восточный (СВ – 16,2 %, СВВ – 10,8 %, В – 16,2 %) сектора (рис. 1, 3). Умершие, уложенные на спину с ногами, упавшими влево, чаще ориентированы в восточный сектор (З – 11,5 %, ЮЗЗ – 7,69 %, ЮЗ – 7,69 %; СВВ – 11,5 %, В – 50 %) (рис. 1, 4). Погребенные, лежавшие на спине с ногами, упавшими ромбом, ориентированы в западный и восточный сектора (З – 17,8 %, ЮЗЗ – 10,7 %; В – 39,3 %, СВ – 10,7 %) (рис. 1, 5).

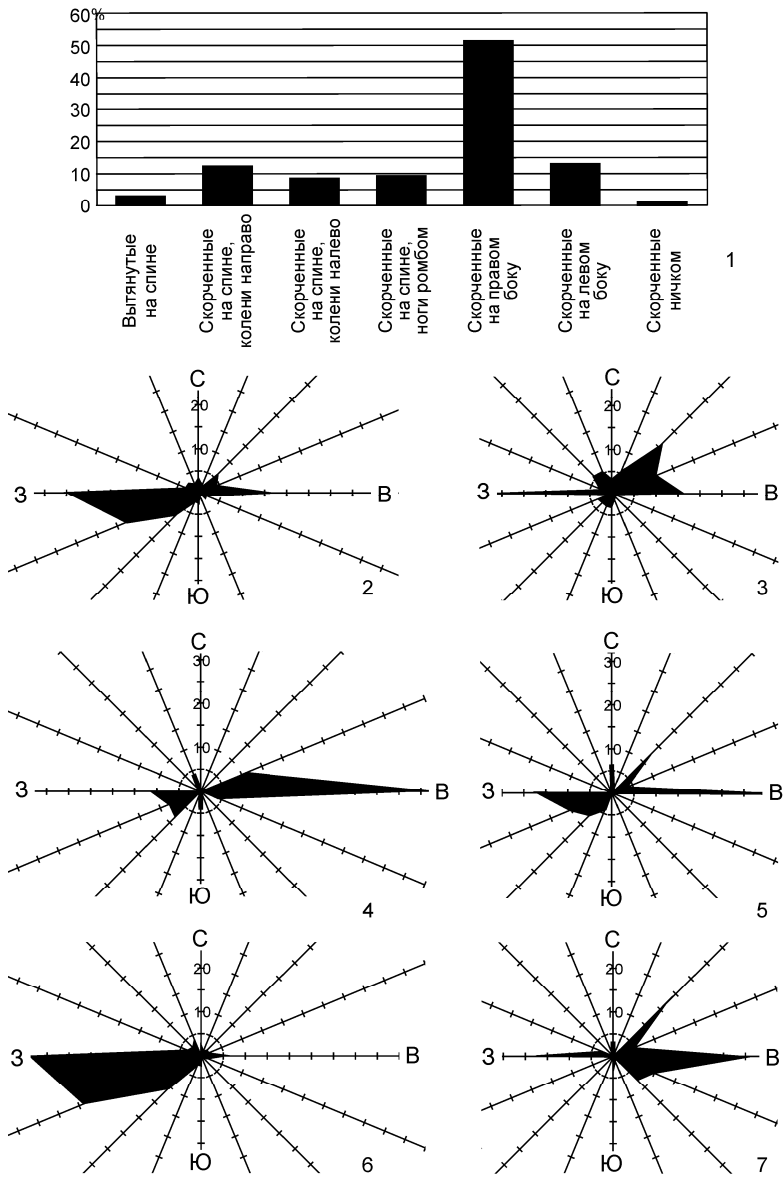

Рис. 1. Некоторые количественные характеристики ямных погребений манычского региона: 1 – распределение по положению костяка; 2–7 – ориентировки погребенных (2 – для общего массива; 3 – для скорченных на спине с коленями, упавшими направо; 4 – для скорченных на спине с коленями, упавшими налево; 5 – для скорченных на спине с ногами, упавшими ромбом; 6 – для скорченных на правом боку; 7 – для скорченных на левом боку)

Покойники, скорченные на правом боку, ориентированы в западный и юго-западный сектора (З – 39,7 %, ЮЗЗ – 29,1 %, ЮЗ – 10,6 %) (рис. 1, 6); скорченные на левом боку – в западный и восточный сектора (З – 17,5 %, СВ – 17,5 %, В – 30 %, ЮВВ – 10 %) (рис. 1, 7). Наиболее цельной в этой выборке выглядит группа погребений, скорченных на правом боку.

Следует отметить, что в восточной части рассматриваемого региона представлено больше погребений с восточной ориентировкой и захоронений, лежащих на левом боку.

Коллективные погребения составляют 12 % от всей выборки. Известны могилы, где захоронены по два (75 % от числа коллективных), по три (14 %) и по четыре (11 %) усопших.

Покойников укладывали в могилу довольно плотно, иногда головами в разные стороны. Положение останков не всегда стабильно. Например, возле взрослого умершего, лежавшего на правом боку, подросток мог быть похоронен на спине, с согнутыми в коленях ногами, упавшими впоследствии вправо.

Усопшие, погребенные на правом боку в слабо скорченном положении, лежали в больших ямах, перекрытых тростником, который сохранился в виде тлена. Погребальный инвентарь скуден, но иногда встречались плоские бронзовые тесла с прогибом на обушковой части, бронзовые ножи, кремневые орудия. Эти погребения сходны с новотитаровскими: большие размеры ям, использование тростниковых подстилок и перекрытий, слабая скорченность погребенных, лежавших на правом боку, отсутствие или бедность инвентаря, бронзовые тесла, ножи и бляхи с пуансонным узором (Гей 2000: 133–175). Именно эти «позднеямные» погребения имеют сходство с раннекатакомбными по следующим чертам погребального обряда: слабая степень скорченности покойника, лежавшего на правом боку; использование рыхлых подстилок, близкий керамический и металлический инвентарь; размеры могильной ямы (как и у ранней катакомбной камеры) гораздо больше, чем это необходимо для размещения покойника. Ареал распространения захоронений, в которых усопшие лежат на правом боку, в слабо скорченном положении (новотитаровский тип) и ранних катакомбных погребений совпадает и простирается на восток почти до нынешнего г. Волгодонска, что для ранних катакомбных захоронений отмечают А. В. Кияшко и Е. П. Сухорукова (Кияшко, Сухорукова 2011: 64).

Гей 2000 – Гей А. Н. Новотитаровская культура. М., 2000.

Кияшко А. В. 1999 – *Кияшко А. В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

Кияшко, Сухорукова 2011 – *Кияшко А. В., Сухорукова Е. П.* О волго-донском варианте полтавkinской культуры // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 54–69.

Кияшко В. Я. 1974 – *Кияшко В. Я.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Кияшко В. Я. 1994 – *Кияшко В. Я.* Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в VI–III тысячелетиях до н. э.). Азов. 1994 (Донские древности. Вып. 3).

Мерперт 1968 – *Мерперт Н. Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968.

Мимоход 2013 – *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М., 2013 (Материалы охранных археологических исследований. Т. 16).

Смирнов 1996 – *Смирнов А. М.* Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996.

Файферт 2014 – *Файферт А. В.* Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья. Ростов н/Д, 2014.

А. В. Кияшко

Культурные слои эпохи средней бронзы поселения Раздорское I на Нижнем Дону⁹

Особенностью археологии среднего бронзового века Нижнего Подонья, прежде всего, катакомбного времени, является почти полное отсутствие бытовых памятников. Причиной этого послужили, по всей вероятности, связанные с природно-географическим характером региона особенности хозяйства местного населения в данную эпоху. Судя по практически полному отсутствию бытовых катакомбных памятников в глубинных степных районах Нижнего Дона на его притоках второго и третьего порядка, экологические условия здесь в III тыс. до н. э. позволяли заниматься лишь подвижными формами скотоводства. Единственный исследованный бытовой памятник на Лапушиной балке в Большой излучине Дона (раскопки Е. П. Мыськова в 2007 г.) оказался кратковременным стойбищем скотоводов. Сотни курганов и тысячи погребений катакомбного времени (сало-маньчские степи), содержащие инвентарь, не свойственный классическим кочевникам (разнообразная и качественная керамика), не связаны на этой территории ни с какими бытовыми памятниками. Очевидно, мы имеем дело с мобильной системой жизнеобеспечения, предполагающей, с одной стороны, наличие зимников в удобных поймах, дельтах рек, предгорьях, а с другой стороны – значительные летние перекочевки на пастбища (Кияшко и др. 2002).

В то же время, в лесостепной части Подонья и Поволжья, равно как и экологических нишах с оптимальными условиями для жизни (пойма, займище Дона и т. д.) в катакомбное время практиковался оседлый быт и интенсивные формы хозяйствования (Пряхин 1982). В степных районах Нижнего Дона учены известны лишь незначительные сборы керамики в районе г. Аксай, ст. Багаевской и Константиновской, а также слабо насыщенные материалами слои поселений у поселка Левенцовка и ст. Раздорской. Последний памятник – многослойное поселение Раздорское I – имеет особое значение, поскольку здесь эпоха средней бронзы представлена свитой культурных слоев, которые существуют в контексте сложной стратиграфии памятника. Можно говорить о трех культурных слоях: ямно-репинском, донецком катакомбном и бабинском.

---

⁹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 14-06-00106а.

Культурно-хронологическая принадлежность ямно-репинских материалов, представленных почти исключительно керамикой, является предметом дискуссии. Рассматриваемая толстостенная посуда имеет примесь толченой раковины в тесте. Ее внутренняя поверхность носит полосчатые следы сглаживания зубчатым шпателем. Фрагменты сосудов украшены оттисками крупного шнура, а также горизонтальными рядами двух или трех зубчатых оттисков в отступающей технике. Венчики изделий отличаются характерной для репинской керамики желобчатой профилировкой (Синюк 1981: 9).

Названные признаки известны в значительном хронологическом диапазоне от энеолита до начальной фазы среднего бронзового века. Если в синкретическую эпоху энеолита–ранней бронзы такие материалы типичны для классической репинской культуры, то в начале средней бронзы отдельные подобные находки частично характеризуют так называемую позднеямную (городцовскую) культуру, а также раннекатакомбные (преддонецкие) памятники. Можно говорить о том, что традиции репинской культуры в позднеямно–раннекатакомбное время сохраняются, прежде всего, в обработке и ornamentации керамики. Такая характерная морфологическая черта как высокая горловина сосуда с желобчатой профилировкой в названное время практически не известна.

Если считать репинскую культуру одним из компонентов сложения позднеямных древностей, а раннекатакомбные комплексы выводить из позднеямной культуры, то точнее всего, на наш взгляд, называть данную керамику ямно-репинской. В свите отложений Раздорского I поселения культурный слой с ямно-репинской керамикой следует за слоем с посудой константиновской культуры эпохи энеолита–ранней бронзы и предшествует слою донецкой катакомбной культуры. К сожалению, литологически ямно-репинский слой слабо выражен, скорее можно утверждать, что на памятнике он представлен локальными линзами материала. По этой и ряду других причин остается нерешенной проблема культурной интерпретации. Очевидно, что собственно классические репинские формы на поселении Раздорское I не встречены. Можно говорить лишь о наличии керамики с характерными элементами и мотивами ornamentации. Речь идет о толстостенной посуде, украшенной оттисками одно- и двухзубчатого штампа в технике отступающей лопаточки, причем на керамике иногда образуется своего рода рельефный узор (рис. 1, 1, 3–4, 6). Следует упомянуть также фрагменты, орнаментированные горизонтальными оттисками крупного шнура, либо перевитой веревочкой (рис. 1, 2). Судя по редким находкам черепков с профилем эти сосуды имели яйцевидное тулово и невысокое горло с плечиком, подчеркнутым уступом (рис. 1, 1, 6). В данном случае мы фиксируем пережиточную ямно-репинскую ornamentацию на типичной позднеямно–раннекатакомбной керамике – сосуды с короткой шейкой и уступчатым плечиком (отдел III, тип 2) (Кияшко 1999: 67). К числу раннекатакомбной (возможно, раннедонецкой) керамики на поселении Раздорское I могут быть также отнесены характерные сосуды с украшенным пальцевыми защипами ребром в верхней трети сосуда и стянутым верхом (отдел IV, тип 1) (Там же: 68).

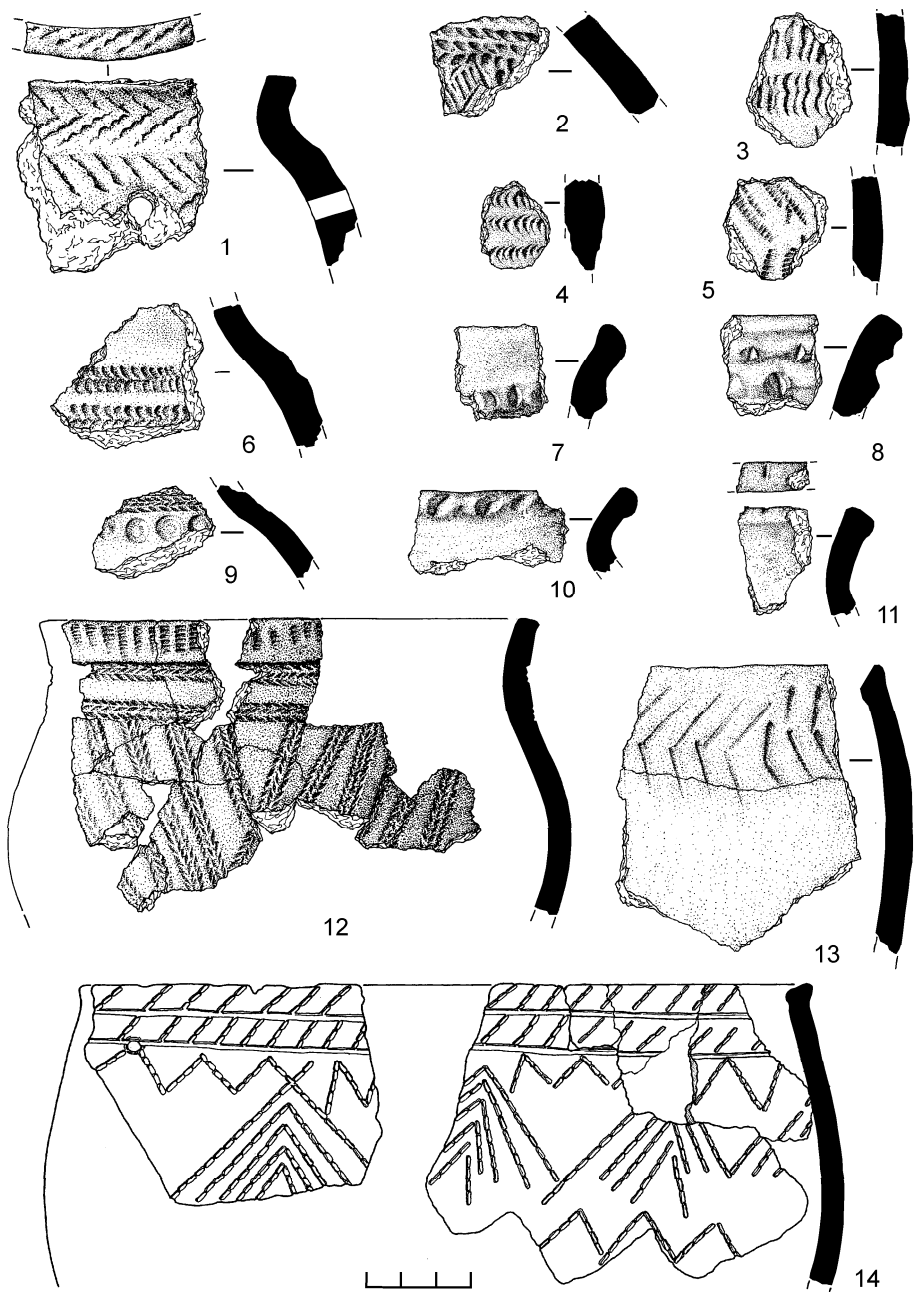

Рис. 1. Керамика из слоев среднего бронзового века поселения Раздорское I (раскопки 2004–2005 гг.)

Донецкая катакомбная культура – эпонимная для изучаемого региона Нижнего Подонья, поскольку низовья Северского Донца находятся в непосредственной близости от ст. Раздорской. Культура представлена на Нижнем Дону сотнями подкурганых погребений и практически полным отсутствием поселенческих объектов. Поэтому наличие на поселении Раздорское I слоя, содержащего характерную богато орнаментированную тесьмой керамику, является индикатором обитания здесь носителей этой яркой культуры эпохи средней бронзы. К сожалению, отложения данного периода сохранилось на памятнике лишь отдельными участками по причине его разрушения вышележащими слоями культур эпохи поздней бронзы: срубной и белозерской, население которых жило здесь долго и интенсивно занималось строительной и хозяйственной деятельностью. Многочисленные котлованы жилищ и хозяйственные ямы эпохи поздней бронзы в значительной степени нарушили нижележащие отложения периода средней бронзы.

По этим причинам коллекция керамики донецкой катакомбной культуры представлена немногочисленными и сильно фрагментированными экземплярами. Упомянем стройные короткошейные, округлобокие кубовидные сосуды, украшенные пышным тесемчатым орнаментом и короткими оттисками перевитого шнура («личинки»), который образуют елочный узор (рис. 1, 5, 9, 12).

Значительная часть керамических материалов поселения Раздорское I относятся к бабинской культуре (финал эпохи средней бронзы). Эти находки, как и посуда донецкой катакомбной культуры, встречаются в переотложенном состоянии, с ними пока не был связан какой-либо определенный культурный слой. Надо отметить, что поселения бабинской культуры гораздо лучше представлены на Нижнем Дону, чем бытовые памятники двух упомянутых выше периодов средней бронзы. Возможно, это связано с наступившим климатическим оптимумом в степях Предкавказья. Ряд исследователей относит к бабинской культуре известные памятники низовий Дона – Левенцовскую и Каратаевскую крепости. Поселения этой культуры, широко распространенные в доно-донецких степях, известны и в доно-волжском регионе.

На Раздорском I поселении бабинская культура представлена баночной керамикой с S-видным профилем, которая орнаментирована многорядными, преимущественно горизонтальными налепными валиками, рассеченными округлыми или продолговатыми насечками (рис. 1, 7–11). К числу бабинских форм, по всей вероятности, относится сосуд в виде открытой банки, украшенный выполненными крупнозубчатым штампом заштрихованными треугольниками, вершины которых обращены вверх (рис. 1, 12).

Важным открытием на поселении Раздорское I стало исследование котлована полуземлянки (жилище 2), которая содержала керамические материалы, датирующиеся от начального ямно-репинского этапа до финала средней бронзы. Значительная часть посуды из заполнения жилища 2 не находит аналогий как среди древностей самого Раздорского I поселения, так и среди памятников эпохи бронзы Нижнего Подонья в целом. Речь идет о слабопрофилированных, тонкостенных закрытых банках с характерным грибовидным

наплывом-утолщением на венчике (рис. 1, 13). Изредка такие сосуды были орнаментированы прочерченными горизонтальными линиями и отрезками зубчатого штампа разной длины, образующими ёлочный мотив, зигзаг и треугольники, обращенные вершинами вверх (рис. 1, 14). На первый взгляд, эта керамика ассоциируется с сосудами позднего бронзового века, однако внимательное изучение данной группы посуды из полуземлянки позволило установить, что она отличается от позднебронзовой керамики тонкими стенками, а также особенностями оформления венчика и орнаментации.

Полуземлянка на поселении Раздорская I изучена еще не полностью (Сухорукова 2006), но найденные в ней керамические материалы позволяют предположительно определить ее как жилище финального периода эпохи средней бронзы. Над полуземлянкой находились слои срубной и белозерской культур позднебронзового периода.

Таким образом, археологические исследования, проведенные в последние два года на многослойном поселении Раздорское I дали новую, обширную информацию о характере и хронологии бытовых комплексов эпохи средней бронзы Нижнего Подонья.

Кияшко 1999 – *Кияшко А. В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

Кияшко и др. 2002 – *Кияшко А. В., Малов Н. М., Дьяченко А. Н.* Новые данные по эпохе средней бронзы степного Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2002. Вып. 5.

Пряхин 1982 – *Пряхин А. Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.

Синюк 1981 – *Синюк А. Т.* Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4. С. 8–21.

Сухорукова 2006 – *Сухорукова Е. П.* Жилище катакомбного времени на поселении Раздорское I // Тезисы II-й межвузовской археологической конференции студентов и аспирантов Юга России. Ростов н/Д, 2006. С. 7–8.

Л. С. Ильюков

Миниатюрные сосуды из Левенцовской крепости

Одним из ярких памятников, который открыл и исследовал С. Н. Братченко, является Левенцовская крепость бронзового века. Ее материалы уже опубликованы (Братченко 1976: 119–129; 2006; 2012). Однако остается немало вопросов, которые не получили должного освещения в его работах. Один из них касается керамической коллекции, которая была передана автором раскопок в Киевский центральный научно-природоведческий музей. В 1994 г. я имел возможность с ней ознакомиться.

Среди находок, выявленных в 1985 г., имеется миниатюрный подпрямоугольный сосуд-кузовок, обнаруженный в заполнении рва при расчистке сооружения 2 (раскоп I). Впоследствии С. Н. Братченко опубликовал этот артефакт (Братченко 2006: рис. 47, 5).

Рассматриваемый сосуд выполнен в виде кузовка с наклонными тонкими стенками, которые сужаются к плоскому подтрапедиевидному дну. С наружной стороны стенки, имеющие бугристую поверхность, украшены оттисками тонкой веревочки. Одна ее нитка окольцовывает устье сосуда, причем ее концы заходят друг за друга. Ниже этой горизонтали корпус поделки орнаментирован крупными веревочными арками. Узкие борта сосуда украшены одиночными арками, а продольные – парой арок или асимметричной композицией в виде арки с дуговидной перемычкой, к одной из ножек примыкает половинка второй арки. Тесто изделия имеет примесь шамота. Высота предмета составляет 2,4 см, размер устья – 2,5 × 3,7 см, габариты дна – 2,3 × 1,1–1,8 см. Рисунок сосуда в публикации несколько отличается от оригинала (Там же: рис. 47, 5; 57). Предмет настолько мал, что его можно рассматривать как детскую игрушку или как реликварий для несохранившихся культовых аксессуаров.

Фрагмент второго сосуда, найденный в сооружении 8, также имел форму небольшого кузовка с широким устьем и зауженным плоским дном. Сохранился лишь уголок изделия. Его выделенное боковое ребро украшено рядом ногтевых вдавлений. Стенки сосуда покрыты вдавлениями острого конца палочки, которой нанесен зигзаг. Высота фрагмента превышает 2 см (Там же: рис. 50, 7; 57). К сожалению, во время обработки левенцовской коллекции этот предмет оказался мне недоступен. В публикации рисунок артефакта имеет две прочерченные линии, расположенные под точками наколов.

Миниатюрные сосуды из Левенцовской крепости напоминают подквадратные глиняные кузовки с прямыми бортиками, относящиеся к катакомбному времени. Один из них происходит из могильника Новый в бассейне р. Сал, другой известен на Константиновском плато в Предкавказье (Kalmykov 2007: Abb. 20–21; Корневский 1990: рис. 48, 13). Первый, выполненный из необожженной глины, не имел орнамента. Второй обожжен и украшен двумя оттисками веревочки, которые на противоположных стенках образуют арки или линии. Константиновский кузовок снабжен проткнутыми до обжига парными отверстиями для подвешивания, отсутствующими на изделии из могильника Новый. Однако на дне последнего, прислонившись к его бортикам, находились три миниатюрные стилизованные сырцовые фигурки, покрытые прочерченным и прокрашенным узором. По мнению С. Н. Корневского, найденный на Константиновском плато предмет, стенки которого сужаются ко дну, являлся моделью кузова повозки. Размеры предмета составляют 12,7 × 11,5 см, высота достигает 6,5 см (Корневский 1990: 66–67, рис. 48, 13). Найденный в погребальной камере сырцовый кузовок из могильника Новый был облеплен илом.

Аналогичный предмет с арочным декором, происходит из могильника Сухая Падина (Kalmykov 2007: Abb. 21, 3). Стенки этого изделия тоже украшены широкой аркой, как на константиновском экземпляре (Ibid.: Abb. 17, 2; 18).

Широкий подпрямоугольный кузовок из могильника Айгурский 2 имел вдоль одного борта вытянутые стенки, которые у моделей корытообразных повозочек образуют свод.

Прямоугольный кузовок происходит из погребения у аула Уляп. Его стенки покрыты вертикальными лентами, ограниченными по краям парой прорисованных линий. Ленты заполнены рядами косых насечек, зигзагом или елочкой (Сокровища... 1985: 54, № 35).

Сосуд прямоугольной формы был обнаружен в изголовье в катакомбном погребении в кургане у В. Знаменка (Братченко 2001: рис. 116, 7,9).

Квадратные прямоугольные сосуды не были предназначены для приема пищи. По-видимому, они являлись керамическими кузовками, в которых хранили культовые предметы. Следовательно, рассматриваемые изделия служили керамическими реликвариями. Два глиняных предмета, обнаруженные во рву Левенцовской крепости, вероятно, относятся к этой группе поделок. В них могли находиться очень мелкие вещи, например, украшения для выполненных из птичьих костей миниатюрных фигурок, несомненно, обладавших магическими свойствами (Ильюков 2000).

Наряду с подквадратными реликвариями, имевшими прямые стенки, в катакомбных памятниках встречаются прямоугольные кузовки, у которых одна из узких стенок приподнята, образуя полуовальный навес. В стенках изделия до обжига были проткнуты отверстия для подвешивания. За такими предметами сохраняются названия – «лоулька или повозочка» (Братченко 2001: рис. 93, 8, 21). В них находились миниатюрные стилизованные антропо- и зооморфные поделки. Поверхность таких фигурок украшена зигзагом, как и корбочки для них.

Левенцовские миниатюрные сосуды-кузовки, украшенные наколами и веревочным узором, который отдаленно напоминает зигзаг, входили в группу культовых изделий и являлись восходившими к вотивным глиняным предметам моделями средств передвижения (ладья–повозка) в область ирреального мира. В то же время упомянутые поделки являлись реликвариями. Один из них был утрачен и оказался в заполнении крепостного рва в Левенцовке. На смену «глиняным кузовкам» приходят берестяные «шкатулки», имевшие арочные проем и стенки, прошитые бронзовыми «нитками». Стенки «шкатулки» орнаментированы штампованными зигзагами (Узянов 1983: 132–133, рис. 5), почти как на моделях повозок катакомбного времени (Избицер 2004: рис. 8) или на бортах настоящих повозок.

Вотивные предметы Левенцовской крепости относятся к заключительному этапу развития культурных традиций катакомбного времени, к началу трансформации идеологических представлений на рубеже эпох.

Братченко 1976 – *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Братченко 2001 – *Братченко С. Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001. Ч. I–II.

Братченко 2006 – *Братченко С. Н.* Левенцовська фортеця. Пам'ятник культури бронзового віку // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2006. Вип. 6. С. 32–310.

Братченко 2012 – *Братченко С. Н.* Левинцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. Киев, 2012. 307 с.

Илюков 2000 – *Илюков Л. С.* Сырцовые миниатюрные статуэтки эпохи средней бронзы Нижнего Подонья // *Labores Pariunt Honores: специальный выпуск міжвузівського збірника наукових праць «Проблеми археології Поднепров'я»*. Днепропетровск, 2000. С. 105–112.

Избицер 2004 – *Избицер Е. В.* Модели «повозок», «флейты Пана» и северокавказская культура // *Археолог: детектив и мыслитель: Сб. ст., посвящ. 77-летию Л. С. Клейна*. СПб., 2004. С. 409–421.

Корневский 1990 – *Корневский С. Н.* Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990.

Сокровища... 1985 – Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки. М., 1985.

Узянов 1983 – *Узянов А. А.* Курган 1 Кузнецовского II могильника // *Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции*. М., 1983. С. 128–163.

Kalmykov 2007 – *Kalmykov A.* Tonmodelle von Wiegen aus mittelbronzezeitlichen Bestattungen im Egorlyk-Kalaussk-Zwischenstromgebiet // *Eurasia Antiqua*. 2007. 13. S. 113–138.

В. И. Мельник

Пространственно-временные аспекты распространения катакомб в степях Восточной Европы в бронзовом веке

Погребальное сооружение в виде катакомбы является распространенным видом могильной подземной конструкции, особенность которой заключается в том, что вход в отсек нахождения погребенного осуществляется по горизонтали, в отличие от шахтного сооружения, где вход в отсек, представляющий собой камеру, выработанную в естественной среде, осуществляется по вертикали. Форма подхода к камере (дромос, шахта), видимо, зависит от глубины ее расположения.

Конструкция погребального сооружения в виде катакомбы является новацией, получившей наиболее широкое распространение в восточноевропейской степи в эпоху средней бронзы. Катакомба представлена двумя основными видами: Т-образными и Н-образными, а также множеством промежуточных вариантов. Кроме того, иногда в особый вид выделяют катакомбы с широким входом в камеру и обозначают их как подбойные сооружения (подбой).

Не вдаваясь в вопрос о происхождении катакомб в восточноевропейских степях, ныне первоначальный район их распространения можно связывать с Кубано-Нижнедонским районом и датировать XXVIII–XXVII вв. до н. э. Следует отметить, видимо, изначальное сосуществование различных видов катакомб, но есть тенденция превалирования тех или иных форм на разных

этапах их распространения. Для самой ранней фазы характерны Т-образные катакомбы с выделенными углами камер и плоским потолком. Сюда же следует относить и катакомбы с прямоугольной камерой и сводчатым потолком.

В следующей фазе преобладают катакомбы с камерами, приближающимися к овалу и сводчатым потолком. Их дата может соответствовать XXVII–XXVI вв. до н. э. И эта, и предшествующая форма распространены уже на значительно большей территории, захватывающей Северное Приазовье. Данные фазы составляют ранний этап распространения катакомб в рамках собственно катакомбного культурного образования (Братченко 2001; Стёганцева 2010), причем погребенные в этих сооружениях находились, как правило, в позе слабой скорченности на правом боку. Вместе с тем, по северной и восточной периферии названной территории фиксируются так называемые ямно-катакомбные захоронения этого же времени, основная масса которых представлена катакомбами разных форм, где умершие похоронены в скорченной позе на спине. На восточной периферии в это же время известны погребения, совершенные в катакомбах, в том числе с плоским потолком, где покойные лежали в вытянутой позе на спине, что связывается с северокавказской традицией.

Следующий временной диапазон связан с переходом к новым культурным формам и формированием специфических региональных образований: батуринского, маньчского, донецкого – в исходном районе; среднедонского, азово-днепровского, ингульского – на сопредельных северных и западных территориях; суворовского (суворовская катакомбная культура – Клещенко 2013) – на юго-востоке. Эта фаза демонстрирует постепенный отход от Т-образных катакомб к преимущественно Н-образным, причем в некоторых районах представлены видоизмененные Т-образные сооружения. Среди прочих здесь выявлены катакомбы с квадратной и круглой шахтой, размеры которой могут быть как значительно меньше габаритов камеры, так и существенно больше их. Встречаются также катакомбы с вертикальной шахтой, в несколько раз превышающей человеческий рост. Эта фаза может датироваться XXVI–XXV вв. до н. э. По мере расширения катакомбного ареала на территорию, занимаемую носителями ямной культуры, в зонах контакта появляются новые ямно-катакомбные погребения.

Завершение и утверждение качественных изменений характеризует очередная временная отрезок, который может относиться к XXV–XXIII вв. до н. э. В это время происходит дальнейшее расширение территории сформировавшихся культур, а на востоке ареала складывается под влиянием новых катакомбных культур доно-волжское культурное образование и здесь фиксируется контакт с полтавкинской культурой. Ареал катакомбных образований достигает максимальных пределов. Он простирается от Нижнего Подунавья на западе до заволжских просторов на востоке, от предгорий Северного Кавказа на юге до соприкосновения с зоной лесов на севере (Гей 2009; 2011). Данное пространство практически полностью соответствует западной части массива евразийской степной зоны, включая луговые степи. В этих условиях погребальное сооружение в виде катакомбы выступает в роли степного феномена,

если учитывать условия существования других культур, имеющих подобные сооружения.

Культурный перелом XXIII–XXII вв. до н. э. характеризовался переориентацией культурных связей и означал окончание катакомбного периода.

Новый период (XXII–XVIII вв. до н. э.), для которого характерны такие посткатакомбные культуры как бабинская (культура многоваликовой керамики) и лолинская, демонстрирует угасание катакомбных культурных традиций и постепенный отход от использования катакомб в погребальной практике.

Описанные основные периоды свидетельствуют о переменах в развитии культур, переменах, которые, по нашему мнению, опосредовано связаны с климатическими изменениям, а фазы отражают последствия изменившейся ситуации (Мельник 2000; 2004, 2009; 2015). Эти изменения разной степени интенсивности имели различное воздействие на обитателей степей, при этом возможны и иные факторы, приводящие, в конечном итоге, к культурной трансформации. Перемены XXVIII–XXVII вв. до н. э. и XXIII–XXII вв. до н. э., определяющие время существования катакомбного культурного мира, были связаны с наиболее резкими и хорошо фиксируемыми климатическими перепадами. Перемены XXVI в. до н. э. представлены менее определенными данными.

Следует остановиться на характере происходящих перемен. Широкое распространение катакомбной культурной атрибутики обеспечивалось благоприятным для передвижения степным ландшафтом и наличием транспортных средств. При различии культурных форм технический уровень, образ жизни и мировоззренческие представления населения степей были, несомненно, близкими, что облегчало непосредственный контакт и сложение синкретических форм культуры. Новая форма погребального сооружения – катакомба, не могла появиться изначально без изменившихся условий, а, утвердившись на одной территории, при стабильной обстановке не могла проникнуть в соседнюю область без людей, использовавших ее в погребальной практике. Однако за активным распространением и превалированием катакомбной атрибутики должны были стоять и некие преимущества, которые в рассматриваемую эпоху обеспечивал металл, поступавший в степь с Северного Кавказа. Траектория его поступления стимулировалась преимущественно носителями катакомбной атрибутики. В тоже время, чем дальше проникали неолиты, тем в большей мере на них самих оказывала влияние местная среда. Подвижный образ жизни обитателей степей способствовал быстрому распространению ими новаций на огромные расстояния.

Братченко 2001 – *Братченко С. Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001.

Гей 2009 – *Гей А. Н.* Катакомбная культура // Большая Российская энциклопедия. 2009. Т. 13. С. 307–308.

Гей 2011 – *Гей А. Н.* Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 3–10.

Клещенко 2013 – *Клещенко А. А.* Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА. 2013. Вып. 228. С. 171–190.

Мельник 2000 – *Мельник В. И.* Проблема смены культур эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи: Материалы Междунар. науч. конф. Воронеж, 2000. С. 33–34.

Мельник 2004 – *Мельник В. И.* Развитие культуры и климатические экстремумы на юге Восточной Европы в эпоху бронзы // Евразия: этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы: ТД науч. конф. М., 2004. С. 120–122.

Мельник 2009 – *Мельник В. И.* Миграционные процессы на Ближнем Востоке и их связь с аридизацией климата в III–II тыс. до н. э. // КСИА. 2009. Вып. 223. С. 19–31.

Мельник 2015 – *Мельник В. И.* Фазы перемен в культурах степей Восточной Европы и цивилизациях Ближнего Востока III–I тыс. до н. э. // КСИА. 2015. Вып. 239. С. 61–71.

Стёганцева 2010 – *Стёганцева В. С.* Еще раз о сходстве погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье и на Западном Кавказе // Записки ИИМК РАН. 2010. № 5. С. 125–138.

Н. В. Панасюк

Курильница как критерий атрибуции памятников катакомбных культур степного Предкавказья

Центральным объектом изучения археологических памятников в степном Предкавказье в последние десятилетия стали древности двух родственных культур эпохи средней бронзы – восточно- и западноманьчской катакомбных культур (далее – ВМКК и ЗМКК). Они характеризуются единым набором основных культуробразующих признаков при наличии и ряда местных особенностей. Носители и той, и другой культуры широко использовали курильницы в погребальном обряде (Андреева 2004; Панасюк 2004). Новейшие археологические исследования значительно расширили базу данных, что позволяет предложить новые подходы к изучению обрядовых характеристик для дифференциации двух культур. Это особенно актуально при анализе могильников, находящихся в контактной зоне ВМКК и ЗМКК.

В этой связи создание типологии курильниц является, несомненно, насущной задачей. С ее помощью можно решать проблемы семантики ритуальных чаш в рамках катакомбного погребального обряда, вопросы происхождения и традиций изготовления курильниц и многие другие. Используя такие критерии, как форма ножек (многолепестковая, квадратная, круглая, отдельные ножки-столбики), способы и приемы декора, а также образованные им композиции, мы выделили двенадцать основных типов этих чаш. Типы, в свою очередь, включают подтипы (Панасюк 2005).

Носители маньчских катакомбных культур изготавливали схожие курильницы, однако восточные и западные соседи делали их с некоторым своеобразием (форма и стиль орнаментации). Картографирование выделенных типов показывает, что в регионах они представлены также неравномерно (Панасюк 2015).

В настоящий момент в ареале ВМКК выявлено самое большое количество ритуальных чаш (в базе данных учтено 490 экз.). Восточноманычские курильницы наиболее разнообразны, хотя по типам они распределены неравномерно. Чаще всего представлен тип I (78,5 % выборки). Речь идет о чашах с крестовидной формой ножки, которые являются «классическими» для катакомбной культуры (Попова 1955; Егоров 1970). Существенно меньше (50 экз.) известно курильниц с полой крестовидной ножкой (тип II). Характерны для этой культуры и богато орнаментированные чаши на четырехлепестковой ножке с несколькими отверстиями (тип III). Последние являются одними из ранних. В наибольшей степени они локализируются в верховьях Маныча и Сала. Чаши, относящиеся к редкому типу VIII, найдены только в Егорлыкско-Калаусском междуречье и на Восточном Маныче. На сегодняшний день курильницы данного типа являются маркером именно ВМКК. Известно также небольшое количество курильниц типов V, VI, X. Последние два типа вообще нехарактерны для манычских катакомбных культур.

При сравнении типов курильниц ВМКК с подобными находками на территории ЗМКК намечаются весьма характерные различия. Количество курильниц ЗМКК заметно меньше (учтено 346 экз.). Несмотря на общее сходство массива ритуальной посуды двух родственных культур, можно говорить о своеобразии типов, большей вычурности и оригинальности форм и способов орнаментации курильниц в ареале ЗМКК, хотя и здесь наиболее распространены типы I и II, представлен также и тип III. Чаши на трехлепестковом поддоне (тип IV) концентрируются на Нижнем Дону, становясь, таким образом, маркером ЗМКК. Типы V, VI, X представлены здесь единичными экземплярами.

Несмотря на единообразие выявленных типов установлен ряд особенностей формы и размеров курильниц ЗМКК и ВМКК (табл. 1, 2), в особенности для чаш типа I. Курильницы ВМКК изготовлены, видимо, по определенному стандарту, на что указывают их основные параметры: высота чаш колеблется от 7 до 8 см, диаметр – от 17 до 18 см. Такие размеры имеют курильницы, составляющие 38 % выборки. Сходный стандарт фиксируется и для чаш типа II: их средняя высота – 7–9 см, а диаметр – 15,5–18 см. Стандарт, характерный для типа I, использовали и для изготовления курильниц типов III и VIII. Чаши типа VI, редко встречающиеся в комплексах ВМКК, имеют высоту 4–5 см при диаметре 13–15 см и высоту 8–11 см при диаметре 16–18 см. Во всех описанных типах сохраняется отношение высоты к диаметру курильницы как 1 : 2,4–2,6.

Анализ параметров чаш ЗМКК показывает, что носители этой культуры не выдерживали вышеуказанный стандарт слишком строго. Высота курильниц типа I варьирует от 4 до 12 см, а диаметр – от 13 до 21 см, причем известны чаши, имеющие диаметр как 9,5 см, так и 28 см. Средняя высота курильниц типа I – 7–8 см, а средний их диаметр – 16,5–17,5 см (соотношение высоты к диаметру составляет 1 : 2,4). Высота чаш типа II варьирует от 8 до 9 см, а диаметр – от 14 до 20 см, хотя его средний показатель почти совпадает с таковым для экземпляров ВМКК (табл. 2). Высота чаш типа III, в отличие от курильниц

ВМКК, значительно колеблется от 5 до 9,5 см, а диаметр – от 10 до 20 см. Размеры типов IV, V, VIII (последние два представлены единично) не выходят за пределы общего стандарта. Типы VI и X представлены как небольшими, так и крупными курильницами, однако соблюдена пропорция соотношения высоты и диаметра чаш 1 : 2–2,2.

Таблица 1

Средние параметры высоты (h) курильниц (в см)

Типы курильниц	I	II	III	IV	V	VI	VIII	X
ВМКК	7–8	7–9	7–7,5	–	7,7	4–5; 7,5–9,5	7–8	6–7
ЗМКК	7–8	8–9	5–9	7–8,5	9	6,5–9	7	5–7

Таблица 2

Средние параметры диаметра (d) курильниц (в см)

Типы курильниц	I	II	III	IV	V	VI	VIII	X
ВМКК	17–18	15,5–18	15,5–18	–	18	14–16,5	15–17,5	13–17
ЗМКК	16,5–17,5	16,5–18,5	15–16	15–17	17,5	15,5–18,5	15–16	15–18

Перейдем к рассмотрению традиций декора курильниц. Чаши обеих культур преимущественно украшены орнаментом, сочетающим шнуровые оттиски и различные виды штампа, хотя использовались также прочерченные линии и отдельные оттиски штампа. Однако последние два варианта декора не составляют и 10 %. Часть курильниц вообще не орнаментирована, причем количество чаш без декора существенно различается в зависимости от типа. Так, 11 % курильниц ВМКК и 13 % чаш ЗМКК (тип I), а также 12 % курильниц ВМКК и 14,3 % чаш ЗМКК (тип II) свободны от декора. Не имеют орнамента 25 % курильниц ВМКК и 35 % чаш ЗМКК (тип VI), а также более половины курильниц ЗМКК и 41 % чаш ВМКК (тип X). Такое соотношение неорнаментированных и декорированных курильниц в пределах типа указывает на их хронологическую позицию в рамках обеих маньчжских культур, так как более поздние экземпляры чаш украшали реже или не декорировали вовсе (Панасюк 2013).

Большинство курильниц обеих культур интенсивно орнаментировано по всей внешней поверхности чаши, включая ее ножки (сбоку и снизу) и верхний срез венчика.

Для декора курильниц ВМКК (тип I) использовали преимущественно шнуровые оттиски в сочетании с круглыми и спиральными (табл. 3, 4), часто употребляли также треугольный штамп и полую трубочку (птичье перо?) (табл. 5), точечные и ногтевые вдавления редки. Носители ЗМКК явное предпочтение отдавали спиральному штампу и использованию полой трубочки, существенно реже они наносили круглые и треугольные оттиски. Нечасто использовали и прочерченные линии (табл. 3–5).

Для украшения чаш ЗМКК (тип II) всегда применяли сочетания шнуровых оттисков с круглыми и спиральными, употребляли полую трубочку. На курильницах ВМКК присутствуют как сочетания с прочерченными линиями, так и отдельные оттиски штампа.

Таблица 3

Использование круглого штампа на курильницах (в %) ¹⁰

Типы курильниц Виды штампов		I	II	III	IV	V	VI	VIII	X
ВМКК	≈●	22	10	15	–	–	8	16	12
	^●	10	4	–	–	–	–	–	–
	●	0,8	6	–	–	–	–	16	–
ЗМКК	≈●	8	14	–	–	–	–	–	–
	^●	0,8	0	–	–	–	–	–	–
	●	1,2	0	–	–	–	–	–	11

Таблица 4

Использование спирального штампа на курильницах (в %)

Типы курильниц Виды штампов		I	II	III	IV	V	VI	VIII	X
ВМКК	≈ᄁ	12	16	23	–	–	8	25	–
	^ᄁ	2	–	–	–	–	–	–	–
	ᄁ	2	–	–	–	–	–	–	–
ЗМКК	≈ᄁ	15	18	10	22	5	–	–	22
	^ᄁ	–	–	–	–	–	–	–	–
	ᄁ	1,2	–	–	–	–	–	–	11

Таблица 5

Использование оттисков полой трубочки на курильницах (в %)

Типы курильниц Виды штампов		I	II	III	IV	V	VI	VIII	X
ВМКК	≈○	12	16	23	–	–	8	25	–
	^○	2	–	–	–	–	–	–	–
	○	2	–	–	–	–	–	–	–
ЗМКК	≈○	12	18	20	–	–	–	–	–
	^○	1,5	3,5	20	11	–	6	–	–
	○	1,2	7	1–	11	–	11,5	–	11

Специфичный тип III известен в обеих культурах, хотя в ЗМКК представлен бóльший процент этих чаш. Зональность и насыщенность орнамента отличаются: курильницы ВМКК либо богато украшены, либо не имеют декора. У чаш ЗМКК, в основном, орнаментирована только их верхняя часть, а ножка лишена декора. Кроме того, курильницы ЗМКК часто орнаментированы самым простым видом штампа – оттисками полой трубочки. Набор штампов для украшения чаш ВМКК более разнообразен: круглые вдавления, спиральный и треугольный штампы, полая трубочка, причем эти узоры всегда сопровождаются оттисками шнура. Известны случаи использования только оттисков шнура (табл. 3–5).

¹⁰ Условные обозначения к табл. 3–5: ≈ – оттиски шнура; ^ – прочерченный орнамент; ● – круглый штамп; ᄁ – спиральный штамп; ○ – полая трубочка.

Выбор носителями ВМКК и ЗМКК тех или иных видов штампа для ornamentации курильниц, на наш взгляд, симптоматичен. Для украшения чаш ВМКК, которые чаще встречаются в погребальных памятниках, использовали простой вид штампа – круглый оттиск. Более редкая находка в захоронениях ЗМКК – курильница декорирована спиральным штампом и полый трубочкой. Следует добавить, что на тех чашах ЗМКК, которые осмотрел автор, ornamentация нанесена более рельефно, т. е. вдавления были более глубокими.

Все описанные нюансы изготовления маньчских катакомбных курильниц, по нашему мнению, отражают своеобразие традиций у соседствовавших культур. Более детальный анализ поможет в дальнейшем выявить существенные признаки, которые послужат критерием для культурной идентификации памятников контактной зоны ВМКК и ЗМКК.

Андреева 2004 – *Андреева М. В.* Курильницы, ножи и шилья в контексте погребальных памятников восточноманьчской катакомбной культуры // Проблемы первобытной археологии Евразии: Сб. к 75-летию А. А. Формозова. М., 2004. С. 187–201.

Егоров 1970 – *Егоров В. Г.* Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 156–164.

Панасюк 2004 – *Панасюк Н. В.* Местоположение курильниц в погребальных комплексах ВМКК // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004. С. 80–86.

Панасюк 2005 – *Панасюк Н. В.* Опыт типологического анализа катакомбных курильниц // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганск, 2005. С. 63–65.

Панасюк 2013 – *Панасюк Н. В.* Курильницы восточноманьчской катакомбной культуры как критерий периодизации // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической науч. конф. СПб., 2013. С. 44–49.

Панасюк 2015 – *Панасюк Н. В.* Курильницы катакомбных культур Предкавказья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.

Попова 1955 – *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры. М., 1955 (Труды ГИМ. Вып. XXIV).

П. А. Бардакова

Формирование одного типа катакомбной керамики

Рассматриваемая в данной работе группа керамики по классификации С. Н. Братченко относится к отделам IV и V (Братченко 1976). Отдел V включает амфоры – большие сосуды, появление которых связано с кавказским влиянием, и амфорки – сосуды с небольшими ручками-ушками с горизонтальными отверстиями. Отдел IV – фляги, которые представляют собой сосуды с ушками с вертикальными отверстиями. На практике прижилось наименование обеих разновидностей амфорками или амфорами.

Амфорки – достаточно редкий тип сосудов в катакомбных погребениях. Однако они встречаются на широкой территории на протяжении всего существования катакомбной общности. Форма сосудов варьирует в зависимости от

керамических традиций региона, но есть некоторые общие черты. Для них характерен небольшой относительно прочих сосудов размер и богатый орнамент, покрывающий большую часть поверхности сосуда и образующий своеобразные композиции. Иногда две-три амфорки находят в одном курганном могильнике или кургане, что свидетельствует об узколокальной традиции их применения.

Наиболее интересный вопрос, связанный с этим отделом керамики – формирование специфического облика амфорок. В Нижнем Подонье сосуды с ушками известны с позднеямного времени. В Поднепровье и Побужье ушки на сосудах в ямное время представляли собой широко распространенное явление, что позволило С. Н. Братченко связать их появление в Подонье с влиянием этих регионов (Братченко 1976). Стоит отметить, что подобные сосуды найдены и в Приманычье. В ранних катакомбных памятниках Нижнего Подонья найдено более двух десятков амфорок, среди которых выделяется несколько вариантов формы. Их можно объединить в три группы.

1. Большая часть амфорок повторяют форму наиболее распространенного в донецких памятниках керамического типа. Это сосуды, относенные Братченко ко II отделу, группам А (яйцевидные, с нечетко выделенными плечиками и шейкой) и Б (стройные, с короткой, четко выделенной шейкой, с плоским или уплощенным дном) (Братченко 1976). В классификации А. В. Кияшко им соответствует отдел III – короткошейные сосуды (Кияшко 1999).

Сосуды объединяет закрытая форма и наличие ушек. Как правило, два ушка расположены на наиболее широкой части сосуда. Слабопрофилированные сосуды этой группы более архаичны, близки к ямным традициям. Орнамент разнообразен: преобладает шнуровой, встречается гребенчатый штамп, расчески, крупные жемчужины, изредка прочерченные линии (рис. 1, 1–9).

На миниатюрном сосудике из детского погребения (Долгий 5/4) сохранилось четыре ушка-упора, и вероятно, было еще два (рис. 1, 4). Здесь же найден второй маленький сосудик и раковины улиток.

Особенности обряда и инвентаря позволяют отнести большинство погребений к раннекатакомбному времени. Погребения были совершены в Т-видных катакомбах с пологим спуском (Новый 79-3, Новый 114-9, Весёлый III 7/10, Волчье Логово 1/8, Долгий 5/4, Пирожок 1-7, Ростов-на-Дону 13/14.). В некоторых случаях сосуд был единственным предметом в погребении. В других погребениях эти сосуды найдены вместе с жаровнями, характерными для преддонецких катакомб, и в одном случае – с подвесками в виде перевитых стерженьков.

Один из сосудов найден в раннедонецком погребении (Берданосовка 4-15) (рис. 1, 9). Амфорка, найденная в преддонецкой катакомбе вместе с бронзовой молоточковидной булавкой и трапецевидной бляшкой, занимает промежуточную хронологическую позицию (Весёлый III, 10/7) (рис. 1, 8).

2. Вторую группу образуют два бесшейных сосуда со слегка загнутым плечиком (Койсуг 2/9, Пробуждение 3/15). Они соотносятся с сосудами группы А отдела I по классификации С. Н. Братченко и с типом 2 отдела I по А. В. Кияшко. Оба сосуда сопровождали детские погребения. Один из сосудов найден

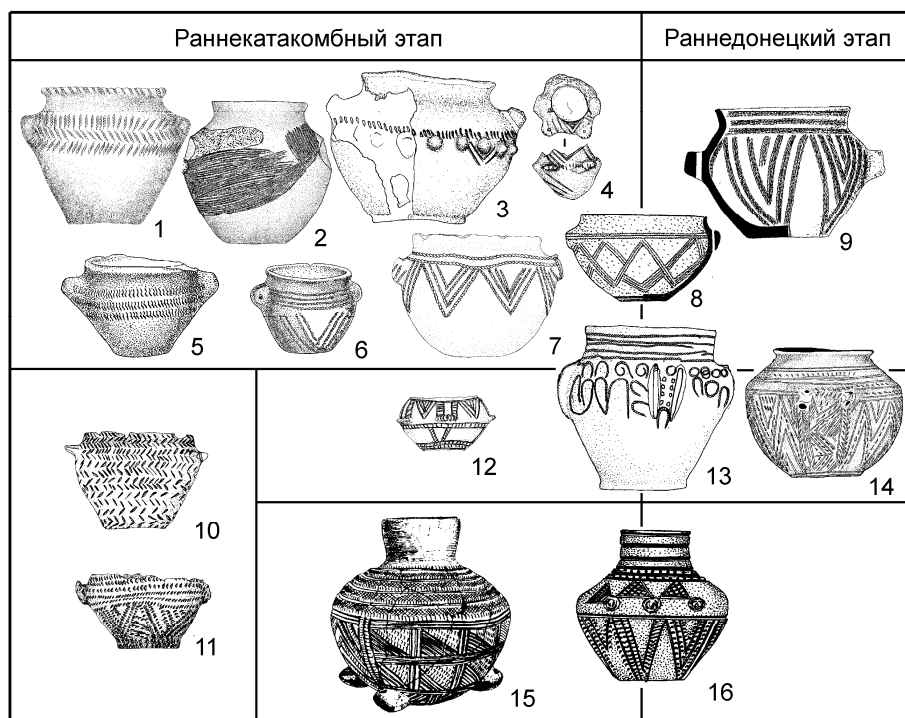

Рис. 1. Ранние катакомбные амфорки Нижнего Подонья: 1 – Новый 114/9; 2 – Новый 79/3; 3 – Волчье Логово 1/8; 4 – Долгий 5/4; 5 – Ростов-на-Дону 13/14; 6 – Новочеркасская ГРЭС 3/12а; 7 – Пирожок 1/7; 8 – Весёлый III 10/7; 9 – Берданосовка 4/15; 10 – Пробуждение 3/15 (по Ильюков 1989); 11 – Койсуг 2/9; 12 – Волчье Логово 1/9; 13 – Царский 35/2; 14 – Кастырский 3/10; 15 – Семикаракорский 1/2; 16 – Новый 115/12 (1, 2, 8, 14, 16 – по Кияшко 2002; 3, 12 – по Пантелеев 2008; 4 – по Ильюков 1984; 5, 6 – по Братченко 1976; 7 – по Гордин 1988; 9 – по Беспалый 2002; 10 – по Ильюков 1989; 11 – по Максименко 1969; 12–13 – по Ильюков 1987; 15 – по Братченко 2001)

в позднеямном погребении (Пробуждение 3/15) (рис. 1, 10), где обнаружен также кусочек сидерита. Более поздняя амфорка найдена в Т-видной катакомбе вместе с астрагалом (Койсуг 2/9) (рис. 1, 11). Вся внешняя поверхность сосудов орнаментирована гребенчатым штампом, но сосуд из позднеямного погребения украшен горизонтальными рядами штампа, а поверхность сосуда из катакомбного погребения покрывает композиция с углами.

3. К третьей группе (собственно амфоркам), относятся два небольших сосуда с узкой высокой шейкой и резко выступающими плечиками. Тулово сосудов покрывает прорезной орнамент, редкий для раннего этапа катакомбной культуры. Сосуд с круглым дном и ушками-ножками обнаружен в Т-видной катакомбе с пологим спуском. В инвентарь входили также жаровня и проколка

(Семикаракорский 1/2) (рис. 1, 15). Второй сосуд сопровождал захоронение ребенка, лежавшего на боку в ранней по конструкции катакомбе. Инвентарь этого погребения совмещал раннекатакомбные и раннедонецкие черты – здесь найдены также жаровня, обработанные птичьи кости и орнаментированная овами кружка (Новый 115/12) (рис. 1, 16).

Два сосуда представляют собой переходные формы между сосудами групп 1 и 3. Один из них был найден в неординарном раннедонецком парном погребении, сопровождавшимся богатым инвентарем (Кастырский VIII 3/10) (рис. 1, 14). Амфорка по форме близка сосудам группы 1, но шейка сильно заужена, а поверхность от плечиков и ниже покрыта сложным прочерченным орнаментом. Под двумя парами ушек имелось дополнительные утолщения до дна. Вторая амфорка из раннекатакомбного по обряду погребения (Царский 35/2) также близка сосудам группы 1, но шейка ее значительно выше (рис. 1, 13). Ушки представляют собой четыре пары вертикально вытянутых налепов без отверстий. Композиция орнамента выделяет ушки и состоит из шнуровых петель и овов. Подобные мотивы характерны для раннедонецкого времени.

Миниатюрный сосуд из полуразрушенного погребения (Волчье Логово 1/9) не находит аналогий (рис. 1, 12). Он приземистый, бесшейный, с крутыми плечиками. На плечиках расположены пять упоров, выделенных прочерченным орнаментом. Его можно рассматривать как пример поиска формы. Из-за плохой сохранности погребения точное определение его хронологической позиции затруднено, но особенности конструкции и инвентарь позволяют отнести погребение в позднеямному–раннекатакомбному горизонту.

Сосуды первой и второй групп распространяются в Нижнем Подонье в позднеямное–раннекатакомбное время. Вероятно, наличие ушек позволяло использовать сосуд в погребальном обряде. Поэтому форма не менялась, а орнаментация оставалась обычной для других сосудов той же формы. В дальнейшем форма амфорок была переработана. Ушки становятся визуальным центром сосуда, подчеркиваются формой и орнаментом. Узкое высокое горло выделяет амфорки среди катакомбной керамики региона. Сложный прочерченный орнамент также весьма специфичен и мало распространен. Он встречается на еще одном редком типе находок – моделях люлек-повозок, также появляющихся в раннедонецкое время.

Смена раннекатакомбных амфорок новым типом происходила неравномерно, как и изменение обряда в целом. Известны сосуды, на примере которых можно проследить поиск новой формы (Кастырский VIII, Царский, Волчье Логово 1/9). Амфорки с высокой шейкой появляются в раннекатакомбных погребениях, а архаичные встречаются в раннедонецких.

Обращает на себя внимание то, что обе амфорки третьей группы найдены в центральной части Нижнего Подонья. Близкие к ним сосуды известны на Донетчине. Оттуда же происходят несколько амфорок развитого донецкого времени. В Приазовье амфорки активней использовали в раннекатакомбное время. Возможно, это вызвано тем, что сосуды, связанные с ямными традициями, не вписались в строгий обряд ранней донецкой культуры.

Беспалый 2002 – *Беспалый Е. И.* Раскопки Новочеркасской экспедиции 1990–1991 гг. // Аксайские древности. Ростов н/Д, 2002. С. 101–188.

Братченко 1976 – *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Братченко 2001 – *Братченко С. Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001.

Гордин 1988 – *Гордин И. А.* Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Пирожок» в зоне проведения земляных планировочных работ на землях совхоза Левобережный Волгодонского района Ростовской области в 1988 г. // Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. АА 2299.

Ильюков 1982 – *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании курганного могильника у х. Новый Мартыновского района Ростовской области в 1982 г. // НА Аксайского военно-исторического музея. Ф. 5, д. 26.

Ильюков 1984 – *Ильюков Л. С.* Отчет об исследованиях курганных могильников на левобережье р. Сал в Мартыновском районе Ростовской области в 1984 г. // Археологическая лаборатория РГУ. Ф. 10, д. 7.

Ильюков 1987 – *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании курганного могильника «Царский» в Мясниковском районе Ростовской области в 1987 г. // Там же.

Ильюков 1989 – *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании археологических памятников в Мартыновском районе Ростовской области в 1989 г. // Там же.

Кияшко 2002 – *Кияшко А. В.* Культурогенез на Востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.

Кияшко А. В. 1999 – *Кияшко А. В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

Максименко 1969 – *Максименко В. Е.* Отчеты о раскопках в Азовском (Койсугский курганный могильник) и Константиновском (курганы у ст. Богоявленской и г. Константиновка) районах Ростовской области в 1966–1969 г. Койсуг 1967 // Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. АА 34.

Пантелеев 2008 – *Пантелеев. С. А.* Отчет о раскопках курганного могильника Волчье Логово-I в Мясниковском районе Ростовской области в 2008 г. // Там же. АА 10542.

В. В. Рогудеев

Орнамент «меандр»

в степных комплексах среднего бронзового века

В эпоху поздней бронзы в степной полосе была достаточно широко распространена орнаментация в виде одностороннего и двустороннего меандра. Остается открытым вопрос о месте и времени появления такого узора. В предшествующее время его единичные образцы известны в ингильской культуре катакомбной культурно-исторической общности. Речь идет о прочерченном двустороннем меандре на небольших круглодонных чашах: Богачёвка 10/7 (Крым), комплекс в катакомбе (рис. 1, 4); Русский колодец, курган II-3, погр. 2 (Миус) – в яме (рис. 1, 5) (Ильюков, Казакова 1988: рис. 21, 3); случайная находка у с. Суклеи на Нижнем Днестре (рис. 1, 6). Чаше представлены сосуды с орнаментом из вытянутых овалов, составленных наподобие двустороннего меандра. Этот узор явно подражает меандру.

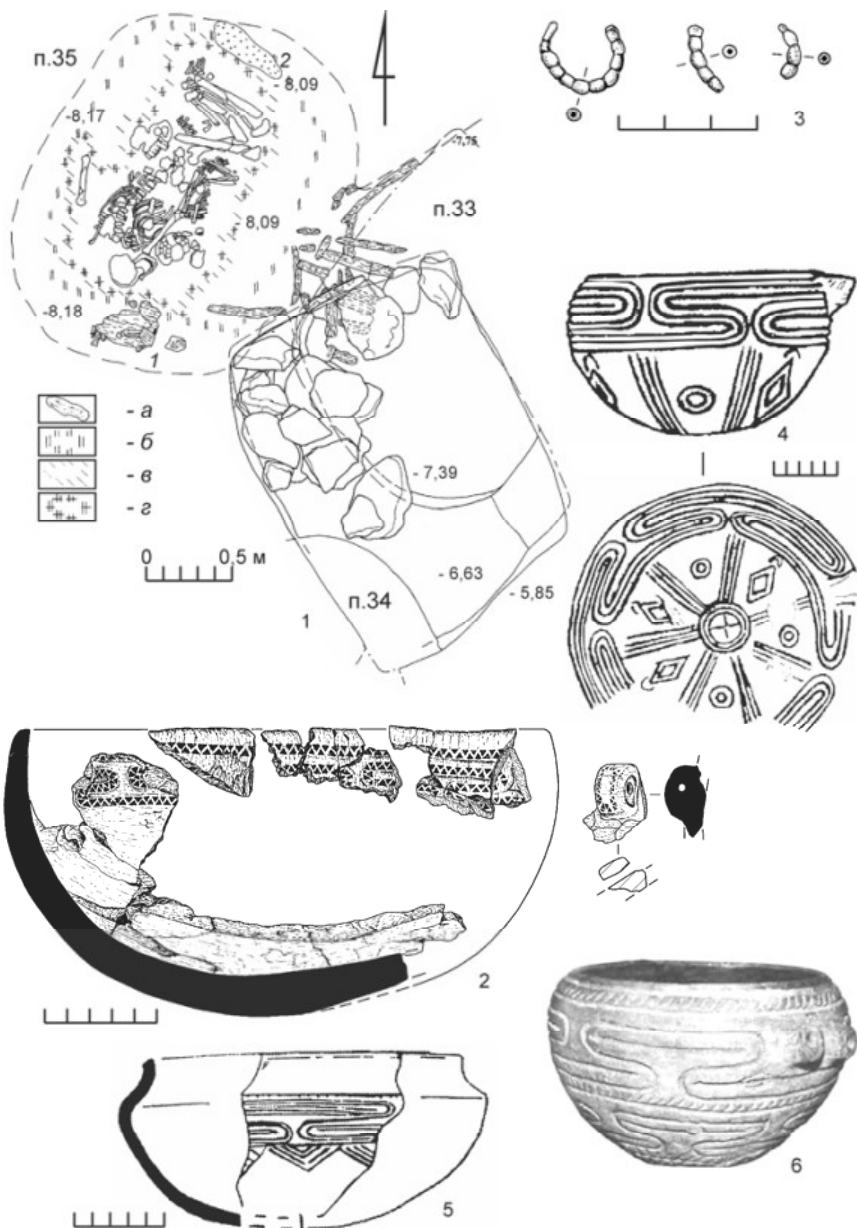

Рис. 1. 1–3 – курганный могильник Западный II, кург. 1, погр. 35: 1 – план (*a* – остатки деревянного заклада; *b* – границы меловой посыпки; *v* – границы коричневого тлена; *z* – границы черного тлена); 2 – деревянная миска; 3 – бронзовые бусины; 4–6 – круглодонные глиняные чаши: 4 – Богачёвка 10/7; 5 – Русский колодец курган II-3/2; 6 – с. Суклеи на Нижнем Днестре

Возникает вопрос, откуда появляется меандр в ингульской культуре и почему он представлен на круглодонных сосудах.

Находка деревянной чаши в поздней катакомбе на окраине г. Ростова-на-Дону – курганный могильник Западный II, 1/35 (Науменко 2012: 149–152), позволяет в общих чертах ответить на этот вопрос.

Погребение 35 (рис. 1, 1) является одной из самых поздних катакомб упомянутого кургана. Находившееся в его южном секторе оно прорезало почти всю насыпь и нарушило более ранние катакомбы 33 и 34. В погребальной камере обнаружены скелеты взрослого и ребенка. Умершие лежали скорченно на правом боку, головами на Ю. Под черепом ребенка найдена подвеска, вероятно в 1,5 оборота, ее основу составляет тонкая медная проволока на которую надеты 22 небольшие бочонковидные бронзовые бусинки (рис. 1, 3). В головах находилась частично сохранившаяся деревянная круглодонная миска с боковым ушком (рис. 1, 2). Миска изготовлена из плотной древесины с мелкими волокнами. Судя по толщине стенки сосуда ушко находилось под самым венчиком. По сохранившимся частям можно восстановить форму и орнамент миски, которая имела диаметр около 24 см и высоту 13 см. Орнамент сосуда оформлен полосами из углубленных треугольников, расположенных в два ряда, шириной 0,4 см, причем фигуры верхнего ряда направлены вершинами вниз, а нижнего – вершинами вверх. На расстоянии 0,7–0,5 см ниже венчика находилась горизонтальная полоса, под которой нанесен горизонтальный двусторонний меандр. Длина петли меандра составляет около 6 см, ширина – около 2,5 см. Ушко миски также орнаментировано по краю полосками такого же орнамента.

Орнамент в виде двух рядов треугольников характерен прежде всего для предкавказского ареала катакомбной общности, но встречается редко. В предгорной части Кавказа он известен в Суворовском могильнике: курган 1, погр. 12; курган 2, погр. 3; курган 10, погр. 4 (Нечитайло 1979: рис. 8, 2; 17, 2; 52, 2); на Восточном Маныче: Восточный Маныч, левый берег I,65 курган 8, погр. 2 (Шишлина 2007: рис. 103, 6); на Западном Маныче: Солёный могильник, курган 1, погр. 15 (Братченко 1976: рис. 50, 2). Одно отличие – орнаментация располагалась ровными горизонтальными рядами. Появление орнаментации меандром можно увязать с кавказским влиянием (Рогудеев 2002: 144). Так, на триалетской посуде встречаются свастики и меандр, восходящий к куроаракскому орнаменту. Следует указать, что на бляхе из могильника Эгикал представлен усложненный меандр. Как видим, меандр представлен на керамических и металлических изделиях. Там же встречаются и круглодонные сосуды.

Тип катакомбы погребения 35 отличается от РЛГ катакомб с круглой входной шахтой, что, в свою очередь, сближает их с формой ингульских катакомб. Учитывая это, можно утверждать, что ростовская чаша – более ранний образец по сравнению с ингульскими. Мне представляется, что именно такие деревянные круглодонные орнаментированные чаши послужили образцами для ингульских сосудов.

Этот факт отражает движение на запад. Но в последующее время меандр чаще находим в абашевских и покровских комплексах, расположенных к

северу и северо-востоку от Предкавказья. Могло ли быть оказано влияние в этом направлении? Имеется косвенное подтверждение такому предположению. В свое время С. Н. Корневский проследил для уральского региона преемственность металлообработки от среднего бронзового века до эпохи поздней бронзы, от катакомбной культуры к срубной (Корневский 1983: 96–109). При этом основу составляли образцы характерные для Предкавказья.

Братченко 1976 – *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Ильюков, Казакова 1988 – *Ильюков Л. С., Казакова Л. М.* Курганы Миусского полуострова. Ростов н/Д, 1988.

Корневский 1983 – *Корневский С. Н.* Наследство катакомбного периода в металлообработке эпохи бронзы Уральской горно-металлургической области. // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.

Науменко 2012 – *Науменко С. А.* Отчет об исследовании курганов 1, 3, 4, 14 могильника «Западный II» в северо-восточной части г. Ростова-на-Дону в 2009 году. Ростов-на-Дону, 2012 г. // Архив государственного автономного учреждения культуры Ростовской обл. «Донское наследие».

Нечитайло 1979 – *Нечитайло А. Л.* Суворовский курганный могильник. Киев, 1979.

Рогудеев 2002 – *Рогудеев В. В.* Южный импульс в конце эпохи поздней бронзы (предварительное сообщение). // Археологические записки. Ростов н/Д, 2002. Вып. 2.

Шишлина 2007 – *Шишлина Н. И.* Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М., 2007.

А. Ю. Чечина

Змейское поселение периода средней бронзы в Северной Осетии

В ходе охранно-спасательных работ, в рамках проекта реконструкции автомобильной дороги М-29, возле ст. Змейской в Северной Осетии (2013–2014 гг.) под руководством М. А. Бакушева, в пределах западного участка раскопа III, были зафиксированы хозяйственные ямы с материалом, относящимся к среднему бронзовому веку.

Предположение о наличии здесь памятника этого времени сделал Д. В. Деопик еще в 1951 г. Тогда во время раскопок Змейского кобанского поселения были найдены единичные фрагменты керамики, а также исследована яма. Все эти находки были отнесены к так называемой северокавказской культуре (Деопик 1961: 34). Кроме того, наличие керамики в ослях склонов, обнажениях и смывах с дорог позволяет предположить существование большого поселения эпохи средней бронзы, которое было перекрыто средневековым и, частично, среднесарматским поселениями.

Судя по локализации материала, памятник в древности занимал третью и вторую террасу Терско-Сунженского хребта, с севера располагалась незаселенная равнина, где регулярно разливалась р. Терек и ее возможные притоки.

На раскопе III была исследована северная окраина поселения. К сожалению, из-за хозяйственной деятельности более поздних эпох, слои здесь разрушены и горизонт фиксируется только по сохранившимся ямам.

Основная часть исследованного материала представлена лепной керамикой. Все ее фрагменты, найденные на поселении, датируются СБВ. Посуда изготовлена из теста комковатой структуры, содержащего незначительные примеси шамота, комочки мелкоотделенного песчаника и кварцита. Поверхность изделий гладкая, иногда лошенная. Обжиг, как правило, характеризуется пятнистым «загаром», но встречаются образцы с более качественным равномерным обжигом. Цвет сосудов варьирует от желто-охристого и красно-коричневого до серого и черного. Большая часть керамики разнообразно орнаментирована: веревочный орнамент, фасеточный штамп, прочерченные линии, угловой штамп, налепы, отступающая лопаточка, причем часто сочетаются разные виды узора. Самые распространенные мотивы: треугольники, горизонтальные линии, зигзаги. Украшена, как правило, верхняя часть тулова, хотя есть образцы с орнаментированным венчиком и ручками.

Керамический комплекс можно разделить на несколько групп.

1. Крупные корчаги (высота 30–60 см) без ручек, с прямым слабопрофилированным венчиком, плоским дном и вытянутым туловом. Тесто имеет примесь дресвы и мелкорубленной растительности, обжиг неравномерный, пятнистый. Орнамент расположен в верхней части сосуда с заходом на центральную часть и представлен прочерченными линиями, составляющими треугольники, заштрихованные треугольники, зигзаги, часто в комбинациях (рис. 1, 1). Изредка орнамент отсутствует.

2. Сосуды среднего размера высотой 15–18 см с прямым венчиком, петлевыми ручками без орнамента с комковатым тестом, часто со следами золы и копоти (рис. 1, 3).

3. Небольшие плоскодонные тонкостенные сосуды высотой 15–20 см без ручек, с богатой орнаментацией в верхней части тулова (рис. 1, 4).

4. Сосуды высотой 16–18 см, с одной-тремя ручками, прямым коротким венчиком и скругленным дном (рис. 1, 2).

5. «Кружки» – небольшие сосуды высотой 10–15 см, с одной-двумя ручками, слабовыраженным переходом от венчика к тулову (рис. 1, 5), с богатой и разнообразной орнаментацией, практически по всей поверхности сосуда, включая ручки. Имеется, однако, и несколько экземпляров без орнамента.

6. Помимо посуды найдены ассиметричные, грубо изготовленные керамические прясла.

7. В особую категорию выделены фрагменты керамических льячек со следами использования и керамические сопла.

Изделия из кости представлены астрагалами со сквозными отверстиями и двумя проколками. На поселении, помимо прочего, найдены каменные орудия, главным образом, песты, терочки и куранты. Расположение ям, состав инвентаря, наличие металлического шлака позволяют предположить, что была исследована производственная окраина поселения.

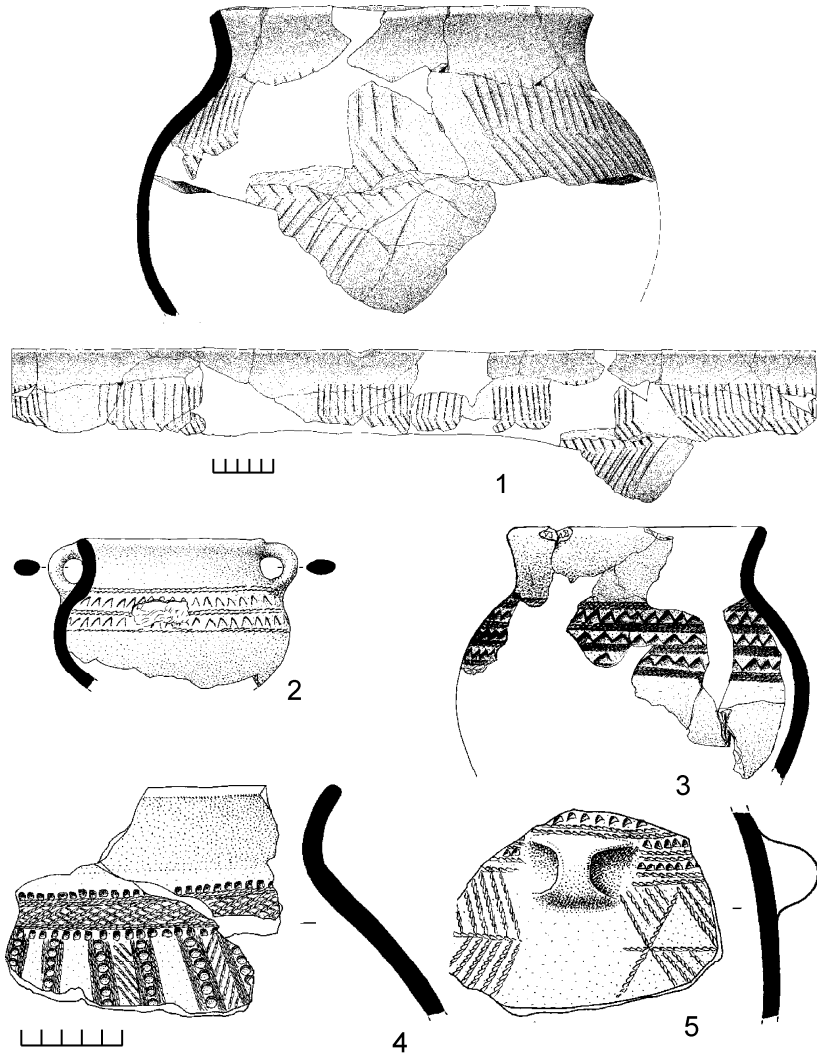

Рис. 1. Змейское поселение, лепная керамика

Самые близкие аналогии керамический комплекс поселения находит в курганных могильниках г. Нальчик: Кабардинский парк (Деген 1941: 213–293), Кишпек, Чегем I, II (Бертразов, Нагоев 1984). Кроме того, морфология и орнаментация найденной посуды находит параллели в развитых катакомбных культурах степного Предкавказья. Поселение может быть предварительно датировано в пределах III тыс. до н. э.

Бертрозов, Нагоев 1984 – *Бертрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1984. Т. 1. С. 55–83.

Деген 1941 – *Деген Б. Е.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М., 1941. С. 213–293 (МИА. № 3).

Деопик 1961 – *Деопик Д. В.* Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской, Северная Осетия. Труды археологической экспедиции 1953–1957 гг. Орджоникидзе, 1961. С. 34.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Н. М. Малов

Кованые наконечники копий ранней фазы Волго-Уральского очага культурогенеза и их модели (эпоха поздней бронзы)

Военный компонент играл определенную роль в процессах формирования Волго-Уральского очага культурогенеза Евразийской металлургической провинции в ранней фазе позднего бронзового века. Тогда повысилась роль военной сферы, как фактора жизнеобеспечения, развития экономики и социо-генеза в абашевской, сейминско-турбинской, синташтинской, петровской, покровской и других культурах. В начале ранней фазы ПБВ наконечники копий, имеющие отношение не только к охотничьему, но и к воинскому оружию, занимали существенное место в ритуально-обрядовых, духовных и других сферах (Малов 2003). В это время распространены не только литые, но и архаичные кованые наконечники копий с разомкнутой округлой втулкой, у основания которой расположены отверстия для крепления к древку.

Данные наконечники рассматривают в качестве западного или евразийского компонента, связанного с абашевской общностью и инкорпорированными выходцами из «срубно-андроновской» и «срубно-абашевской среды» (Черных, Кузьминых 1987: 91–98, 100, карта 16). Термин «срубно-абашевские» особенно активно использовался в последней четверти XX в. Тогда исследователи интерпретировали погребения в позе «адорации» с «абашевской керамикой» как «срубно-абашевские», или синкретические «памятники покровского типа». Одновременно формируется другой исследовательский подход, позволивший заложить основы для выделения памятников этого круга в качестве «покровского культурного типа» и «покровской археологической культуры» (Малов 1991; 2012; 2014; Бочкарёв 2002; Пряхин 2011).

Вероятнее всего технология изготовления медных прорезных наконечников была такой же, как и у кондрашкинского экземпляра. Он выкован из литой плоской заготовки подтреугольной формы с выполнением таких кузнечных операций, как «свертывание втулки на оправке округлого профиля, пробивка двух отверстий по краю втулки, соединение сваркой двух сторон пластины вдоль нервюры, проковка на фигурной наковальне с желобком для получения ребра жесткости, вытяжка, плющение лезвийной части» (Дегтярёва 1999: 35). Следы – короткие углубления от такой пробивки – хорошо заметны вокруг краев обоих отверстий на втулке наконечника из кургана 15

Покровской группы. Рассмотрим некоторые аспекты, связанные с реконструкцией способа крепления кованых наконечников копий-дротиков с разомкнутой втулкой к древку и интерпретацией миниатюрных их экземпляров

Реконструкция способа крепления наконечников к древку. У рассматриваемых абашевских, сейминских, синташтинских и покровских экземпляров отверстия, через которые проходил ремень, расположены на конце втулки около её несомкнутых краёв (Верхнекизильский клад; Коршуново, курган у Мазурки; Сейминский могильник; Покровск, курган 15, погр. 2; Синташтинский могильник, погр. 30; Утевка VI, курган 6, погр. 4; Кондрашкинский курган, погр. 1; Каменный Амбар курган 2, могильная яма № 5; Готовицкий курган и др.). Об этом свидетельствуют сохранившиеся на некоторых изделиях остатки кожи и следы от крепления кожаного ремня или шнура для стягивания основания втулки с древком.

Светлый след от узкого ремешка виден на фотографии покровского наконечника копья из кургана 15 (рис. 1, 4), исследованного и опубликованном П. С. Рыковым (Рыков 1927: Abb. 23; Малов 2015). Изучение этого экземпляра позволяет заключить, что между отверстиями на втулке заметна желобчатая потертость. Можно полагать, что такой способ крепления наконечников к древкам копий бытовал в покровской культуре. Через сквозные отверстия на втулке изделия (копье/дротик) из ямы 1 могильника Халвай III также был протянут шнур (Шевнина, Логвин 2015: 47, 104, 133, 143, 146, рис. 17, 1; 79–80).

Информацию о реконструкции способа крепления копья к древку содержит крупный кованый экземпляр такого оружия, найденный в обитаемой норе сурков в кургане около старого хут. Готовицкого (Малов 2015). Во втулке копья имеются два отверстия овальной формы, предназначенные для прохождения узкого ремешка, который стягивал основание втулки с древком (рис. 1, 1, 2). След от этого шнура-ремешка отпечатался на части внешней поверхности между отверстиями (рис. 1, 3).

Такой же след идет от каждого из отверстий внутри втулки, но уже по направлению к ее концу. Это позволяет заключить, что конец шнура сначала вставляли снизу во втулку. Затем через одно из отверстий его выводили на внешнюю поверхность и продевали через другое отверстие опять наружу к концу втулки. В результате оба конца шнура оказывались снаружи, что позволяло стянуть втулку в районе прорези около того места, где вставлялось деревянное древко. Таким образом, обеспечивалось надежное соединение наконечника копья с его древком.

Мастера-оружейники синхронного блока культур ранней фазы Волго–Уральского очага культурогенеза широко применяли шнуры и узкие ремешки из кожи для крепления кованых прорезных наконечников к древку. Штифтовое крепление непосредственно около краев разомкнутой части втулки не могло быть эффективным, поскольку штифт проходил бы по боковому краю древка, расщепляя его заостренный конец. Расположенные здесь отверстия предназначались для ремня, а не для вбивания штифтов. Форма отверстия (прямоугольное или округлое) не играла существенной роли.

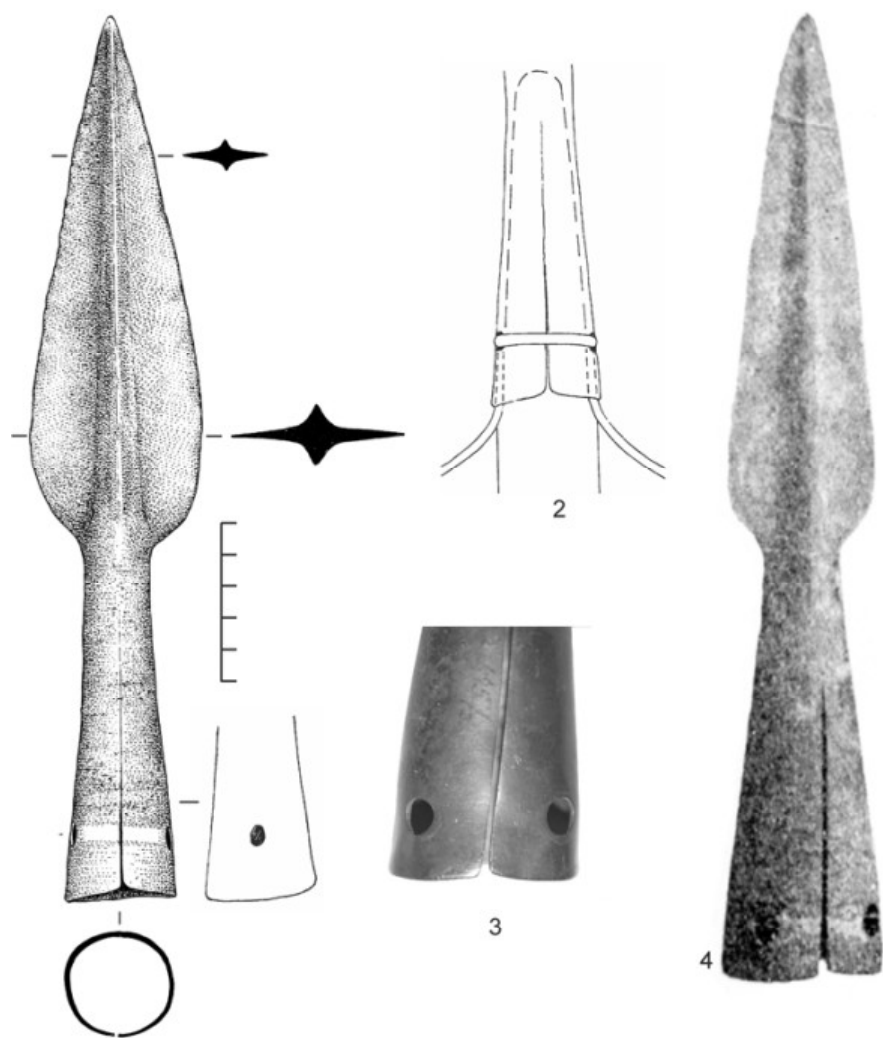

Рис. 1. 1–3 – бронзовый наконечник копья из Готовицкого кургана (1 – прорисовка; 2 – реконструкция крепления ремешка через отверстия на втулке; 3 – деталь внешней поверхности со следами ремешка между отверстиями на краю втулки); 4 – бронзовый наконечник копья со следами ремешка на конце втулки (Покровск, юго-восточная группа, курган 15, погр. 2)

Миниатюрные наконечники копий-дротиков. В результате осуществленной В. С. Бочкарёвым корреляции нескольких признаков цельнолитые наконечники были разделены на три группы: крупные копья (первая группа), копья небольшого размера (вторая группа), наконечники дротиков (третья группа).

Длина наконечников второй группы, которые, по мнению В. С. Бочкарёва (Бочкарёв 2004), могли использоваться в качестве наверший, штандартов или «командирских копий», варьирует в пределах 7–18 см, а диаметр втулки составляет около 2–3 см.

Среди кованых наконечников с разомкнутой втулкой в Волго-Уральском очаге культурурогенеза можно также выделить древковое оружие типа наверший или штандартов. Они имеют небольшие размеры и вес. Эта группа изделий включает модели наконечников: Бестамак погребение 110; Жаман-Каргала I, курган 1, погр. 4; Новоильиновский курган (Усманова 2015: 6, 32), Шайтанское озеро II и др. Из-за малых размеров наконечник копья из могильника Жаман-Каргала I относят к наконечникам дротиков позднего этапа синташтинской культуры (Ткачёв 2007: 50–51, рис. 23, 3; 342, рис. 77, 93). Миниатюрный кованый наконечник копья с разомкнутой втулкой обнаружен в выше названном погребении (девочка 4–5 лет) могильника Бестамак (Шевнина, Ворошилова 2009: 59–63, рис. 1, 10). Модель бронзового наконечника копья происходит из малого условного скопления-«клада» культового места «Шайтанское озеро II» (Сериков и др. 2009: 69–70). Такие кованые наконечники-модели с прорезной втулкой предпочтительнее интерпретировать как символическое древковое оружие, которое иногда помещали в культовые места и даже в детские захоронения.

Бочкарёв 2002 – *Бочкарёв В. С.* Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар с древнейших времен. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. С. 46–68.

Бочкарёв 2004 – *Бочкарёв В. С.* О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: детектив и мыслитель. СПб. 2004. С. 385–408.

Дегтярёва 1999 – *Дегтярёва А. Д.* Металл Кондрашкинского кургана эпохи бронзы // ВИАЭ. 1999. № 2.

Малов 1991 – *Малов Н. М.* О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991. С. 50–53.

Малов 2003 – *Малов Н. М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 157–219.

Малов 2012 – *Малов Н. М.* Культурурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения. Т. 12. Вып. 1. Саратов, 2012. С. 95–100.

Малов 2014 – *Малов Н. М.* Памятники срубной культурно-исторической области в Нижнем Поволжье: концептуальные основы культурурогенеза // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. М., 2014. С. 84–92.

Малов 2015 – *Малов Н. М.* Кованый наконечник копья начала эпохи поздней бронзы из кургана близ хутора Готовицкого // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2015. Вып. 11. С. 193–205.

Пряхин 2011 – *Пряхин А. Д.* Памятники покровского типа на современном этапе изучения в российской и украинской археологии // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2011. С. 88–101.

Сериков и др. 2009 – *Сериков Ю. Б., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И.* Бронзовый век Урала: новые перспективы // Труды Всерос. АС в Суздале. М., 2008. Т. I. С. 341–346.

Ткачёв 2007 – *Ткачёв В. В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.

Усманова 2015 – *Усманова Э. Р.* Путешествие в бронзовый век. Караганда; Лисаковск, 2015.

Шевнина, Ворошилова 2009 – *Шевнина И. В., Ворошилова С. А.* Детские погребения эпохи развитой бронзы (по материалам могильника Бестамак) // Этническое взаимодействие на Южном Урале. Челябинск, 2009. С. 59–63.

Шевнина, Логвин 2015 – *Шевнина И., Логвин А.* Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане // Материалы и исследования по археологии Казахстана. Астана, 2015. Т. VII.

Черных, Кузьминых 1987 – *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 84–105 (Археология СССР).

Rykov 1927 – *Rykov P.* Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga // Eurasia Septentrionalia Antiqua. Helsinki. 1927. I. P. 51–90.

Ю. А. Черниенко

**Еще раз к вопросу о роли
сейминско-турбинского фактора
в развитии металлопроизводства эпохи
поздней бронзы в Восточной Европе
(на примере наконечников копий и дротиков)**

Никем не отрицаемая роль сейминско-турбинского фактора в развитии металлопроизводства эпохи поздней бронзы в литературе оценивается по-разному.

В историографии речь о тождестве срубных и сейминских металлургических традиций (Клочко 2006: 175) как будто бы не идет (Черных 1970: 76, 77). Но мнения о влиянии сейминских бронз на срубный металлургический очаг (Там же: 113) и о трансформации раннесрубного металлопроизводства в лобойковское под внешними воздействиями (Клочко, Козыменко 2011: 162; Гошко 2007: 10, 15, 20, 22; Шидловський та ін. 2016: 147–148; Черных 1970: 103), в частности, подтверждаются наличием среди соответствующих изделий наконечников копий с ушками (Черных 1976: 100, 101, 136, 140, 143, 158, 178, 190, 192–193, 201, 228; 1978: 73, рис. 10: 10, 40). Если признать мнение о том, что последние изначально были задуманы для крепления подвесок-украшений (Бочкарёв 2004: 385, 398, 401–406), то столь своеобразную традицию вряд ли можно отнести к числу таких, что могли зародиться во многих местах независимо друг от друга. Можно предположить, что к древнейшей такой традиции – сейминско-турбинской (Там же: 390–391, 396, 403) – в конечном счете восходит

снабжение ушками многих наконечников разных времен и регионов. Кроме того, сейминско-турбинским и срубным ушковым (включая лобойковско-голоуровские) и безушковым наконечникам копий (дротиков) свойственны близкая, как правило, конфигурация пера – листовидная или сходная с максимальным расширением ближе к втулке, а также (в той или иной мере) «слепая» втулка (Черных 1970: 53, 76, 118; 54, рис. 45: 3, 11–20; 55, рис. 46: 5, 13, 15–26; 90, рис. 65; табл. В, Г; Клочко 2006: 149, 151, 192–194, 197, 251, 253, 256–257, 273, 307–308; 229, рис. 87: 19; 230, рис. 88: 1, 2).

Два подобных ушковых наконечника копий входят в состав Бородинского клада с новационными для Северного Причерноморья металлическими изделиями (Клочко 2006: 139–142, 146–147; 162, рис. 62: 1, 2; 167, рис. 67: 1; Братченко 2006: 296). Если наконечник «с вильчатым стержнем, согласно данным спектрального анализа и типологического сходства, считается импортным из турбинской группы памятников Приуралья» (Рындина, Дегтярёва 2002: 170), то не исключено, что благодаря этому и возможным подобным прецедентам население степей Северного Причерноморья было знакомо с соответствующими новыми традициями и технологиями, применявшимися там, начиная, по крайней мере, с сабатиновского времени (Клочко 2006: 140–141, 147). Альтернативу (Там же: 141–142) для меня конкретизировать пока сложнее.

Два ушковых наконечника копья лобойковско-голоуровского облика входят в состав Брэнештского клада раннесабатиновского времени, найденного в Оргеевском р-не Республики Молдова (Церна, Топал 2013: 194, 197–199; 189, 204, рис. 1: 6; 195, 204, рис. 4: 8, 9; 196, 204, рис. 5: 8, 9; 199, 204, рис. 6: 1) – в ареале культуры Ноуа (Бруяко и др. 2015: 32).

Насколько мне известно, лишь негативом на одной из литейных форм Малокопаневской мастерской представлены ушковые наконечники дротиков сабатиновской культуры, но в данном случае, в отличие от рассмотренных выше экземпляров, перо максимально расширено в средней части, в соответствии с красноаяцкими традициями (Черниенко 2014: 22, 26, 36). Способ изготовления наконечника с ушком мог быть унаследован сабатиновскими мастерами у предков – бабинского населения (Там же: 36). Отнесение голоуровских наконечников копий к продукции, представляющей непосредственные источники формирования сабатиновского металлокомплекса (Дергачёв 2011: 248), вероятно, тоже небесспорно, если иметь в виду ушки и, возможно, «слепые втулки» подобного оружия. В любом случае, эта традиция может в конечном счете восходить к сейминско-турбинской. Считать производившиеся в Малых Копанях наконечники и им подобную продукцию поздними дериватами соответствующих изделий сейминского типа (Бочкарёв 2004: 398) можно разве что в этом смысле и, может быть, в какой-то мере в том, что втулки отливали. Единственный достоверный случай снабжения ушком оружия рассматриваемых категорий известен мне для белозерской культуры (матрица с поселения Дикий Сад). Имеется в виду негатив наконечника дротика с прорезным пером с максимальным расширением ближе к втулке (Горбенко и др. 2009: рис. на стр. 25). В этом контексте я отношусь с осторожностью к тому, что В. С. Бочкарёв,

опираясь в основном на восточные находки, предполагает, что со временем в рамках волго-уральских новаций ушки «переходят в прорези на перо наконечников», к которым тоже крепились подвески, и, таким образом, ушковые наконечники позднесейминского типа трансформировались в прорезные (Бочкарёв 2004: 398, 407; 2012: 199–200). Так, А. М. Лесков, который, правда, не учел ранний, по разделяемому мною мнению В. А. Дергачёва и В.С.Бочкарёва, наконечник копья изклада с поселения Карманово (Дергачёв 2011: 235, 236, 245; 234, рис. 149: 5; Дергачёв, Бочкарёв 2002: 89–90, 98, 99, 300, 301, 325–327, 344; 12, рис. 1; 16–17, рис. 2; Ключко 2006: 194, 251–252), не видит оснований считать, что впервые прорезные наконечники копий возникли в Волго-Уралье (Leskov 1981: 46–47, 64–65). Из самых ранних таких наконечников, более или менее надежно датируемых раннесабатиновским временем, мне известна только названная выше волго-уральская находка, тогда как, исключая более западные подобные наконечники, к упомянутому времени (ср.: Дергачёв 2011: 248; Черных 1976: 147, 156) относится соответствующая литейная форма, найденная на поселении сабаатиновской культуры Златополь (Ключко 2006: 192, 194; 230, рис. 88: 7; Дергачёв 2011: 231, 245; 234, рис. 149: 5–8; 236, рис. 150: 5–8; 248, рис. 157: 73; Сава, Бороффка 2013: 171, 174; 167, рис. 1: 11; 171, рис. 7: 2; https://vk.com/wall-18255875?day=06092013&w=wall-18255875_2302%2Fall; Leskov 1981: 11, 12 ff.; taf. 3, A: 42; Церна, Топал 2013: 194, 197–199; 195, 204, рис. 4: 3, 4; 196, 204, рис. 5: 3, 4; 199, 204, рис. 6: 1, 4, 5, 9, 12, 17; Бочкарёв 2012: 203; 201, рис. 4: 15; ср.: Дергачёв 2011: 235–236; Куштан 2013: 171, 173).

Безушковые наконечники копий с листовидным пером без прорезей с максимальным расширением ближе к втулке «являются типичными для эпохи поздней бронзы карпатского региона» (Сава, Бороффка 2013: 173–174). Не обязательно типологически возводить такие предметы как отлитые, например, в мастерской Бэлэнешть (ранний этап культуры Ноуа), к лобойковско-голоуровским (Дергачёв 2011: 235, 245, 248; 234, рис. 149: 3; 236, рис. 150: 3; 247, рис. 156: 56; 248, рис. 157: 30, 31). Наконечники, изготовленные в названной мастерской, имеют определенное сходство с более ранними ушковыми Бородинскими наконечниками, найденными не слишком далеко от Бэлэнешть. Бородинские артефакты обнаружены в ареале Днепро-Прутской бабинской культуры (культура многоваликовой керамики в традиционном понимании) (Dergasiov 2010: 296, 297, 303, 304), которая считается одним из генетических предков культуры Ноуа (Черниенко 2014: 47, сноски 72, 48, 76, 82–83, 85–87;). Следовательно, можно предположить, что форма наконечников, отливавшихся в Бэлэнешть, была унаследована от Днепро-Прутской бабинской культуры. Не отрицая, таким образом, возможного восхождения рассматриваемой формы наконечников, прежде всего, из восточных районов культуры Ноуа (Там же: 37), к сейминско-турбинским традициям, считаю не менее правдоподобным иное происхождение соответствующих изделий названной культуры: наконечники копий и дротиков без ушек и прорезей с максимальным расширением листовидного пера ближе к втулке «известны в северо-восточной части Венгрии, начиная еще с раннего и среднего периода эпохи бронзы» (Сава, Бороффка 2013: 173–174).

Такие широко распространенные наконечники (Черных 1976: 98, 100), не характерны для сабаатиновской культуры. Из известных мне соответствующих изделий, обнаруженных в ее ареале, раннесабаатиновским временем можно датировать наконечник копья из района Керчи (Клочко 2006: 194; 230, рис. 88: 5), судя по такому хроноиндикатору, как удлинённый остроугольный рельеф на втулке от самого основания (Дергачёв 2011: 235, 245) и наконечник дротика из клада, как будто бы найденного, судя по его составу, в Крыму (https://vk.com/wall-18255875?day=06092013&w=wall-18255875_2302%2Fall).

Для культурной атрибуции этих двух наконечников, определения места и субъектов их производства, а также источника соответствующей традиции недостаточно данных (Клочко 2006: 194; 230, рис. 88: 5). Наконечники дротика и копья соответственно из Никопольского и Новотрояновского кладов связаны с дунайскими типами (Там же: 179).

Наконечники дротиков из Малых Копаней (кроме разве что традиции устройства ушка) и наконечники копий дремайловского типа сабаатиновской культуры с листовидным пером с максимальным расширением в средней части (Klochko 1993: 43, 44, 46; 55, pl. 10: 5), если литые «слепой» втулки этих изделий не сводить только к сейминско-турбинскому импульсу (Клочко 2006: 140–141), скорее всего, не восточного происхождения (Gershkovich 1993: 17–18; Черниенко 2014: 22) (по соответствующую сторону от ареала сабаатиновской культуры такие перья для ранних экземпляров не характерны), а, вероятно, средиземноморского (соответствующие ранние аналогии: Höckmann 1987: 348–354; 346–347, Abb. 91, f; 349, Abb. 92, a, e). Северопричерноморское происхождение наконечников копий красномаяцкого типа в позднесабаатиновское время не должно вызывать сомнений (Leskov 1981: 46, 64).

Таким образом, роль сейминско-турбинского фактора в металлопроизводстве на различных территориях, обычно рассматриваемых в этом контексте, была далеко не равнозначной и даже не везде несомненной.

Бочкарёв 2004 – *Бочкарёв В. С.* О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: текстив и мыслитель: Сб. ст., посвящ. 77-летию Л. С. Клейна. СПб., 2004. С. 385–408.

Бочкарёв 2012 – *Бочкарёв В. С.* К вопросу об использовании серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 194–214.

Братченко 2006 – *Братченко С. Н.* Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. 2006. Вип. 6. С. 32–310.

Бруяко и др. 2015 – *Бруяко И., Киосак Д., Черниенко Ю.* О некоторых типах украшений эпохи средней – поздней бронзы юга Восточной Европы // *Revista Arheologică*. S.N. 2015. Vol. XI, nr. 1–2. S. 27–46.

Горбенко и др. 2009 – *Горбенко К. В., Гребенников Ю. С., Смирнов А. И.* Степная Троя Николаевщины: Очерк. Николаев, 2009.

Гошко 2007 – *Гошко Т. Ю.* Металлообработка у населения Правобережної Лісостепової України за доби пізньої бронзи: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2007.

Дергачёв 2011 – *Дергачёв В. А.* Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 2. Кишинэу, 2011.

Дергачёв, Бочкарёв 2002 – *Дергачёв В. А., Бочкарёв В. С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев, 2002.

Клочко 2006 – *Клочко В. І.* Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р. Х.). Київ, 2006.

Клочко, Козыменко 2011 – *Клочко В. И., Козыменко А. В.* Наш недавний бронзовый век. Киев, 2011.

Клюшинцев 1995 – *Клюшинцев В. Н.* Поселения земледельцев и скотоводов позднего бронзового века Гранитно-Степного Побужья. Киев; Южноукраинск, 1995.

Кривцова-Гракова 1955 – *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М., 1955 (МИА. № 46).

Куштан 2013 – *Куштан Д. П.* Південь Лісостепоного Подніпров'я за доби пізньої бронзи. Донецьк, 2013 (Археологічний альманах. № 29).

Рындина, Дегтярёва 2002 – *Рындина Н. В., Дегтярёва А. Д.* Энеолит и бронзовый век: Учебное пособие по курсу «Основы археологии». М., 2002.

Сава, Бороффа 2013 – *Сава Е., Бороффа Н.* Новые находки бронзовых предметов эпохи поздней бронзы в Пруто-Днестровском междуречье // *Revista Arheologică. S.N. 2013. Vol. IX, nr. 1. S. 166–187.*

Церна, Топал 2013 – *Церна С., Топал Д.* Два новых клада и единичные находки металлических изделий эпохи бронзы – раннего гальштатта с территории Республики Молдова // *Tyragetia. Arheologie. Istorie Antică. 2013. S.N. Vol. VII [XXII], nr. 1. S. 189–204.*

Черниенко 2014 – *Черниенко Ю. А.* Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы // *Stratum plus. 2014. № 2. С. 15-112.*

Черных 1970 – *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970 (МИА. № 172).

Черных 1976 – *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.

Черных 1978 – *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // *СА. 1978. № 4. С. 53–82.*

Шидловський та ін. 2016 – *Шидловський П. С., Лисенко С. Д., Кириленко О. С., Соколу А. А., Пічкур С. В.* Первісна археологія Нижнього Подесення. Київ; Ніжин, 2016.

Dergaciov 2010 – *Dergaciov V.* Evoluția comunităților Patriarhale. Epoca bronzului // *Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V). Cap. 4. Chișinău, 2010. S. 265–312.*

Dergačev 2002 – *Dergačev V.* Die äneolithischen und bronzzeitlichen Metallfunde aus Moldavien. Stuttgart, 2002 (PB. Ab. XX. Bd. 9).

Gershkovich 1993 – *Gershkovich Ya. P.* On the eastern boundary of the Noua-Sabatinovka-Coslogeni Cultural Complex // *Culture et civilization au bas Danube. 1993. Vol. X. P. 15–22.*

Grigoriev 2002 – *Grigoriev S. A.* Ancient Indo-Europeans. Chelyabinsk, 2002.

Höckmann 1987 – *Höckmann O.* Lanzen und Speere der Ägäischen Bronzezeit und des Übergangs zur Eisenzeit // *Ägäische Bronzezeit. Darmstadt, 1987. S. 329–358.*

https://vk.com/wall-18255875?day=06092013&w=wall-18255875_2302%2Fall – Приглашаем в археологическую экспедицию // *Новости археологии. 6 сен. 2013.* https://vk.com/wall-18255875?day=06092013&w=wall-18255875_2302%2Fall.

Klochko 1993 – *Klochko V.* Weapons of the tribes of the Sabatinovka culture // *Culture et Civilization au Bas Danube. 1993. Vol. X. P. 43–55.*

Leskov 1981 – *Leskov A. M.* Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I (Depots mit einheimischen Formen). München, 1981 (PB. Ab. XX. Bd. 5).

К. В. Горбенко

Укрепленное поселение Дикий Сад в контексте древностей финальной бронзы Северо-Западного Причерноморья

В конце II тыс. до н. э. в степях Северо-Западного Причерноморья обитали земледельческо-скотоводческие племена белозерской археологической культуры. Многолетние раскопки оставленных ими памятников позволили зафиксировать сотни поселений, накопить многочисленные артефакты, реконструировать хозяйство и быт этого населения.

Среди белозерских памятников Северо-Западного Причерноморья следует выделить укрепленное поселение Дикий Сад, которое на сегодняшний день является наиболее исследованным объектом, как по площади (более 60 %), так и по набору предметов материальной культуры.

Названный памятник располагается при слиянии р. Ингул и Южный Буг (центральная часть современного г. Николаев) на ровном плато мыса с обрывистыми склонами. Со стороны степи плато было защищено оврагами и двумя искусственными рвами между ними. Время существования поселения (по радиоуглеродным датам) укладывается в диапазон $1186 \pm 80 - 925 \pm 50$ гг. до н. э.

Общая площадь сохранившейся территории памятника составляет более 4 га. Конструктивно Дикий Сад состоял из трех условных частей – «цитадели», огражденной рвом; «предместья», защищенного внешним рвом; и «посада», располагавшегося за внешним рвом (рис. 1а).

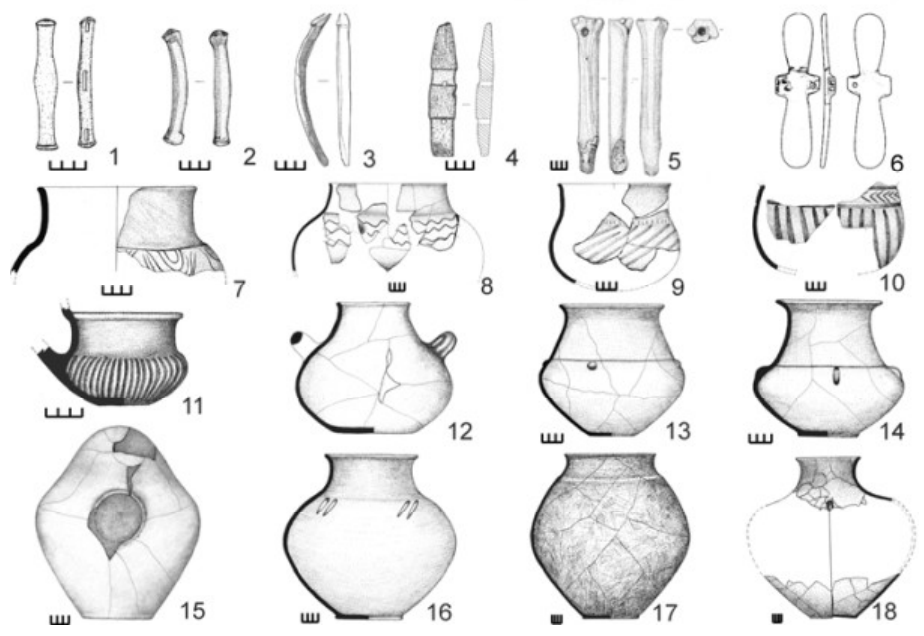
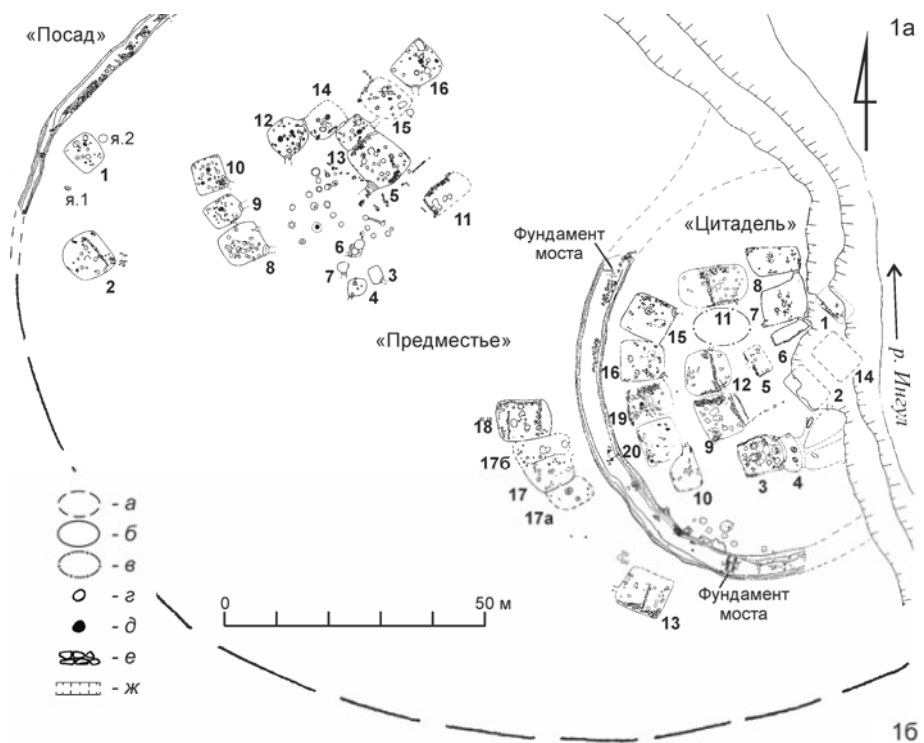
На укрепленной части поселения исследованы жилые, хозяйственные и ритуально-культовые объекты. Сооружения располагались рядами вдоль р. Ингул и практически примыкали друг к другу, создавая единый архитектурный комплекс.

Анализ материальных предметов позволяет выделить основные виды деятельности жителей городища, характер экономических и культурных связей, определить хронологические рамки и основные этапы существования памятника. Кроме того, вполне возможно поставить вопрос об этнополитической ситуации в регионе в период глобальных климатических, экологических, а отсюда и хозяйственных изменений, происшедших в финале бронзового века.

Комплекс керамики поселения включает корчаги, кубки, вазы, черпаки, миски, горшки. Посуда украшена разнообразными мотивами (прочерченные линии, вдавливания, валики, каннелюры).

Рис. 1. Укрепленное поселение Дикий Сад: 1а – план (а – границы поселения; б – контуры помещений; в – контуры центральной площадки; г – ямы; д – кострища; е – каменные кладки; ж – ров); 1б – артефакты (1–6 – предметы из рога и кости; 7–18 – керамика)

Наиболее четко региональные связи прослеживаются на группе «корчаги» (сосуд больший, чем горшок, но меньший, чем «пифось»), т. е. керамические бочки, сосуды тарного типа, присущие южным, более урожайным регионам). В Диком Саде пифосы с успехом заменены различными ямами в полу помещений под навесами. В коллекции керамики рассматриваемого памятника представлены два основных типа корчаг: широкогорлые (известны единичные экземпляры – рис. 16, 17), и узкогорлые с широким, почти шарообразным туловом (рис. 16, 18), схожие с подобным типом посуды восточных (срубных?) регионов. Последние имеют аналогии в более раннем периоде культуры Северо-Западного Причерноморья. Скорее всего, на позднем этапе существования поселения появляются высокогорлые каннелированные сосуды центрально-европейского типа периода НаА1. К этому же кругу посуды относится большинство мисок и сосудов с налетами (рис. 16, 13, 14, 16), а также некоторые вазы, кубки и черпаки открытого типа с волнистыми линиями и каннелюрами (рис. 16, 7–11).

Найдены также сосуды местного производства, но изготовленные с использованием лекала, снятого явно с импортных образцов, характерных, прежде всего, для ряда культур Балканского региона и Прибалтики. Образцами такого подражания (или прямого импорта) являются необычный сосуд, вероятно погребальная урна (рис. 16, 15) и горшок с горизонтальными ручками (рис. 16, 12).

Технологические особенности изготовления керамики не дают дополнительных возможностей для выявления контактов с сопредельными регионами. Лишь примесь слюды, обнаруженная в некоторых фрагментах сосудов, может, видимо, свидетельствовать об импорте из Трансильвании, где слюда является одним из компонентов керамического теста.

Металлические изделия Дикого Сада насчитывают 72 предмета (кинжалы, ножи, шилья, рыболовные крючки, булавки, кованый котел, топоры-кельты, наконечник дротика, серьги, браслеты, пронизи, булавки, бронзовые бляшки). Бронзовый нож и бляшка имеют прямые аналогии в материалах Карпатского региона. Кельты происходят из восточного и западного регионов Причерноморья (типы Кардашинка, Негрешти/Negrëști, Руджиноаса/Ruginosa)

В коллекции находок многочисленны изделия из камня (более 150 предметов). Это куранты, зернотерки, наковальни, литейные формы, грузики для ткацких станков, фаллические предметы. Предметы изготовлены либо из местных пород, которые добывали в долинах р. Южный Буг и Ингул, либо из пород, доставленных из других регионов (Южные Карпаты, Малая Азия, Средиземноморье). По данным трасологического анализа эти изделия служили инструментами для обработки дерева, зерна, металла и другого сырья.

Изделия из кости и рога (более 120 предметов) относятся к местным типам и, вероятнее всего, изготавливались в местных мастерских. Среди них представлены псалии и пластина для ременной узды (рис. 16, 1, 2, 6), «коньки» (рис. 16, 5), тупики, рукоятки для шильев и т. д. Впервые найден такелажный инструмент – «свайка» (рис. 16, 3) и приспособление для кручения канатов

(рис. 1б, 4). Появление новых типов изделий (псалии, пластина для ременной узды, такелажный инструмент) предполагает и возникновение технологических инноваций. Местное изготовление псалиев показывает полностью выявленный технологический процесс производства от заготовки до готового изделия.

Об определенных связях свидетельствуют и артефакты, не являющиеся предметами обмена-торговли. Это камень малоазийского (эгейского) происхождения, попавший в регион в виде балласта кораблей; кости дельфина – остатки пищи моряков во время плавания; косточки сушеного винограда, которые также могли быть пищей моряков или предметом торговли. О миграции носителей, а не технологий, свидетельствуют и захоронения черепов в культовых ямах.

Можно поставить вопрос и о миграции мастеров-домостроителей, владевших технологией возведения оборонительных сооружений и глинобитных стен на каменных фундаментах с постелисто-ложковой системой кладки, ранее неизвестной в регионе.

Большинство углубленных сооружений поселения Дикий Сад были жилищами (4,0–6,0 × 7,0–8,0 × 0,8–1,1 м). Они имели прямоугольную форму с овальными углами. В них сохранились каменные кладки (цокольные конструкции и облицовки). Наземные конструкции использовали в качестве загонов для скота или хранилищ. Их стены были сложены из местного известняка в один ряд, от двух до пяти слоев с элементами перевязки. На уровне пола этих помещений находились хозяйственные, ритуальные и столбовые ямы, а также открытые очаги.

Культовые комплексы «цитадели» городища представляли собой углубленные конструкции с глинобитными стенами и их каменными основаниями (облицовка и цоколи). На уровне пола этих сооружений находились ритуальные ямы, которые были преднамеренно засыпаны чистым грунтом и иногда содержали захоронение черепа человека без нижней челюсти, панцири черепашек, кости животных, керамические сосуды и мелкие «гадательные» камни. Большинство таких ям были перекрыты кострищами. Наиболее ранний культово-ритуальный комплекс состоял из овального помещения с двумя большими кострищами по обеим сторонам от входа и специально вырезанным в склоне пандусом шириной около 1 м. Угол наклона пандуса составлял около 30°, а его длинная ось была направлена на летний восход солнца (рис. 1а).

Оборонительные укрепления Дикого Сада состояли из двух рвов. Центральный ров, окружавший «цитадель», имел каменную облицовку внутреннего склона и каменные фундаменты для перекидных мостов. Внешний ров с каменным фундаментом стены ограждал практически все поселение.

К началу освоения территории городища относятся помещение с «пандусом» и нижний культурный слой внешнего рва. Керамический материал из этих объектов также типологически более ранний.

Второй (основной) этап обживания поселения представлен уже сложившейся планировкой городского поселения («цитадель», «предместье», «посад» за внешним рвом), а также культовые, административные и ремесленные сооружения.

Контакты жителей региона с населением окружающих территорий прослеживаются в особенностях планировки (соединение местных и пришлых архитектурных традиций, особенно в сфере фортификации); в синкретичном характере глиняной посуды, которая имеет аналогии среди культур Эгейского и Балканского круга; в предметах, изготовленных из малоазийских и центрально-европейских пород камня; в наличии зерен культурного винограда (виноград обитатели Дикого Сада могли получать только с Балкан); в бронзовых предметах, изготовленных из сырья, которое происходит из Карпатского и Дунайского регионов.

Опираясь на весь комплекс археологических материалов поселения Дикий Сад, можно утверждать, что на протяжении XII–XI вв. до н. э. оно являлось одним из экономических, культурных, религиозных и политических центров Юго-Восточной Европы.

Р. А. Козленко

Ритуальная практика населения городища Дикий Сад

Городище эпохи финальной бронзы Дикий Сад (конец XIII/XII–XI/X вв. до н. э.) располагается в центре современного г. Николаев (Украина), занимая высокую террасу левого берега нижнего течения р. Ингул у слияния его с Южным Бугом. В плане памятник вытянут по оси СЗ–ЮВ. Общая площадь укрепленного поселения, включая «цитадель», «предместье» и «посад», составляет более 4 га.

Свыше 20 лет на городище проводятся систематические раскопки, в ходе которых были исследованы жилищные, хозяйственные, культовые и оборонительные сооружения; накоплены тысячи артефактов (керамическая посуда, бронзовые, костяные и каменные предметы).

Одной из мало исследованных тем, связанных с изучением данного памятника является ритуальная сфера деятельности обитавшего здесь населения, и, следовательно, белозерской культуры, к которой относят поселение Дикий Сад.

В 1994 г. на «цитадели» городища был исследован, не имеющий аналогов среди синхронных памятников Причерноморья, храмовый комплекс, состоящий из помещений 3 и 4. Помещение 3 (7 × 3 м) оборудовано утрамбованным костями рыб и черепах пандусом длиной 9 м, который ориентирован на летний восход солнца (Горбенко 2001: 339). На пандусе был найден скелет человека без черепа. В центре помещения 4 (9,5 × 8,4 м) располагалось 12 ям, большинство из которых перекрывали кострища. В яме № 1 зафиксирован череп человека без нижней челюсти и панцирь черепахи (Гребенников 1994: 28; Гребенников, Горбенко 1996), а в заполнении, кроме развалов посуды, найдена курильница (рис. 1, 32).

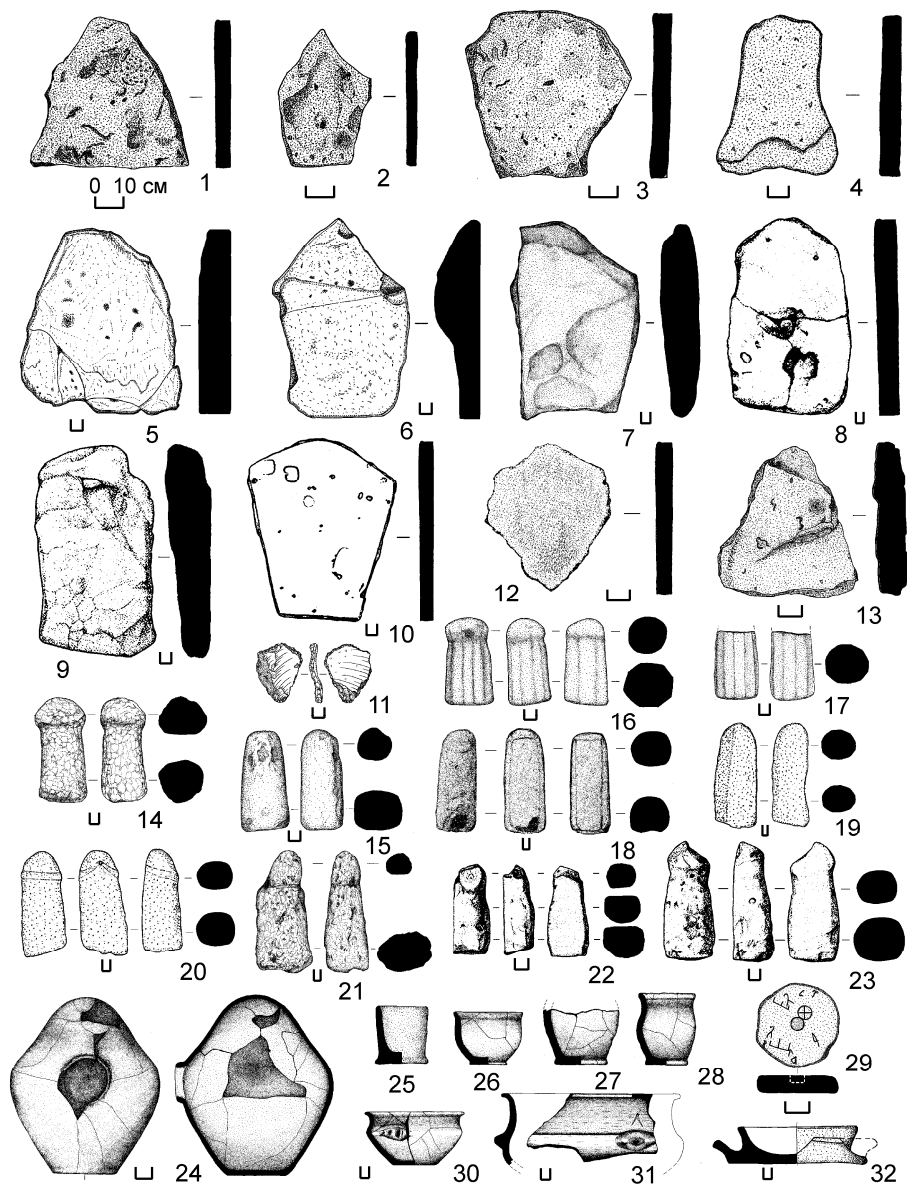

Рис. 1. Поселение Дикий сад, ритуальные находки

Распространенный на поселении культ черепахи (тотем?) представлен пятью ритуальными захоронениями, обнаруженными на дне глубоких ям (до 2,2 м), которые заполнены бутовым мелким и средним бутовым камнем. Культ

черепашки как символа солнца и луны известен у разных народов (Штернберг 1936: 283, 286, 500). Расположение городища возле двух водных артерий, где водились данные животные, видимо, обусловило их почитание местным населением. Учитывая интерпретацию помещений 3 и 4 как храмового комплекса с ярко выраженной солярной спецификой и глубину ям, на дне которых зафиксированы остатки черепашек (Гребенников 2000; Grebennikov 1996: 394), их культ подтверждает свою хтоническую сущность и связь с поклонением солнцу и огню.

В нижнем заполнении помещения 4 была найдена миниатюрная кремневая стела (5×4 см; рис. 1, 11). Традиция использования кремня в ритуалах эпохи финальной бронзы известна в Северном Причерноморье (Разумов 2005), поэтому связанный с культовым комплексом образец с четким антропоморфным контуром также представляется неординарным.

Кроме этого, в яме № 5 (помещение 4) был обнаружен керамический кружок диаметром 3,4 см и толщиной 0,7 см с несквозным центральным отверстием. На изделие черной краской нанесены знаки, которые напоминают символы критской линейной письменности Б (рис. 1, 29). Предварительный спектральный анализ подтвердил, что символы на кружок нанесены неизвестной краской искусственного происхождения. Восемь из примерно пятнадцати прочитанных на нем символов, видимо, являются знаками дробно-весовой системы, применяющейся в ойкумене крито-микенской культуры. Не исключено словесное значение остальных символов (Козленко 2015).

Среди предметов, имеющих отношение к ритуальной практике населения, выделяются каменные антропоморфные стелы (рис. 1, 1–10, 12–13, 21–23). Они располагались в центре помещений 13 и 20, а также в подбоях отдельных ям, заполнение которых свидетельствует об их культовом назначении. Стелы уложены по сторонам света. Почитание усопших и богов в виде каменных идолов зафиксировано как в белозерской (Бураков 1961: 39; Ванчугов и др. 1991: 27), так и других степных культурах (Новицкий 1990). В помещении 20 (“цитадель” поселения) в подбоях ям найдены три антропоморфные стелы (рис. 1, 1, 3, 12), а на поверхности строения выявлены еще три изваяния (рис. 1, 2, 4, 13), которые были поставлены на ребро возле центрального столба. Вокруг стел зафиксирован глиняный наплыв, который позволяет предположить, что в центре помещения находился небольшой алтарь с глиняной оградкой, в которой были установлены каменные изваяния. С ними было связано жертвенное приношение – миниатюрная ангобированная чашечка с упором (рис. 1, 30), фрагменты которой обнаружены под стелами. Такая насыщенность антропоморфных изваяний в расположенном возле храмового комплекса помещении, а также находка в этом строении фрагмента вазы с граффито (рис. 1, 31) в виде символа, который несколько раз повторяется на вышеупомянутом керамическом диске, позволяет рассматривать помещение 20 как культовое.

Кроме votивного подношения в виде чашечки, на городище известны еще четыре небольших керамических сосудика (рис. 1, 25–28), причем три из них (рис. 1, 26–28) были уложены вплотную друг к другу в виде керна под кострищем, обнаруженном в центре помещения 19.

Закладка фундаментов строений также сопровождалась ритуалами, о чем свидетельствуют находки в виде половины керамического горшка под основаниями помещений 18 и 19. Аналогии такому обряду прослежены в это же время и в степном Побужье (Елисеев 1997). Эта практика существовала позднее и в других регионах Евразии (Формозов 1984).

Распространение на поселения Дикий Сад фаллического культа (рис. 1, 14–20) является уникальным феноменом для памятников финальной бронзы Северного Причерноморья. Тщательно обработанные песты из камня, которые могли использовать для растирания, можно соотнести с культом плодородия. Ближайшие аналогии стелам и фаллосам, выявленным на городище Дикий Сад, имеются на Балканах и в слоях Трои эпохи бронзы (Schliemann 1881: 276, 452).

Особое место в обрядовой практике обитателей рассматриваемого поселения занимали черепа человека. В ямах, связанных с жилыми и культовыми помещениями, зафиксировано семь захоронений как мужских, так и женских черепов. Нестандартными являются два обложенные камнями погребения черепов, которые находились на дне внутреннего рва, у каменных фундаментов мостов. Мужской череп был помещен в яму храмового комплекса (помещение 4) на «цитадели» городища. Учитывая предназначение строения эта находка свидетельствует о сложных ритуалах. Уникальный комплекс, исследованный в яме на предместье памятника, включал три черепа, ориентированных лицевыми частями на З, С и В, под которыми лежал оссуарий (рис. 1, 24), вероятно с прахом погребенных. Аналогии данному оссуарию и всему обряду имеются в культуре полей погребальных урн и фракийском гальштатте (Смирнова 1988: 50).

О широких контактах племен белозерской культуры, и, в частности, обитателей городища Дикий Сад, свидетельствуют найденный на поселении камень малоазийского происхождения, а также керамика и принципы домостроительства у степных причерноморских племен на памятниках Нижнего Дуная и у жителей Трои периода VIIb (Мелюкова 1975: 62; Черняков 1985: 145–150; László 2012: 57).

Бураков 1961 – *Бураков А. В.* Поселення епохи бронзи біля с. Зміївки // Археологічні пам'ятки. Київ, 1961. Т. X. С. 26–39.

Ванчугов и др. 1991 – *Ванчугов В. П., Загинайло А. Г., Кушнир В. Г., Петренко В. Г.* Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1991.

Горбенко 2001 – *Горбенко К. В.* Ритуально-культовые сооружения поселения Дикий Сад в контексте этнокультурных связей населения Степного Побужья эпохи финальной бронзы // Научные труды Московского гос. пед. университета. Серия: социально-исторические науки. 2001. С. 338–343.

Гребенников 1994 – *Гребенников Ю. С.* Культовое помещение на поселении Дикий Сад // Древнее Причерноморье. Одесса, 1994. С. 26–29.

Гребенников 2000 – *Гребенников Ю. С.* К вопросу о фрако-киммерийских связях // Археологічні дослідження в Україні, в 1994–1996 роках. Київ, 2000. С. 29–30.

Гребенников, Горбенко 1996 – *Гребенников Ю. С., Горбенко К. В.* Исследования культового комплекса на поселении Дикий Сад // Краткие сообщения Одесского археологического общества, Одесса, 1996. С. 49.

Елисеев 1997 – *Елисеев В. Ф.* Следы культовой обрядности в жилищах эпохи поздней бронзы Степного Побужья // Новые страницы древней истории Украины. Николаев, 1997. С. 44–46.

Козленко 2015 – *Козленко Р. О.* Знаки лінійної писемності на керамічному кружку з городища Дикий Сад // Проблеми вивчення та охорони пам'яток первісного мистецтва півдня Європи (кам'яний вік – епоха бронзи). Запоріжжя, 2015. С. 42–47.

Мелюкова 1975 – *Мелюкова А. И.* Итоги и задачи изучения взаимосвязей киммерийских и скифских племен с фракийцами в советской науке // *Studia Thracica*. I. Фрако-скифские культурные связи. София, 1975. С. 54–68.

Новицкий 1990 – *Новицкий Е. Ю.* Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 1990.

Разумов 2005 – *Разумов С. Н.* Использование кремня в ритуальной практике (по материалам бронзового и раннего железного века Северного Причерноморья) // Археоминералогия и ранняя история минералогии. Сыктывкар, 2005. С. 54–56.

Смирнова 1988 – *Смирнова Г. И.* Культурно-исторические взаимодействия Днестро-Сиретского междуречья и Балканского Подунавья на рубеже II–I тыс. до н. э. // Анτική балканистика. Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. М., 1988. С. 50–51.

Формозов 1984 – *Формозов А. А.* Строительные жертвы на поселениях в жилищах эпохи раннего железа // СА. 1984. № 4. С. 238–241.

Черняков 1985 – *Черняков И. Т.* Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. Киев, 1985.

Штернберг 1936 – *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

Grebennikov 1996 – *Grebennikov Y. S.* Connections of the steppe's southern Bug river region of the northern coasts of the Black Sea with the eastern Hallstatt region // *The Thracian world at the crossroads of civilizations*. Bucharest, 1996. P. 393–394.

László 2012 – *László A.* Troy and the Lower Danube region at the end of the Late Bronze age // *Archaeology and Heinrich Schliemann. A Century after his Death. Assessments and Prospects. Myth – History – Science*. Athens, 2012. P. 50–60.

Schliemann 1881 – *Schliemann H.* Ilios. The City and Country of the Trojans. The Results of Researches and Discoveries on the Site of Troy and Throughout the Troad in the Years 1871–72–73–78–79. With Maps, Plans, and About 1800 Illustrations. New York, 1881.

С. М. Агульников

Контакты культур позднего бронзового века Северо-Западного Причерноморья

В позднем бронзовом веке в степях Северного и Северо-Западного Причерноморья от низовий Дуная на западе до приазовских степей и Нижнего Дона на востоке были распространены памятники двух культур: сабагиновской и белозерской. Их ареалы, расположенные на западной окраине Евразийских степей в непосредственном соседстве с балкано-дунайским земледельческим миром, на перекрестке древнейших торговых путей, предопределили своеобразие указанных памятников, которое заключается в синкретизме материальной культуры финального бронзового века Северо-Западного Причерноморья.

Носители сабаатиновской культуры, обитавшие в Пруто-Днестровском междуречье, имели разнообразные контакты со своими соседями, в первую очередь, с населением, оставившим памятники родственного блока культур Ноуа–Кослоджень, а также с племенами, занимавшими восточную часть сабаатиновского ареала.

Массовый археологический материал, обнаруженный на сабаатиновских поселениях, представлен керамикой. Ряд форм грубых кухонных сосудов, характерных для памятников степной зоны междуречья Днестра и Дуная, составляют представительную часть посуды таких поселений Нижнего Подунавья (культура Кослоджень) как Улму, Султана, Градиштя-Кослоджень (Morintz 1978: 56–67). Эта, преимущественно баночная и горшковидная керамика с валиковой орнаментацией преобладает на поселениях культур Ноуа и Кослоджень. В свою очередь парадные сосуды – чаши и черпаки с петлевидными вертикальными ручками, а также разного рода кубки и корчаги из Нижнего Подунавья, проникают далеко на восток, до Приазовья включительно. Балканские традиции представлены на сабаатиновской посуде тщательной обработкой поверхности, украшенной разнообразными налепами и каннелюрами. Эти черты декорирования характерны для керамики более ранних культур среднего бронзового века Монтеору, Тей и Вербичора. В свою очередь, древности срубно-сабаатиновского типа проникают на территорию Пруто-Сиретского междуречья в Мунтению и Олтению. Они отмечены на поселениях Холбока, Балдовинешть, Стойкань, Брэилица (Florescu 1991: 379–381). Речь идет преимущественно о различных сосудах сабаатиновской культуры, формы посуды которой проникают на территорию Добруджи, где они отмечены на ряде памятников культуры Кослоджень. Керамические формы и виды их орнаментации, свойственные позднебронзовым культурам Нижнего Подунавья, фиксируются даже на восточной окраине ареала сабаатиновской культуры, в Приазовье (Гершкович 1997: 125–145) и на Нижнем Дону (Потапов 2005). Это лощеные черпаки и вазы с вертикальными петлевидными ручками, имевшие примесь толченого графита в тесте. Изучение посуды поселений сабаатиновской культуры в междуречье Днестра и Дуная показало её близость глиняным сосудам культур Монтеору (поздняя фаза Ib) и Кослоджень (Молога, Красная Коса, Новоселица). На поселении Дуранкулак (культура Кослоджень, Северо-Восточная Добруджа), выявлены аналогичные сабаатиновским жилища с каменным фундаментом (Тодорова 1987: 51–53). Вместе с тем связь сабаатиновской и срубной культур может рассматриваться как проблема контактов двух культурно-исторических общностей, одна из которых – бережновско-маёвская срубная культура, всецело связана со степными культурами Евразии, а другая, сабаатиновская – с причерноморскими культурами – культура многоваликовой керамики, Монтеору, Ноуа, Кослоджень (Черняков 1997).

Немаловажную роль в межкультурных связях сабаатиновской культуры играли бронзовые изделия. Картографирование их кладов позволило наметить речные и сухопутные торговые пути, ведущие из Нижнего Подунавья в низовья Днепра, где были найдены Журавлинский, Добрянский, Новогригорьевский,

Красномаяцкий и другие клады (Субботін, Черняков 1982: 20–21). Носители сабастиновской культуры Пруто-Днестровского междуречья были вынуждены импортировать рудное сырье, ряд готовых металлических изделий, различные украшения из бронзы и камня. Возможно, в обратном направлении экспортировали продукты сельского хозяйства.

Л. В. Субботин и И. Т. Черняков, картографируя находки кладов и бронзовых изделий западного происхождения, пытались проследить маршрут основного торгового пути через Северо-Западное Причерноморье. Он начинался на территории нынешнего Ренийского р-на Одесской обл. Украины между пунктами Исакча – Картал (Орловка) и Новосельское (Сатул-Ной). У современного г. Болград путь пересекал р. Ялпуг и шел в обход Причерноморских лиманов к дельте Нижнего Днестра на участок Паланка-Маяки, где выявлены древние переправы. Далее, вдоль устья рек Южный Буг и Ингул, торговый путь был ориентирован на Нижнее Поднепровье, Северное Приазовье и Крымский п-ов. К югу от данного маршрута, в Днестро-Дунайском междуречье, располагался ряд поселений сабастиновской культуры – Болград, Суворово, Мирное, Струмок, Красная Коса и ряд других (Там же). В обратном направлении, вероятно, тем же маршрутом, происходило движение кавказского импорта металлических изделий в Северо-Западное Причерноморье.

Производственная деятельность литейщиков белозерской культуры фиксируется находками литейных форм, показывающих, что в степях Северного Причерноморья появляются центры по обработке и изготовлению бронзовых изделий, тяготеющие к Нижнему Поднепровью. На Правобережье Днепра функционировали Кардашинские мастерские, на Левобережье – Завадовская. Вместе с тем продолжают функционировать центры, сохранявшие сабастиновские производственные традиции (Новоалександровская мастерская). В белозерское время бытуют изделия красномаяцкого типа, проникающие далеко на запад. Из Нижнего Поднепровья ряд металлических предметов попадает в Пруто-Днестровское междуречье, о чем свидетельствует серия кладов и отдельных изделий, обнаруженных на поселениях и в погребениях (Дергачёв 1975: 28, 55; Dergacev 2002: 128–129, 132).

Металлургическая продукция поступала в Пруто-Днестровское междуречье не только из литейных мастерских Нижнего Поднепровья и Карпатских центров металлообработки, но и производилась на месте. Об этом свидетельствуют находки литейных форм на поселениях поздней бронзы Молдовы (Dergacev 2002: 128–129). Часть металлических предметов сабастиновской культуры Пруто-Днестровского междуречья являлась импортом. Импорт развивался в двух направлениях. Бронзовые двушпоровые кельты и черешковые двулезвийные ножи попадают в Днестро-Дунайское междуречье из области, где находился Нижнеднепровский очаг металлообработки (Кардашинская, Завадовская и другие мастерские). В свою очередь, бронзовые предметы западного происхождения представлены в степях Северо-Западного Причерноморья артефактами, обнаруженными в захоронениях, кладах, на поселениях и отдельными находками. Отметим клады бронзовых изделий из Новогригорьевки (Tallgren 1926: 156–162, fig. 91) и Старых Траян (Субботін Черняков, 1982: 15–20).

В Пруто-Днестровское междуречье поступали также металлические изделия кавказского происхождения – бронзовые кинжал и секира из клада у Чеболакчи-Викторовки, топоры из Аккермана, Паркан (Дергачёв 1975: 46). Бронзовые изделия восточных типов в раннегалльском ареале концентрируются в основном к востоку от Карпат, причем их наибольшее распространение относится к позднесабатиновскому периоду. По данным спектрального анализа большинство металлических предметов на территории Пруто-Днестровского междуречья и Северо-Западного Причерноморья были выполнены из карпатской бронзы. Если в раннесабатиновское время отмечается активная циркуляция металлических изделий и слитков металла по всей территории Северо-Западного Причерноморья, то на развитом этапе этой культуры ситуация существенно меняется. В результате проникновения раннегалльских культур на западную окраину Причерноморских степей было перекрыто движение импортных металлических изделий из Карпатских центров металлообработки в восточном направлении (Дергачёв 1997: 58). В это же время прекращает функционировать Донецкий горно-металлургический центр, что возможно связано с продвижением племен бондарихинской культуры из лесостепи в южную зону Северного Причерноморья (Отрощенко 1986: 145). Прослеживается определенная закономерность состава кладов. Как правило, они включают литейные формы для производства орудий труда (наборы серпов), украшений и формы для изготовления единичных экземпляров личного оружия, которое брал с собой торговец-посредник (Березанская 1986: 115). Рассматривая продвижение бронзовых изделий по линии Запад – Восток, можно сделать вывод о том, что данные поставщики, судя по оружию, видимо, являлись выходцами из Нижнего Подунавья (Субботин, Черняков 1982: 20–21). Сходство определенных категорий находок от Балкано-Подунавья до Крыма и Приазовья указывает на непосредственные связи населения этих удаленных друг от друга территорий. Кроме сухопутных не исключается и морские торговые пути вдоль Черноморского побережья и по водным артериям Дунайского и Днепровского бассейнов. По данным спектральных анализов большинство бронзовых изделий, найденных на территории Пруто-Днестровского междуречья и Северо-Западного Причерноморья, изготовлено из карпатской бронзы. На рубеже XIII–XII вв. до н. э. в причерноморские степи в значительном количестве поступали бронзовые изделия трансильванско-венгерских типов (в виде готовых изделий, литейных форм и заготовок-полуфабрикатов). В свою очередь предметы из Северного и Северо-Западного Причерноморья распространялись далеко на Запад, вплоть до Трансильвании и Балкан.

Березанская 1986 – *Березанская С. С.* Культура многоваликовой керамики // *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чердиченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1985. С. 5–43.

Гершкович 1997 – *Гершкович Я. П.* Происхождение и эволюция сабатиновского керамического комплекса // *Археологический альманах. Донецк, 1997. № 6.* С. 125–127.

Дергачёв 1975 – *Дергачёв В. А.* Бронзовые предметы XIII–VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1975.

Дергачёв 1997 – *Дергачёв В. А.* Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонттийского региона. Кишинэу, 1997.

Отрощенко 1986 – *Отрощенко В. В.* Белозерская культура // *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Черодниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1985. С. 117–150.

Потапов 2005 – *Потапов В. В.* О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья // II Городцовские чтения: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. М., 2005. С. 138–151.

Субботін, Черняков 1982 – *Субботін Л. В., Черняков І. Т.* Ново-Троянівський скарб та питання обміну металом в добу пізньої бронзи // *Археологія.* 1982. Вип. 39. С. 15–22.

Тодорова 1987 – *Тодорова Х.* Раскопки на Големия остров при Дуранкулак, Толбухински окръг // *Археологически открития и разкопки през 1986.* Разград, 1987. С. 51–53.

Черняков 1997 – *Черняков І. Т.* Сабатиновская культура – Северо-Восточная ойкумена Балкано-Карпатских культур // *Сабатиновская и срубная культуры: Проблемы взаимодействия Востока и Запада в эпоху поздней бронзы.* Киев; Николаев; Южноукраинск. 1997. С. 32–33.

Dergacev 2002 – *Dergačev V.* Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldawien. Stuttgart, 2002 (Prähistorische Bronzefunde Abt. XX, Bd. 9).

Florescu 1991 – *Florescu A.* Repertoriul culturii Noua–Coslodjeni din România, Așezari și necropole. Călărași, 1991 (Cultura și civilizația la Dunărea de Jos. Vol. IX).

Morintz 1978 – *Morintz S.* Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurie. Epoca bronzului în spațiul carpato-balcanic. București, 1978.

Tallgren 1926 – *Tallgren A. M.* La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Helsinki, 1926 (Eurasia Septentrionalis Antiqua. II).

С. М. Агульников, А. Е. Малюкевич

Межплеменные контакты в позднем бронзовом веке на Днестровском лимане (по материалам комплексов у с. Молога)

Многослойный археологический комплекс Молога-II, расположенный в Белгород-Днестровском р-не Одесской обл. Украины, исследуется уже более 30 лет. Памятник находится на правом возвышенном берегу Днестровского лимана, в 0,5 км к С от с. Молога. В состав комплекса входит многослойное поселение, отложения которого датируются от позднего бронзового века до позднего средневековья. Кроме того, у с. Молога имеются древние курганы, три из которых раскопаны в 1990–2004 гг. Наша публикация посвящена комплексам эпохи поздней бронзы, исследованным как в курганах, так и на поселении Молога-II.

В южном секторе кургане 2 у с. Молога выявлено пять захоронений (погр. 9, 25, 55, 59, 117) сабатиновской культуры (Малюкевич, Агульников 2005), образующих здесь небольшой могильник. Аналогичная локализация не раз отмечена для курганов эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Погребения

совершены в овальных ямах, умершие уложены в скорченном положении на боку, с различной ориентировкой. Захоронения 9, 55, 59 не имели инвентаря. В погребении 25 (рис. 1, 4) обнаружены миниатюрная мисочка раннего фракийского облика, с загнутым внутрь краем устья (рис. 1, 5) и баночный прямотенный сосуд (рис. 1, 6). Этот керамический комплекс относится к переходному периоду от сабаатиновской культуры (наличие баночного сосуда) к белозерской (миска с загнутым внутрь краем устья, свойственная ряду раннегальштатских культур Нижнего Подунавья – Пребабадаг, Бабадаг-1, Тэмэоань). В погребении 117 (рис. 1, 1), совершенном в овальной погребальной камере, при скорченном скелете с СВ ориентировкой, найдены горшок с выпуклым туловом, цилиндрической шейкой и отогнутым венчиком (рис. 1, 2) и лощеный черпак с петлевидной ручкой (рис. 1, 3). Подобные черпаки с рукоятками, украшенными нервюрами, присущи керамике культуры Монтеору (фаза Шв), синхронной сабаатиновской культуре, а также культуре Кослоджень на Нижнем Дунае (Morintz 1978: 132, fig. 70–72). Лощеный сероглиняный черпак имеет широкий ряд аналогий и в материалах могильников культур Монтеору и Ноуа. Горшок из погр. 117, орнаментированный налестками в верхней части тулова, характерен для позднесабаатиновского и раннебелозерского времени в Северо-Западном Причерноморье (Ванчугув 1990: 59–66). Керамика, найденная в погребениях сабаатиновского периода, типологически сходна с посудой, выявленной в горизонте поздней бронзы поселения Молога-II, где также известен ряд специфических черт, присущих культуре Кослоджень Нижнего Дуная (Черняков 1984).

Таким образом, связи сабаатиновской культуры с соседними ей культурными образованиями Нижнего Подунавья наглядно зафиксированы в материалах кургана 2 у с. Молога в Днестровском Правобережье, которое в XIII–XII вв. до н. э. являлось контактной зоной для культурно-исторического массива Ноуа – Сабаатиновка – Кослоджень.

В процессе раскопок многослойного поселения Молога-II, а также в ходе изучения могильника первых веков нашей эры у с. Молога встречены керамические и хозяйственные комплексы позднесабаатиновской культуры, что уже отмечалось исследователями (Черняков 1984: 53; Малюкевич 2002: 46).

Рассмотрим один из таких комплексов (яма 21 на поселении Молога), который связан с магическо-ритуальными действиями (рис. 2, б) (Агульников, Малюкевич 2010: рис. 2). В этой яме выявлены остатки тризны, основу которой составляло скопление керамики, представленное фрагментами как минимум 12 сосудов. В западном секторе ямы отмечено скопление 16 специфических глиняных изделий – небрежно вылепленных глиняных вотивных хлебцах и лепешках различных форм. Эта группа артефактов была перекрыта глиняной стилизованной антропоморфной статуэткой (Агульников, Малюкевич 2010: 151–152).

Керамический материал из ямы 21 включает условно столовую и условно кухонную посуду. К первой группе можно отнести фрагмент ручки с умбонном-навершием от чаши или черпака (рис. 2, 3) и чашу, украшенную валиком (рис. 2, 5).

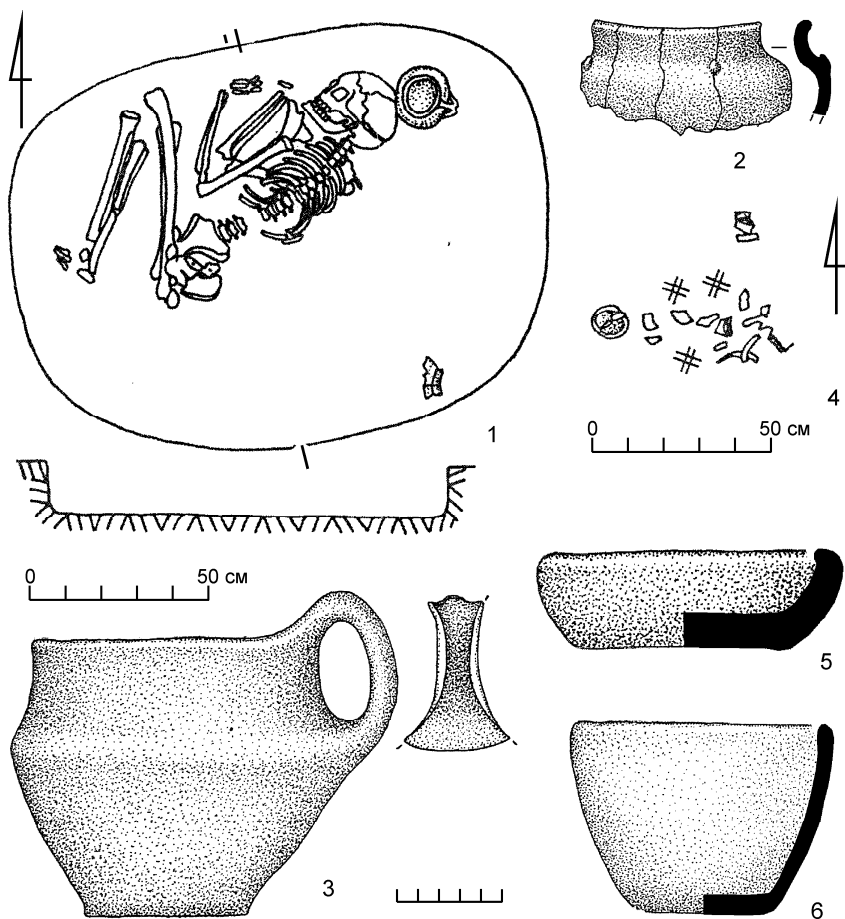

Рис. 1. Молога, курган 2: 1–3 – погр. 117 (1 – план, 2 – горшок, 3 – черпак); 4–6 – погр. 25 (4 – план, 5 – миска, 6 – банковидный сосуд)

Вторая группа включает не менее четырех горшков с валиковой орнаментацией. Это профилированные сосуды, один из которых имеет S-видный профиль (рис. 2, 1), а другой – выделенную цилиндрическую шейку, отделенную от тулова уступом (рис. 2, 2). К этой же группе относятся еще два горшка (рис. 2, 4, 7), причем один из них имеет тюльпановидную форму. Подобные формы и декор свойственны кухонной керамике культуры Кослоджень.

Посуда аналогичных форм и пропорций со сходной орнаментацией отмечена на памятниках позднего бронзового века Нижнего Подунавья-Улму, Султана, Градиштя-Кослоджень (Morintz 1978: 141, fig. 72, 6, 9; 134, fig. 73, 6–8; 137, fig. 75, 7–9). Небольшой биконический сосуд из ямы 21 также имеет аналогии в культуре Кослоджень – поселение Доробанцу на Нижнем Дунае (Florescu 1991: fig. 80A, 9).

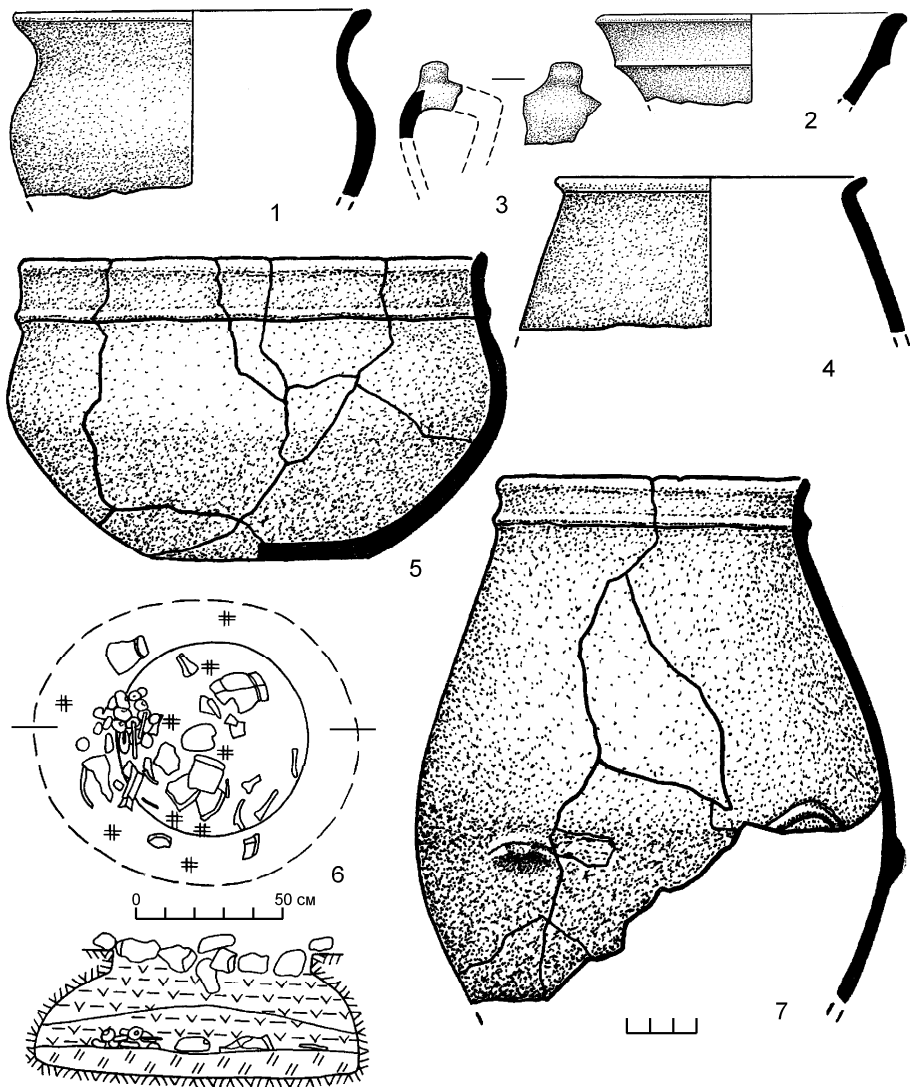

Рис. 2. Поселение Молога-II, культовая яма 21: 1-5, 7 – керамика; 6 – план и профиль ямы

Черпак с ручкой, на которой выполнен налеп в виде кнопки, характерен для поздней фазы культуры Кослоджень. Такие изделия обнаружены на памятнике Лупшану на Нижнем Дунае (Morintz 1978: 141, fig. 80, б). В Днестровско-Дунайском междуречье аналогичное украшение ручек чаш и черпаков представлено в материалах Новоселицкого зольника (Тошев, Черняков 1986: 127, рис. 6, 35, 37, 47). Подобные черпаки или чаши были ранее найдены и на

поселении Молога-II (Черняков 1984: 42). Следует отметить, что кухонные жаровни, свойственные сабатиновскому периоду, часто находят в жилых комплексах (Березанская и др. 1986: 97). Формы кухонной посуды, представленные в рассматриваемом комплексе, встречаются на белозерских памятниках Нижнего Поднестровья, таких как Тудорово (Мелюкова 1961), Чобручи (Агульников, Чеботаренко 1990), Капланы-I Ла-Юрт (Агульников и др. 2009). В целом керамический комплекс из ямы 21 имеет аналогии среди посуды поздних комплексов культур Кослодженъ и Ноуа, а также характерен для переходного этапа от сабатиновской культуры к белозерской (Ванчугов 1990: 55–56, 84) и датируется в пределах XII в. до н. э. (позднесабатиновский–раннебелозерский период).

Находки из ямы 21 имеют, с одной стороны, жертвенно-магический характер, являясь отголоском, пока еще мало изученного земледельческого культа урожая, с другой стороны, наличие в этом комплексе посуды различной культурной принадлежности свидетельствует об активных межплеменных связях в Нижнем Поднестровье в конце II тыс. до н. э.

Агульников, Малюкевич 2010 – *Агульников С. М., Малюкевич А. Е.* Ритуальный комплекс периода поздней бронзы с поселения Молога II в Нижнем Поднестровье // *Revista Arheologica*. S. n. Chişinău, 2010. vol. VI, nr. 1. S. 151–164.

Агульников, Чеботаренко 1990 – *Агульников С. М., Чеботаренко Г. Ф.* Поселение Белозерской культуры в Нижнем Поднестровье // *Археологические работы в Молдавии в 1985 г.* Кишинев, 1990. С. 90–99.

Агульников и др. 2009 – *Агульников С. М., Паша В. И., Попович С. С.* Святылище позднего бронзового века на поселении Ла-Юрт (Кэплань-I) // *ССПК*. 2009. Т. XV. С. 5–13.

Березанская 1986 – *Березанская С. С.* Культура многоваликовой керамики // *Березанская С. С., Отроценко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1985. С. 5–43.

Ванчугов 1990 – *Ванчугов В. П.* Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.

Малюкевич 2002 – *Малюкевич А. Е.* Охранные исследования позднескифской Мологи // *Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр.* Київ, 2002. С. 45–46.

Малюкевич, Агульников 2005 – *Малюкевич А. Е., Агульников С. М.* Раскопки кургана № 2 у с. Молога в Нижнем Поднестровье // *Revista Arheologică*. S.N. 2005. Vol. I, nr. 1. S. 193–212.

Мелюкова 1961 – *Мелюкова А. И.* Работы в Поднестровье в 1961 г. // *КСИА*. 1961. Вып. 64. С. 113–124.

Тощев, Черняков 1986 – *Тощев Г. Н., Черняков И. Т.* Культовые зольники сабатиновской культуры // *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев, 1986. С. 115–138.

Черняков 1984 – *Черняков И. Т.* Керамика позднебронзового века из поселения Молога II // *Новые археологические исследования на Одесчине*. Киев, 1984. С. 48–56.

Florescu 1991 – *Florescu A.* Repertoriul culturii Noua-Coslodjeni din România, Așezări și necropole. Călărași, 1991 (*Cultura și civilizația la Dunărea de Jos*. Vol. IX).

Morintz 1978 – *Morintz S.* Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurie. Epoca bronzului în spațiul carpato-balcanic. București, 1978.

МЕТОДЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В АРХЕОЛОГИИ

Т. О. Галкин

Анализ состава и технологии изготовления керамики поздняяковской культуры (по материалам поселения Покров 1 на Нижней Оке)

В ходе обследования древнего поселения 1 у с. Покров Навашинского р-на Нижегородской обл. (Николаенко 2008: 315) был собран керамический материал, датирующийся финальным этапом поздняяковской культуры. Сведения, содержащиеся в археологической карте Нижегородской обл., отражают состояние памятника на 1970-е – 1980-е гг. В настоящее время поселение почти полностью уничтожено, поскольку дюна, на которой оно находится, сползает в р. Тешу. От поселения остался только небольшой участок (кромка культурного слоя толщиной 10–18 см), ограниченный, с одной стороны, осыпающейся песчаной дюной, а с другой – начинающимся буквально в пяти метрах сосновым бором. По всей сохранившейся поверхности памятника разбросаны фрагменты керамики поздняяковской культуры. Часть их находится прямо в подступающей воде на песчаном дне. Всего здесь был собран 301 фрагмент керамики (26 венчиков, 17 донец, 258 стенок). Ремонтажу подверглись три стенки (по три черепка каждая) и донце из трех фрагментов. Общий вес этих черепков составил 4,902 гр.

Сосуды, по всей вероятности, обожжены на костре (неполный окислительный обжиг). Характерной особенностью этой посуды является ее быстрое размокание в воде, керамика мажется, что связано с ее недостаточным обжигом. Цвет черепка варьирует от серого до рыжего, на разломе фрагмент обычно двухслойный – черный и рыжий.

Все части собранных донец плоские. Внутренняя поверхность сосудов (как донец, так и стенок) заглажена травой (характерные разводы на внутренних сторонах фрагментов). Часть стенок украшена «жемчужным» орнаментом, ногтевидными вдавлениями, прямоугольным и подпрямоугольным штампом. Однако в коллекции преобладают фрагменты гладкостенных сосудов (81 %) с видимыми следами заглаживания травой. Тесто сосудов содержит небольшое количество примесей (толченая раковина, слюда и песчинки). Стенки посуды имеют толщину 0,5–0,7 см, а в придонной части – до 1 см.

Собранную керамику можно разделить на три типа и два подтипа, причем последние выявлены по орнаментации шейки сосуда¹¹.

---

¹¹ Тип обозначен арабской цифрой, а подтип – буквой кириллического алфавита.

Тип 1. Представлен горшками с короткой шейкой и отогнутым наружу краем венчика, украшенным штампом. Ниже края венчика сосуды орнаментированы вдавлениями-«жемчужинами». По классификации А. А. Швецовой (Швецова 2013: 165) это также первый тип. Аналогии подобным сосудам представлены на поселении Кораблино в Рязанском р-не Рязанской обл. (Азаров 2013) и поселении Щербино в Подмосковной Мещере (Кравцов и др. 2014: 46, рис. 12–13).

Тип 2. Сосуды с загнутым венчиком, гладкостенные, с хорошо заглаженной внутренней и наружной поверхностями. Такие сосуды в коллекции преобладают и, учитывая цвет, толщину стенок и состав теста, к этому же типу принадлежит большинство обломков стенок. По орнаментации сосуды типа 2 разделяются на два подтипа: а) – орнаментированные по плечикам вдавлениями-«жемчужинами»; б) – гладкостенные, неорнаментированные.

А. А. Швецова по материалам раскопок В. Ф. Черникова на поселениях Шава 1 и Безводное 1 выделяет такие сосуды в 7 тип – горшки с волнообразной формой горловины, невысокой шейкой и выпуклым венчиком, вогнутым внутрь (Швецова 2013: 165). Аналогии найдены на поселении Дмитриева Слобода под Муромом и отнесены к кухонным котлам (Сидоров 2014: 20; рис. 6, 2, 6, 7), а также на поселении Щербино (Кравцов и др. 2014: 54; рис. 18, 1).

Тип 3 представлен единственным фрагментом изделия, украшенного веревочным штампом (шейка) и «елочным» узором (от основания шейки до плечиков). Венчик орнаментирован веревочным штампом. В классификации А. А. Швецовой сосудов с подобным профилем венчика и аналогичным узором нет. Некоторое сходство с типом 3 (Покров 1) имеет лишь тип 1.1 по классификации А. А. Швецовой – горшки с короткой шейкой и отогнутым наружу краем венчика (Швецова 2015: 364, рис. 1, 1–8).

Для выяснения особенностей керамического производства на поселении Покров 1 было отобрано 8 образцов глиняной посуды. Однако отсутствие проб сырья, взятых на этом памятнике, не позволило установить место производства формовочной массы. В лаборатории Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых для определения минерального и химического состава формовочной массы, определения источников сырья и выявления технологических приемов изготовления был проведен ряд естественнонаучных анализов. Методической основой послужило исследование М. А. Кульковой и М. А. Юшковой керамических материалов эпохи бронзы – раннего железного века Северо-Запада Европейской части России (Кулькова, Юшкова 2008).

Рентгено-спектральный флуоресцентный анализ, проведенный с помощью спектрометра ARL Advant X, позволяет определять количественный поэлементный состав главных породообразующих элементов керамики и глинистых отложений. Прибор также дает возможность рассчитать оксидный состав материала.

Таблица 1

Оксидный состав материала

№ образца оксиды	1	2	3	4	5	6	7	8
SiO ₂	55,91	46,99	64,94	57,44	60,25	64,35	56,30	69,71
Al ₂ O ₃	24,12	22,15	13,55	19,06	18,56	16,88	20,31	15,10
Fe ₂ O ₃	8,40	15,16	10,82	8,68	8,05	6,94	6,37	4,06
P ₂ O ₅	5,89	6,73	4,08	7,19	4,64	3,44	8,70	3,06
K ₂ O	2,00	1,85	2,27	2,43	2,80	2,08	2,08	2,27
TiO ₂	0,912	1,04	1,18	0,997	0,751	0,878	0,817	0,837
CaO	0,779	2,81	0,959	2,12	2,58	1,77	2,55	2,23
MgO	0,773	1,17	0,631	1,28	1,61	2,08	2,00	1,40
Na ₂ O	0,362	0,316	0,587	0,393	0,491	0,442	0,533	0,316
MnO	0,219	0,737	0,313	0,0952	0,065	0,817	0,120	0,145
SO ₃	0,218	0,552	0,174	0,123	0,0367	0,106	0,0572	0,222
BaO	0,114	0,123	0,222	–	–	0,787	–	–
ZrO ₂	0,0591	0,0935	0,106	0,0247	0,0117	0,0754	0,0127	0,0412
ZnO	0,0316	0,0645	0,0144	–	–	0,0632	0,0153	0,0318
Cr ₂ O ₃	0,0269	0,0233	0,0246	0,0201	0,0286	0,0256	0,0221	0,0215

Рентгено-фазовое изучение позволяет проводить качественный и количественный анализ кристаллических фаз в образцах керамики. Работа выполнена на рентгеновском дифрактометре D8 Advance (условия съемки: CuK α – излучение, Ni – фильтр, 40 кВ, 40 мА). Для расшифровки результатов анализа использована международная база данных PDF-2003.

Данный метод, предоставляя возможность детально исследовать зерна минеральных примесей, не дает ответа на вопрос о наличии или отсутствии органической примеси. В целом, результаты анализов, полученных с помощью различных методов, совпали и в чем-то дополнили друг друга. Совпали расчеты по концентрации и описание минеральных примесей, а также их набор (песок, шмот и, по всей видимости, навоз). Выявленные результаты помогут в дальнейшем исследовании другой технологической стадии производства керамики – отбору, добычи и подготовки сырья.

По итогам исследования в поздняковской керамике поселения Покров 1 основными примесями являются песок (SiO₂) и шмот со сложной химической формулой (K_{0.96} Fe_{0.22} Mg_{0.64} Al_{3.45} Si_{7.69} O₂₀(OH)₄×H₂O). В зависимости от образца на третьем месте идет не определимый нами нитрат – Si₁₀H₁N₄O₄, его содержание в образцах 1–8 колеблется от 8,11 % до 10,1 %. Предположительно речь идет о навозе, используемом в формовочной массе в качестве отошителя.

Подобный анализ открывает новые перспективы по изучению формовочной массы, примесей и отошителей, которые жители поселения Покров 1 использовали при производстве керамики. Дальнейшие исследования, в том числе, с привлечением большего количества образцов и взятия проб глин, без сомнения позволят по-новому взглянуть на керамическое производство носителей поздняковской культуры данного микрорегиона.

Азаров 2013 – *Азаров Е. С.* Поселение и грунтовый могильник эпохи поздней бронзы Кораблино // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 182–195.

Кравцов и др. 2014 – *Кравцов А. Е., Азаров Е. С., Бабкина Е. В., Марьенкина Т. А., Модин Р. Н.* Поселение и могильник Щербинино – археологический памятник мезолита – бронзового века и Средневековья в Подмосковной Мещере (некоторые результаты исследования культурного слоя) // Археология Подмосковья. М., 2014. Вып. 11. С. 20–76.

Кулькова, Юшкова 2008 – *Кулькова М. А., Юшкова М. А.* Анализ состава и технологии изготовления керамики эпохи бронзы – раннего железного века из Юго-Восточного Приладжья, Поволховья и Приильменя // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке: Замятнинский сборник. СПб., 2008. Вып. 1. С. 201–219.

Николаенко 2008 – *Николаенко Т. Д.* Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 2. М., 2008.

Швецова 2013 – *Швецова А. А.* Локальные особенности посудной керамики памятников Поздняковской культуры района устья реки Оки // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2013. Вып. 13. С. 161–173.

Швецова 2015 – *Швецова А. А.* Морфологические и орнаментальные особенности керамических комплексов поздняковской культуры бассейна р. Кудьмы // Международная полевая школа в Болгаре. Казань, 2015. Вып. 2. С. 362–369.

**Н. И. Шишлина, А. В. Борисов, О. П. Бачура,
Т. Д. Дятлова, Й. ван дер Плихт**

Сезонная стоянка Кереста раннего железного века юга Русской равнины¹²

Введение. Специфика экономической модели хозяйства кочевников степной и полупустынной зон юга России тысячелетиями определялась естественно-географическими условиями, продуктивностью пастбищ, доступностью воды. При изучении хозяйственных структур культур бронзового века Прикаспия были выделены освоенные пространства – «экологические зоны» (Шишлина 2007). Пока такой участок мог обеспечивать скот кормом, у большей части населения не было необходимости двигаться за стадом, которое ежедневно возвращалось на ночевку в определенное место. Что это было за местообитание человека, насколько оно могло быть долгосрочным, каков был характер экономической деятельности его обитателей – можно определить, изучая поселенческие памятники этого региона. Авторским коллективом разработан и успешно апробирован алгоритм поиска и изучения стоянок эпохи бронзы и раннего железного века (Борисов и др. 2014; Шишлина и др. 2015).

---

¹² Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 15-06-01291а. Приносим благодарность участникам проекта И. И. Идрисову, Е. С. Азарову, Н. В. Росляковой, Н. В. Леоновой, А. В. Батасовой, Э. Р. Ибрагимовой, археоботанику Е. А. Лебедевой, С. В. Севастьянову.

В данной работе на примере местонахождения в балке Кереста, расположенной в районе Сальско-Маньчской гряды, рассмотрен новый тип памятников и обсуждена тестовая модель сезонно-экономического цикла одной из групп, осваивавшей эту территорию в раннем железном веке. В данной модели учитывается потенциальная (оптимальная) осваиваемая хозяйственная зона, продуктивность локальных пастбищ, состав стада, сезонность и продолжительность функционирования.

Полученные данные позволяют оценить роль модельного экологического участка в производственном сезонном экономическом цикле скотоводческого хозяйства подвижного типа определенной группы/групп. Создание таких моделей в будущем и сравнительный анализ результатов позволит оценить общий тип системы жизнеобеспечения носителей культуры в целом.

1.1. Местонахождение в балке Кереста ($46^{\circ}25'10,3''N$, $43^{\circ}30'51,1''E$). Балка Кереста расположена в бассейне р. Маньч. Перепад высот между ее дном и водоразделом достигает 50–80 м. Это глубокая долина с естественными источниками воды, где скорость ветра меньше, а ландшафты разнообразны. Она начинается с выраженного в рельефе пологого понижения. Ширина балки составляет около 10–20 м, глубина достигает 3–4 м. Ниже по тальвегу в балку впадают боковые балки. В регионе снежный покров формируется в третьей декаде ноября. Высота снежного покрова варьирует от 3–8 до 10–12 см.

На дне балки выявлен «свежий» эрозийный врез в виде оврага глубиной до 3 м. Вниз по тальвегу борта вреза выполаживаются и соответствуют уровню надпойменной террасы. В разрезе оврага, на протяжении нескольких сотен метров, на всем участке «свежего» размыва дна балки четко фиксируется горизонт погребенной почвы темно-серого цвета. Верхнюю часть профиля отложений дна балки на глубине 60–70 см занимает современная почва темно-серого цвета мощностью 40–50 см. В районе фиксации древней погребенной почвы, у подножья повышения и в пересохшем русле реки на площадке примерно 50×50 м обнаружены фрагменты керамики, кости животных, два фрагмента пигмента.

1.2. В районе местонахождения на краю склона террасы был заложен тестовый шурф 2×2 м. Его глубина составила 263 см. Находки, преимущественно кости животных ($n=101$), располагались в трех горизонтах, приуроченных к древней погребенной почве. В промывке 20 л грунта из двух горизонтов отсутствуют растительные макро-остатки. На соседнем склоне в 10–12 м от шурфа, на глубине 85 см от поверхности обнаружены уголь и фрагменты обугленных костей животных.

Все определяемые фрагменты костей принадлежат домашним видам: лошади, корове, овце или козе.

1.3. Сезон посещения стоянки был определен на основании характера годовых слоев, которые образуются в зубах животных (Клевезаль 1988). Сезон гибели лошади из слоя 7 пришелся на позднюю осень – зиму, сезон гибели крупного рогатого скота из слоя 12 – на конец осени – начало зимы. Это позволяют предположить, что местонахождение осваивалось в холодное время года.

1.4. ^{14}C датирование кости коровы из пласта 12 шурфа и обожженной кости копытного с соседнего склона (таблица) позволяет отнести стоянку к раннему железному веку и высказать предположение, что этот участок посещался неоднократно на протяжении 100–150 л.

Таблица

Местонахождение Кереста,
результаты ^{14}C АМС-датирования костей животных

Шифр лаборатории	Образец	Радиоуглеродный возраст	Калиброванный возраст, 1σ (BC, AD)	$\delta^{13}\text{C}$, ‰
Gг-64626	кость коровы, шурф 1, пласт 12	1875 ± 30	80AD – 140AD (41.8%) 150AD – 180AD (14.3%) 190AD – 220AD (12.1%)	–19.9
Gг-64946	кость копытного, склон	2020 ± 40	90BC – 70BC (3.6%) 60BC – 30AD (59.4%) 40AD – 60AD (5.2%)	–21.3

1.5. Согласно палеопочвенным данным культурный слой местонахождения Кереста стратиграфически соответствует погребенной почве. Выше залегает мощный делювиальный нанос с единичными включениями мелких костей животных. Из культурного слоя проведен отбор образцов в колонке с шагом 5 см для определения содержания фосфатов и уреазной активности. Содержание фосфатов в погребенной почве шурфа соответствует показателям нижних горизонтов современной почвы. В верхних слоях современной почвы содержание фосфатов снижается. В погребенной почве при однотипном распределении фосфатов отмечено некоторое возрастание этого показателя в слое 10–20 см, что, возможно, указывает на более интенсивное поступление в почву органики в этот период.

В распределении уреазной активности по профилю почвы не выявлено никаких закономерностей, которые могли бы указывать на дополнительное поступление мочевины. Это позволяет исключить возможность содержания скота на участке, где был заложен шурф.

1.6. Изотопный состав азота и углерода ($\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$) костей пастбищных, или водозависимых животных соотносится с изотопным составом растений тех пастбищных угодий, где они выпасались (Шишлина 2014). Для анализа были отобраны кости лошади, коровы и овцы (рис. 1). Все животные паслись на степных пастбищах с преобладанием растений C_3 . Вариации между данными, полученные для разных видов скота, обусловлены тем, что каждый вид животных поедает разную растительность. Например, из 288 видов растений пустынной зоны Казахстана в рацион коровы и лошади входит только 109, а овец – 167 видов (Масанов 1999: 117).

Однако, на графике видны значительные вариации в изотопном составе костей овцы. Сравнение с фоновыми показателями изотопного состава местной флоры и костей животных из погребений этого времени, позволяют высказать предположение, что овцы паслись на разных пастбищах, которые могли располагаться за пределами типичных степных экологических участков (лесостепная зона, долины крупных рек, предгорная зона).

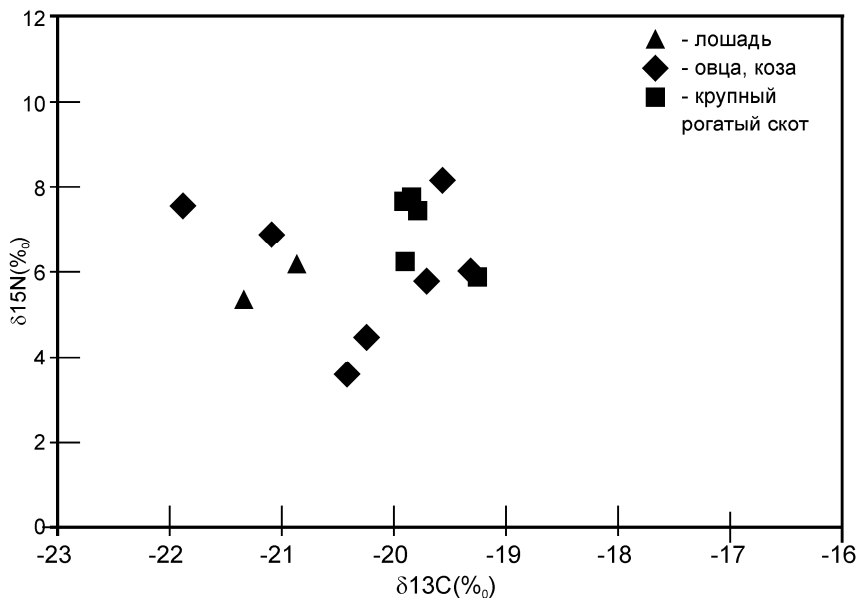

Рис. 1. Пастушеская стоянка Кереста, вариации изотопного состава костей домашних животных

1.7. Оценка потенциальной пастбищной зоны вокруг местонахождения. Установлено, что благодаря глубокому врезу балок в непосредственной близости от местонахождения значительные площади занимают крутые склоны южной экспозиции, которые в меньшей степени покрываются снегом зимой, что позволяет использовать их в качестве зимних пастбищ. Но в летний период эти склоны выгорают сильнее, с чем связан меньший объем фитомассы и более низкое качество травостоя. Это делает выпас в летний период нецелесообразным. По имеющимся данным при «оптимальном» процентном соотношении поголовья выпас стада в составе: 1 лошадь, 1 корова, 10 овец на зимнем пастбище площадью 500 га с продуктивностью, определенной для участка закрытой прирусловой части южно-экспонированного склона, возможен в течение 152 дней. При увеличении поголовья продолжительность пастбищного периода пропорционально снижается.

Отметим, что из-за большего увлажнения и более сбалансированного состава растительности продуктивность пастбищ на северных склонах балки в летнее время выше. Для склонов северной экспозиции характерны растительные группировки, свойственные более северной растительной зоне или подзоне – продуктивные ковыльно-типчаковые и типчаково-ковыльные ассоциации с участием мезофильных злаков, ценных в кормовом отношении. Склоны южной экспозиции, характеризующиеся более засушливыми условиями, покрыты растительными группировками южной растительной зоны или подзоны

и состоят из ассоциаций со значительным участием полукустарников, таких как полынь, камфороса.

Период активной вегетации большинства злаков на северных экспонированных склонах связан с поздневесенним – раннелетним периодом. Южные склоны значительно раньше прогреваются, поэтому их использование для выпаса в летний период нецелесообразно.

Заключение. Вокруг местонахождения Кереста расположены глубокие балки с крутыми склонами южной экспозиции, на которых снег сдувается ветром и быстрее тает, что позволяет их использовать в качестве зимних пастбищ. Эти склоны заняты преимущественно полукустарничковой растительностью, отрастающей в осенний период. Само местонахождение абсолютно закрыто от ветра с северной стороны, что создает комфортные условия для временного проживания. Склоны северной экспозиции с более густым степным травостоем, максимальным в период увлажнения весной и осенью, вероятно, использовались в качестве сезонно-переходных пастбищ (осень, весна), а открытые плакорные пространства с обильным травостоем – служили для летнего выпаса.

Предположительно, местонахождение использовалось в короткий интервал (до 30 дней), при этом, мог практиковаться как совместный, так и раздельный выпас скота. После стравливания зимней площадки, пастухи переходили на другой участок балки, возвращаясь на это местообитание только в следующий холодный сезон. Вариации изотопного состава костей домашних животных подтверждают, что выпас производился на пастбища, расположенных в разных геохимических и экологических условиях.

В связи со спецификой поселений древних скотоводов пустынно-степной зоны предлагается ввести в научный оборот новый тип памятников – кратковременная зимняя пастушеская стоянка.

Борисов и др. 2014 – *Борисов А. В., Шишлина Н. И., Клеценко А. А., Идрисов И. А.* Сезонные стоянки эпохи бронзы в пустынных степях северо-западного Прикаспия: проблема поиска и интерпретации материала // *Материалы Всерос. науч. конф. по археологическому почвоведению, посвящ. памяти проф. В. А. Демкина. Пущино, 2014. С. 86–90.*

Клевезаль 1988 – *Клевезаль Г. А.* Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М., 1988.

Масанов 1995 – *Масанов К.* Кочевая цивилизация казахов. Алматы; М., 1995.

Шишлина 2007 – *Шишлина Н. И.* Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.). М., 2007 (Труды ГИМ. Вып. 165).

Шишлина 2014 – *Шишлина Н. И.* Изотопный состав ^{13}C и ^{15}N коллагена костей археологических животных как показатель климатических изменений (на примере материалов лолинской культуры эпохи бронзового века) // *Материалы Всерос. науч. конф. по археологическому почвоведению, посвящ. памяти проф. В. А. Демкина. Пущино, 2014. С. 95–70.*

Шишлина и др. 2015 – *Шишлина Н. И., Борисов А. В., Клеценко А. А., Идрисов И. А., Чернышева Е. В., ван дер Плихт Ц.* Стоянка Большая Элиста 1. Теория и практика поиска и изучения поселений древних скотоводов в пустынно-степной зоне // *Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17, №3. С. 252–261.*

Список сокращений

АВ	– Археологические вести. СПб./М.
АН	– Академия наук
АС	– Археологический съезд
ВААЭ	– Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВМКК	– восточноманычская катакомбная культура
ВМЛБ	– Восточный Маныч, левый берег
ВМПБ	– Восточный Маныч, правый берег
ГАУК	– Государственное автономное учреждение культуры
ГИМ	– Государственный исторический музей. М.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж. Л./СПб.
ДКК	– донецкая катакомбная культура
ЗМКК	– западноманычская катакомбная культура
ИА	– Институт археологии
ИИМК	– Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
КСИА	– Краткие сообщения ИА АН СССР/РАН. М.; Л.
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
ЛОИА	– Ленинградское отделение ИА АН СССР
МАСП	– Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МГУ	– Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НА	– Научный архив
НАН	– Национальная академия наук
ОАВЕС	– Отдел археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ. СПб.
ОАЦАК	– Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН. СПб.
ПБВ	– Поздний бронзовый век
погр.	– погребение
РА	– Российская археология. М.
РАН	– Российская академия наук
РБВ	– Ранний бронзовый век
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд. М.
РГУ	– Ростовский государственный университет. Ростов н/Д
РЛГ	– Ростово-луганская группа
РО	– Рукописный отдел
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований. М.
СА	– Советская археология. М.
СБВ	– Средний бронзовый век
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
ССПК	– Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ТД	– Тезисы докладов
УССР	– Украинская Советская Социалистическая Республика
PВ	– Prähistorische Bronzefunde
PZ	– Prähistorische Zeitschrift, New York; Berlin

**Авторы и участники Круглого стола,
посвященного 80-летию со дня рождения
С. Н. Братченко**

Агульников Сергей Михайлович	– Кишинёв, Республика Молдова, Центр Археологии Института культурного наследия АН Республики Молдова, agulnikov-budjak@mail.ru
Бардакова Полина Алексеевна	– Санкт-Петербург, ИИМК РАН, ОАЦАК, polina.bardackova@yandex.ru
Бачура Ольга Петровна	– Екатеринбург, Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН
Борисов Александр Владимирович	– Пушкино, Московская обл., Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН
Бочкарёв Вадим Сергеевич	– Санкт-Петербург, ИИМК РАН, ОАЦАК, bovad872@gmail.com
Власкин Николай Михайлович	– Ростов-на-Дону. ГАУК Ростовской обл. «Донское наследие», mrschuhhardt@gmail.com
Гак Евгений Игоревич	– Москва, ИА РАН, e.i.gak@mail.ru
Галкин Тимур Олегович	– Владимир, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, timyrgalkin@gmail.com
Горбенко Кирилл Владимирович	– Николаев, Украина, Николаевский национальный университет им. В. А. Сухомлинского, Институт истории, политологии и права, dikiysad@ukr.net
Дятлова Татьяна Дмитриевна	– Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, факультет почвоведения, кафедра биологии почв
Иванова Светлана Владимировна	– Одесса, Украина, ИА НАН Украины, svi1956@gmail.com
Ильюков Леонид Сергеевич	– Ростов-на-Дону, Южный научный центр РАН, Ilyukov@ssc-ras.ru
Кайзер Эльке (Kaiser Elke)	– Берлин, Федеративная Респу́блика Герма́ния, Свободный университет Берлина, Институт Доисторической Археологии, elke.kaiser@topoi.org

- Кашуба Майя Тарасовна – Санкт-Петербург, ИИМК РАН, ОАЦАК. mirra-k@ya.ru
- Кислый Александр Евгеньевич – Симферополь, Институт археологии Крыма РАН. kistry.a@mail.ru
- Кияшко Алексей Владимирович – Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, кафедра археологии и истории древнего мира. volgodon5@mail.ru
- Клейн Лев Самуилович – Санкт-Петербург. lsklejn@gmail.com
- Ковалёв Алексей Анатольевич – Санкт-Петербург, Москва, ИА РАН
- Козленко Роман Александрович – Николаев, Украина, Николаевский национальный университет им. В. А. Сухомлинского, лаборатория археологии и этнологии. rknovel@yandex.ru
- Кузин-Лосев Валерий Иванович – Донецк, Донецкая Народная Республика, Донецкий республиканский краеведческий музей. msg.val@yandex.ru
- Кузнецов Павел Фёдорович – Самара, Самарский государственный социально-педагогический университет, Музей археологии Поволжья. pavelf.kpf.kuznetsov@gmail.com
- Кузьминых Сергей Владимирович – Москва, ИА РАН. kuzminykhsv@yandex.ru
- Малов Николай Михайлович – Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, кафедра истории России и археологии. malow.kolia@yandex.ru
- Малюкевич Александр Евгеньевич – Одесса, Украина, Одесский археологический музей НАН Украины. malyukevich@mail.ru
- Мельник Валерий Иосифович – Москва, ИА РАН. melvaler@yandex.ru
- Мимоход Роман Алексеевич – Москва, ИА РАН. mimokhod@gmail.com
- Осташинский Сергей Матвеевич – Санкт-Петербург, ГЭ, ОАВЕС. osm@mail.ru

- Палагута Илья Владимирович – Санкт-Петербург, СПб государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штигица, кафедра искусствоведения. ipalaguta@yandex.ru
- Панасюк Наталья Викторовна – Москва, Российский университет дружбы народов. oranatka@yandex.ru
- Плихт Й. ван дер – Нидерланды, Гроннингенский, Лейденский университеты, директор 14С лаборатории
- Разумов Сергей Николаевич – Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, научно-исследовательская лаборатория «Археология». razum_22@rambler.ru
- Рогудеев Василий Васильевич – Ростов-на-Дону, ГАУК Ростовской обл. «Донское наследие». don-romago@yandex.ru
- Скакун Наталья Николаевна – Санкт-Петербург, ИИМК РАН, экспериментально-трасологическая лаборатория. skakunnatalia@yandex.ru
- Старкова Елена Генриховна – Санкт-Петербург, ГЭ, ОАВЕС. astarkova2012@yandex.ru
- Стеганцева Вероника Яковлевна – Санкт-Петербург, ИИМК РАН, ОАЦАК. veronika_s@mail.ru
- Терёхина Вера Владимировна – Санкт-Петербург, ИИМК РАН, ОАЦАК. terehinavera@mail.ru
- Файферт Анатолий Владимирович – Ростов-на-Дону, ГАУК Ростовской обл. «Донское наследие». faifert86@gmail.com
- Черлёнок Евгений Александрович – Санкт-Петербург, СПбГУ, Институт истории, кафедра археологии. eugcherlenok@list.ru
- Черниенко Юрий Андреевич – Одесса, Украина, Одесский археологический музей НАН Украины. oama1825@mail.ru
- Чечина Анастасия Юрьевна – Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, кафедра археологии и истории древнего мира, a.c.irbis@yandex.ru
- Шишлина Наталья Ивановна – Москва, ГИМ. nshishlina@mail.ru

Содержание

<i>В. С. Бочкарёв, В. А. Алёшкин.</i> От редакции	3
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ	
<i>Л. С. Клейн.</i> Ямная, буджакская и ДНК	6
<i>А. Е. Кислый.</i> Об одной из причин внешних и внутренних миграций древних скотоводческих культур: методология истории, протокочевники мира	14
<i>В. С. Бочкарёв.</i> Гипотезы Л. С. Клейна и С. Н. Братченко о происхождении донецкой катакомбной культуры: pro et contra	18
<i>М. Т. Кашиба, Э. Кайзер.</i> Проблемы изучения стеклянных изделий бронзового века в Северном Причерноморье	24
<i>А. А. Ковалёв.</i> «Гладкие» каменные топоры с поперечным орнаментальным пояском: истоки и распространение традиции.....	29
<i>В. И. Кузин-Лосев.</i> Волго-Уральский очаг культурогенеза как культурологический фантом.....	33
<i>П. Ф. Кузнецов.</i> Древнейшие колесницы погребальных комплексов Евразии.....	36
<i>С. В. Кузьминых, Р. А. Мимоход.</i> Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневожской абашевской культуры	39
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЭНЕОЛИТА И РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ	
<i>Н. Н. Скакун, В. В. Терёхина.</i> Крупные кремневые пластины как элемент погребального инвентаря ранних скотоводов на юго-востоке Европы	45
<i>С. М. Остаинский, Е. А. Черлёнок.</i> Комплекс энеолитических украшений из навеса Мешоко (по результатам работ 2011–2015 гг.)	49
<i>И. В. Палагута, Е. Г. Старкова.</i> Триполье и Степь: к вопросу о динамике культурных взаимосвязей	52
<i>А. В. Файферт.</i> О культурно-хронологической принадлежности материалов энеолита и раннего бронзового века Левенцовского поселения	57

С. В. Иванова. Причины и характер экспансии скотоводческого населения в Балкано-Карпатский регион в раннем бронзовом веке 59

С. Н. Разумов. Синхронные погребения детей и взрослых в раннем бронзовом веке Северо-Западного Причерноморья 64

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

СТЕПНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Н. М. Власкин. Ростово-луганская позднекатакомбная группа на Нижнем Дону 70

Е. И. Гак. Этапы трансформаций в металлопроизводстве среднего бронзового века на территории степного Предкавказья и юго-востока Русской равнины 74

Э. Кайзер. Поселения катакомбной культуры в Северном Причерноморье . 79

В. Я. Стеганцева. Доманычское время на Маныче 80

А. В. Кияшко. Культурные слои эпохи средней бронзы поселения Раздорское I на Нижнем Дону 84

Л. С. Ильюков. Миниатюрные сосуды из Левенцовской крепости 88

В. И. Мельник. Пространственно-временные аспекты распространения катакомб в степях Восточной Европы в бронзовом веке 91

Н. В. Панасюк. Курильница как критерий атрибуции памятников катакомбных культур степного Предкавказья 94

П. А. Бардакова. Формирование одного типа катакомбной керамики 98

В. В. Рогудев. Орнамент «меандр» в степных комплексах среднего бронзового века 102

А. Ю. Чечина. Змейское поселение периода средней бронзы в Северной Осетии 105

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

СТЕПНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Н. М. Малов. Кованые наконечники копий ранней фазы Волго-Уральского очага культурогенеза и их модели (эпоха поздней бронзы) 109

Ю. А. Черниенко. Еще раз к вопросу о роли сейминско-турбинского фактора в развитии металлопроизводства эпохи поздней бронзы в Восточной Европе (на примере наконечников копий и дротиков) .. 113

К. В. Горбенко. Укрепленное поселение Дикий Сад в контексте древностей финальной бронзы Северо-Западного Причерноморья.... 118

<i>Р. А. Козленко.</i> Ритуальная практика населения городища Дикий Сад.....	122
<i>С. М. Агульников.</i> Контакты культур позднего бронзового века Северо-Западного Причерноморья.....	126
<i>С. М. Агульников, А. Е. Малюкевич.</i> Межплеменные контакты в позднем бронзовом веке на Днестровском лимане (по материалам комплексов у с. Молога)	130
МЕТОДЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В АРХЕОЛОГИИ	
<i>Т. О. Галкин.</i> Анализ состава и технологии изготовления керамики поздняяковской культуры (по материалам поселения Покров 1 на Нижней Оке).....	135
<i>Н. И. Шишлина, А. В. Борисов, О. П. Бачура, Т. Д. Дятлова, Й. ван дер Плихт.</i> Сезонная стоянка Кереста раннего железного века юга Русской равнины	138
Список сокращений	143
Авторы и участники Круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко	144
Содержание	147

Отпечатано в типографии Государственного Эрмитажа
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34
Подписано в печать 08.11.2016. Формат 60 × 90^{1/16}
Усл. печ. л. 11,05. Тираж 100 экз. Заказ 84